

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

Научно-исследовательский институт гуманитарных исследований

Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства

**КАМЕННАЯ СКУЛЬПТУРА И МЕЛКАЯ ПЛАСТИКА
ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ**

Сборник научных трудов

Труды САИПИ

Выпуск 3

Барнаул 2007

**ББК 63.44я43+85.103я43
К 181**

Ответственный редактор:
доктор исторических наук *А.А. Тишкин*

Редакционная коллегия:
доктор исторических наук *В.В. Горбунов*;
доктор исторических наук *Л.Н. Ермоленко*;
доктор исторических наук *Ю.Ф. Кирюшин*;
кандидат исторических наук *С.П. Грушин*;
кандидат исторических наук *П.К. Дашковский*

К 181 Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии : сборник научных трудов / отв. ред. А.А. Тишкин. – Барнаул : Изд-во Азбука, 2007. – 156 с.: ил. – (Труды САИПИ. Вып. 3)

ISBN 978-5-93957-193-7

В сборнике представлены материалы научного семинара, состоявшегося в рамках Международной научной конференции «Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками» (Барнаул, август 2007 г.). В нем публикуются статьи, группированные в три раздела: «Результаты и проблемы изучения каменной скульптуры и мелкой пластики» «Оленные камни», «Средневековые каменные изваяния».

Издание рассчитано на исследователей, занимающихся археологией, этнографией, искусствоведением, историей и культурологией.

*Подготовлено и издано при частичной финансовой поддержке
РГНФ–МинОКН Монголии (проект №07-01-92061г/Г),
а также в рамках реализации научно-исследовательской работы
кафедры археологии, этнографии и источниковедения АлтГУ
по теме «Комплексное изучение материальной и духовной культуры
древних и традиционных обществ Сибири»*

ISBN 978-5-93957-193-7

© Оформление. Издательство Азбука, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

РЕЗУЛЬТАТЫ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ КАМЕННОЙ СКУЛЬПТУРЫ И МЕЛКОЙ ПЛАСТИКИ.....	5
Д.Л. Бродянский КАМЕННАЯ СКУЛЬПТУРА И МЕЛКАЯ ПЛАСТИКА В НЕОЛИТЕ И ПАЛЕОМЕТАЛЛЕ ПРИМОРЬЯ	5
И.Р. Васильевский НАХОДКА РЕТУШИРОВАННОЙ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ СКУЛЬПТУРЫ НА АЛТАЕ.....	10
П.В. Волков, Р.В. Белоусов, К.Ю. Кирюшин КАЛДАННЫЙ КАМЕНЬ ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ СОБРАНИЙ КАМЕНСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ.....	13
Д.С. Гречко МЕЛКАЯ ГЛИНЯНАЯ ПЛАСТИКА НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРСКОДОНЕЦКОЙ ЛЕСОСТЕПИ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ.....	18
С. Кассен СРАВНИТЬ НЕСРАВНИМОЕ. СООРУЖЕНИЯ МЕНГИРОВ МЕЖДУ АТЛАНТИКОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИЕЙ: ВВЕДЕНИЕ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКУЮ ПРОГРАММУ	21
Ю.Ф. Кирюшин, С.П. Грушин ПРЕДМЕТЫ МОБИЛЬНОГО ИСКУССТВА РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ.....	22
Ю.В. Кириллова СКУЛЬПТУРНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ МЕДВЕДЯ ЭПОХИ НЕОЛИТА – БРОНЗЫ (прагматический аспект).....	25
Л.Ю. Китова СЕМАНТИКА ЗНАКА КОПЫТА НА ТАГАРСКОЙ БРОНЗЕ	28
С.А. Ковалевский К ВОПРОСУ ОБ УРОВНЕ РАЗВИТИЯ ИРМЕНСКОГО ОРНАМЕНТАЛЬНОГО ИСКУССТВА	31
Г.В. Кубарев, Е.П. Маточкин, В.Д. Кубарев ИЗВАЯНИЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ ИЗ ДОЛИНЫ РЕКИ НИЖНИЙ ИНЕГЕНЬ (Центральный Алтай)	33
В.Е. Ларичев ВРЕМЯ, ЗАПЕЧАТЛЕННОЕ В КАМНЕ (семантика пластинчатой скульптуры с числовыми знаковыми записями из неолитического погребения Забайкалья).....	36
Л.В. Лбова, П.В. Волков ТЕХНОЛОГИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ПРЕДМЕТОВ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОМПЛЕКСАХ НАЧАЛЬНОЙ ПОРЫ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА В ЗАПАДНОМ ЗАБАЙКАЛЬЕ	40
Л.С. Марсадилов ГИГАНТСКАЯ КАМЕННАЯ «СКУЛЬПТУРА» ЗАПАДНОГО АЛТАЯ	43
В.Е. Медведев КАМЕННЫЕ СКУЛЬПТУРНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ В НЕОЛИТЕ НИЖНЕГО ПРИАМУРЬЯ.....	46
Е.А. Миклашевич ИЗ «ИСТОРИИ ЖИЗНИ» ОДНОГО ИЗВАЯНИЯ.....	51
Н.Н. Моор ТАГАРСКАЯ МЕЛКАЯ ПЛАСТИКА (историография вопроса).....	55
А.М. Новичихин АНТРОПОМОРФНЫЙ АМУЛЕТ IV–V ВВ. ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ АНАПЫ.....	58
Е.В.Переводчикова ФИЛИППОВКА И АЛТАЙ (по материалам золотых предметов из 1 Филипповского кургана)	60
Д.В. Папин ПРЕДМЕТЫ МЕЛКОЙ ГЛИНЯНОЙ ПЛАСТИКИ С ПОСЕЛЕНИЯ МАЛЫЙ ГОНЬБИНСКИЙ КОРДОН I/3 ...	62
К.А. Руденко МЕЛКАЯ ГЛИНЯНАЯ ПЛАСТИКА ИМЕНЬКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ	64
Н.И. Рыбаков, С.А. Краснолуцкий КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ И СТЕЛЫ МЕЖДУРЕЧЬЯ ИЮСОВ, ПЕЧИЩА И МАЛОГО ОЗЕРА (новые находки).....	67
Вл.А. Семенов ГРАВИРОВАННЫЕ ГАЛЬКИ ИЗ ТУВЫ	70

И.Л. Симонова ПОЛИЭЙКОНИЧЕСКИЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ В МОБИЛЬНОМ ИСКУССТВЕ (к вопросу изучения и интерпретации).....	73
О.С. Советова МЕЛКАЯ ПЛАСТИКА И ПЕТРОГЛИФЫ ТАГАРСКОЙ ЭПОХИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ	75
С.В. Сотникова К ВОПРОСУ О ГРАВИРОВАННЫХ ГАЛЬКАХ ТОРГАЖАКА	77
А.В. Табарев КАМЕННЫЕ ФИГУРКИ РЫБ ПО МАТЕРИАЛАМ ФИНАЛЬНОПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ВЕРСИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ	79
С.С. Тихонов КУЛЬТОВЫЕ БЛЯХИ И ВОИНСКИЕ ПОЯСА ИЗ СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ	81
Ю.С. Худяков ИЗОБРАЖЕНИЯ ВОИНОВ НА ТОРЕВТИКЕ НОМАДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	82
О.П. Ченченкова ОБЩИЕ ЧЕРТЫ В ИСКУССТВЕ БОТАЙСКОЙ, ОКУНЕВСКОЙ И САМУСЬСКОЙ КУЛЬТУР (к вопросу о формировании нового мировоззрения у ранних скотоводов лесостепной Евразии)	85
А.А. Чижевский ПРЕДМЕТНЫЙ РЕПЕРТУАР АНАНЬИНСКИХ (ПОСТМАКЛАШЕЕВСКИХ) СТЕЛ.....	88
«ОЛЕННЫЕ» КАМНИ	92
А.В. Варенов О НЕОЛИТИЧЕСКИХ КОРНЯХ ОЛЕННЫХ КАМНЕЙ МОНГОЛО-ЗАБАЙКАЛЬСКОГО СТИЛЯ	92
М.А. Дэвлет, Е.Г. Дэвлет ИЗОБРАЖЕНИЯ ЩИТОВ НА ОЛЕННЫХ КАМНЯХ	96
А.А. Ковалев, Д. Эрдэнэбаатар ДВЕ ТРАДИЦИИ РИТУАЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОЛЕННЫХ КАМНЕЙ МОНГОЛИИ	99
Д.Г. Савинов ОБ ОЛЕННЫХ КАМНЯХ «СМЕШАННОГО» ТИПА	105
Д.В. Черемисин К ИЗУЧЕНИЮ СТЕЛ АЛТАЯ И ПЕТРОГЛИФОВ В СТИЛЕ ОЛЕННЫХ КАМНЕЙ	108
К.В. Чугунов ОЛЕННЫЕ КАМНИ И СТЕЛЫ В КОНТЕКСТЕ ЭЛИТНЫХ КОМПЛЕКСОВ САЯНО-АЛТАЯ	109
Е.В. Шелепова К ВОПРОСУ О «ПЕРЕИСПОЛЬЗОВАНИИ» «ОЛЕННЫХ» КАМНЕЙ В ПАМЯТНИКАХ ТЮРКСКОЙ КУЛЬТУРЫ	113
СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ	119
В.В. Горбунов, А.А. Тишкин КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ ТЮРКСКОГО ВРЕМЕНИ НА ЯЛОМАНСКОМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ.....	119
Б.Б. Дашибалов К АРХЕОЛОГИИ КЫПЧАКОВ: КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ КУЛЬТУРАХ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ	124
Л.Н. Ермоленко ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ВИДЕ КАМЕННЫХ КОЧЕВНИЧЕСКИХ ИЗВАЯНИЙ	126
Т.А. Кубанова РОЛЬ КОМПЛЕКСА КАМЕННОЙ СКУЛЬПТУРЫ НА АМУРЕ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ НАНАЙЦЕВ.....	130
Е.П. Маточкин КАМЕННАЯ СКУЛЬПТУРА МОГИЛЬНИКА БОРТУЛДАГА (Горный Алтай).....	132
Ю.И. Ожередов ПОМИНАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС РАННИХ ТЮРОК В СОМОНЕ УМНЭ-ГОВЬ УБСУНУРСКОГО АЙМАКА ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ	135
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	139

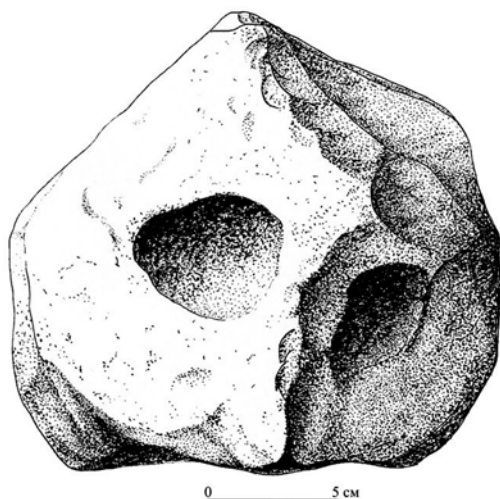
РЕЗУЛЬТАТЫ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ КАМЕННОЙ СКУЛЬПТУРЫ И МЕЛКОЙ ПЛАСТИКИ

Д.Л. Бродянский

Дальневосточный государственный университет, Владивосток, Россия

КАМЕННАЯ СКУЛЬПТУРА И МЕЛКАЯ ПЛАСТИКА В НЕОЛИТЕ И ПАЛЕОМЕТАЛЛЕ ПРИМОРЬЯ

Автор учел более 500 произведений искусства, найденных в слоях мезолита, неолита и палеометалла Приморья. Количественно преобладают мобильные петроглифы, выполненные в «чашечной» традиции, есть петроглифы с гравировками, фигурки из керамики, кости, рога, кабаньих клыков, раковин, рельефы на керамике. В самом насыщенном произведении искусства памятнике бойсманской неолитической культуры (6825–4470 л.н.) Бойсмана-II (найдено более 130 вещей) есть несколько каменных объемных (круглых) скульптур: базальтовая голова Ворона (рис. 1), череп ребенка из пемзы (рис. 2) – обе вещи входили в состав ритуальных композиций из сосуда, частей оленя (рог, лопатка) и каменной скульптуры.

*Рис. 1. Бойсмана-II,
бойсманская культура:
базальтовая голова Ворона*

В Гладкой-IV в бойсманском слое найдена плоская скульптура головы тигра из плитки туфопесчаника (рис. 3.-1). Это лучшее изображение тигра на Дальнем Востоке: показаны нос, тупой срез морды, глаз, овальное ухо, усы, подшейная «серьга». В 600 м от этой находки в Гвоздево-III обнаружен двухсторонний петроглиф на плитке такого же туфопесчаника, на одной стороне – рисунок кота с мышкой во рту, на другой – леопард с раскрытой пастью – серия изображений кошачьих. В Бойсмана-II в слое бойсманской культуры найдены две плоские фигурки, оформленные ретушью на кремнистых отщепках. Это полиэikonическая фигурка: ларга – кабан – женщина в капюшоне (рис. 3.-2) и фигурка морского котика (рис. 3.-3).

Серия фигурок, оформленных ретушью на отщепках кремнистых пород, найдена в слое руднинской культуры в Рудной Пристанни (рис. 4.-1–14). Среди них изображение нерп (рис. 4.-1–2), орлана (рис. 4.-4), неопределимой птицы (рис. 4.-6), две полиэikonические фигурки: сова – женщина – лось (?) (рис. 4.-3, 5), фигурки рыб (рис. 4.-7, 12, 13), медведей (рис. 4.-9–10), кабана (рис. 4.-8), оленей (рис. 4.-11, 14). В Лузановой Сопке-II найдено комбинированное орудие на кремневой пластине, конец его оформлен в виде головы утки (рис. 4.-15). Четыре каменных фигурки найдены в слоях зайсановской неолитической культуры: медведь, морской скат и собака (рис. 5.-1) в Бойсмана-II, сова – женщина и, возможно, лось – в Лузановой Сопке-II (рис. 5.-2). В слоях этой же культуры найдены две каменные скульптуры: черепаха в Синем Гае А и изображение эмбриона в Оленьем А (обе из базальта). Две антропоморфных сланцевых фигурки Г.И. Андреев нашел в Зайсановке-I.

В слоях лидовской и янковской культур палеометалла найдена серия фигурок кабанов, изготовленных простейшим способом из плоских галек (рис. 6). В янковском жилище №1 Бойсмана-III найдены две фигурки птиц, изготовленные из галек: гусь (рис. 7.-1) и сокол (рис. 7.-2). В этом же жилище найдена плита из туфа, на обеих плоскостях по 30 «чашечных» ямок, в том числе изображение созвездия Плеяды; очертание плиты напоминает голову медведя. Из того же туфа изготовлена плита – черепаха, в одном из ракурсов – плывущий медведь.

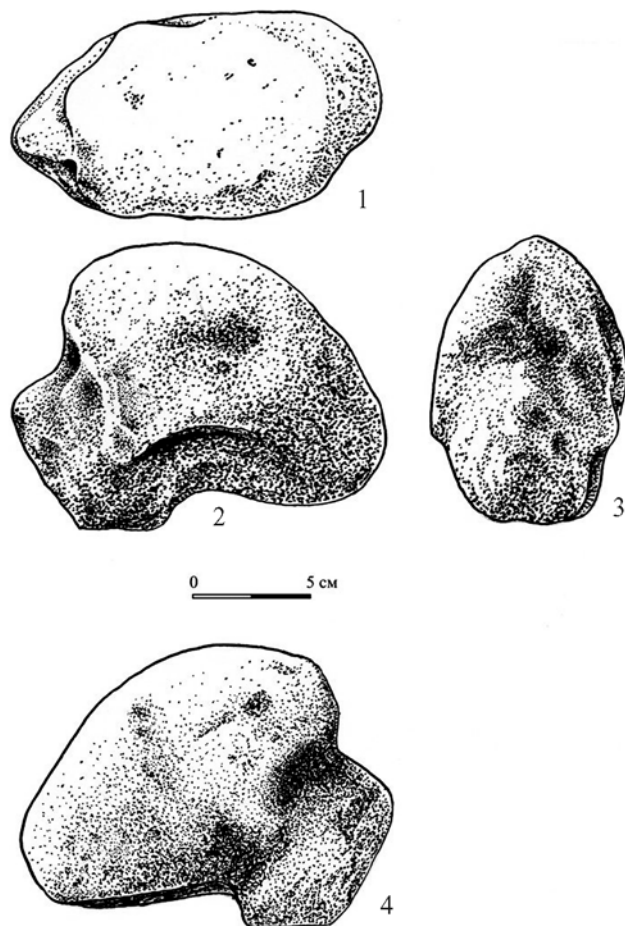

Рис. 2. Бойсмана-II, бойсманская культура: череп из немзы

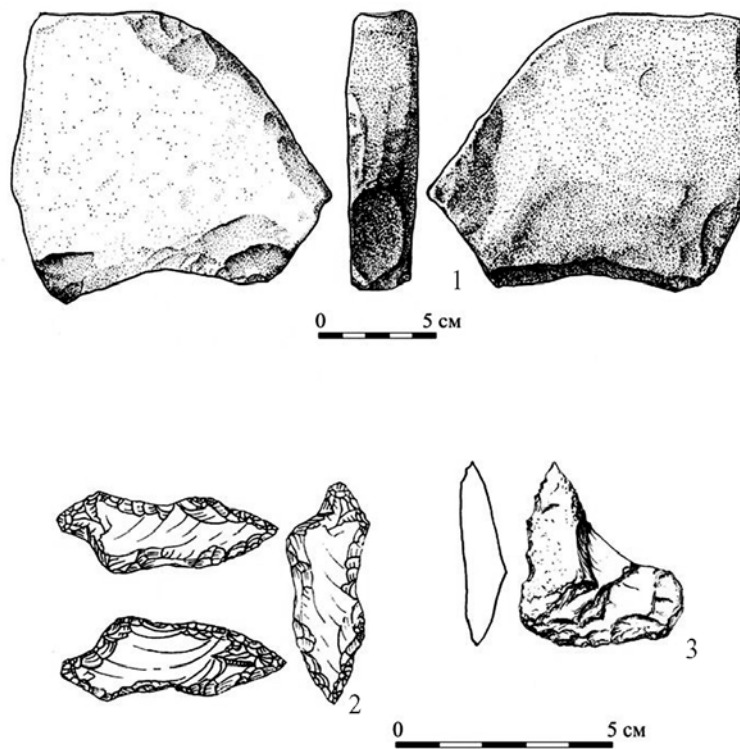

Рис. 3. Бойсманская культура: 1 – голова тигра, Гвоздево-III, туфопесчаник; 2 – ларга – кабан – женщина в капюшоне; 3 – морской котик (2, 3 – Бойсмана-II, окремненный сланец)

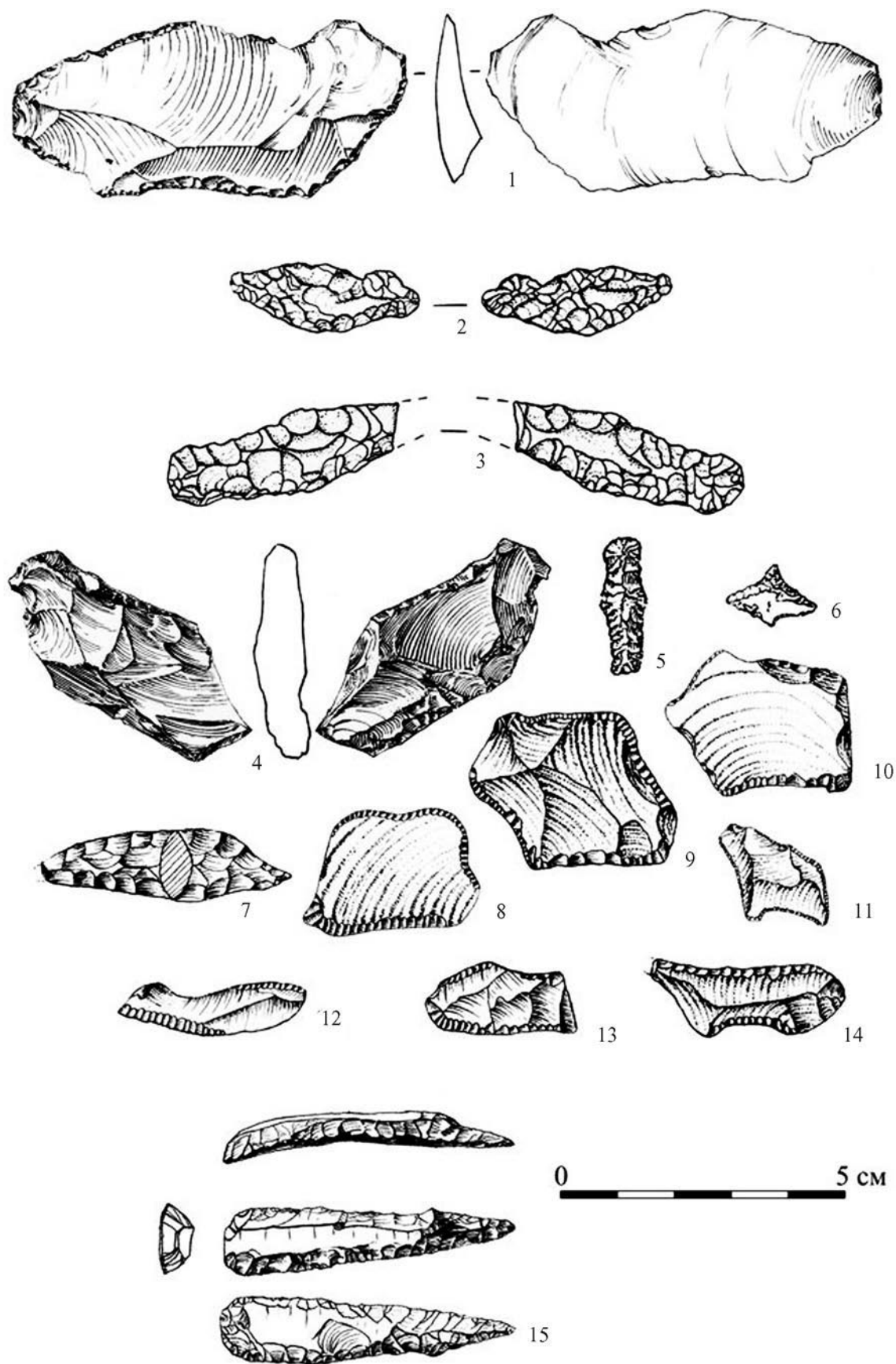

Рис. 4. Руднинская культура, каменные фигурки: 1–14 – Рудная Пристань, 15 – Лузанова Сопка-2; 1–2 – нерпы, 3–5 – сова – женщина – лось (?), 4 – орлан, 6 – птица, 7, 12, 13 – рыбы, 8 – кабан, 9, 10 – медведь, 11, 14 – олень, 15 – утка; 1–4 – по А.В. Табареву, 5–6 – по А.П. Окладникову, 7–14 – по В.И. Дьякову

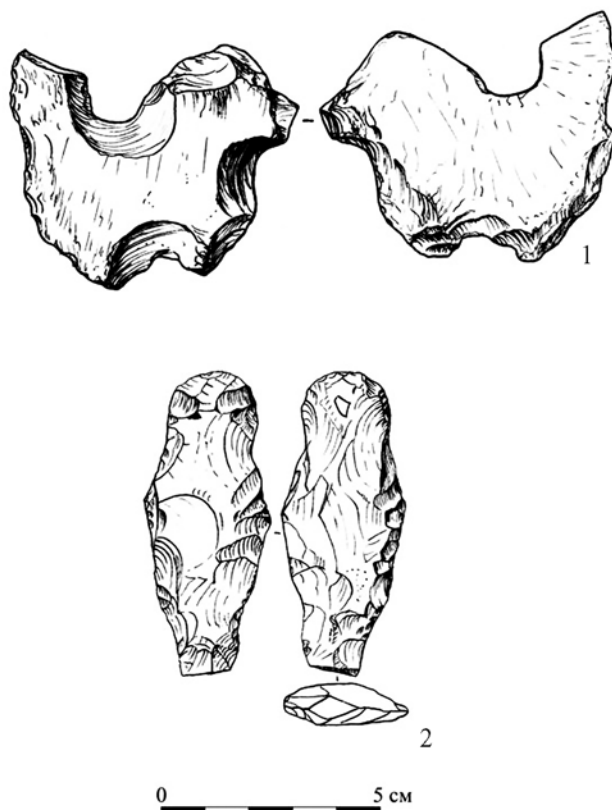

Рис. 5. Зайсановская культура: 1 – собака, Бойсмана-II, 2 – сова – женщина, Лузанова-2 (обе – сланец)

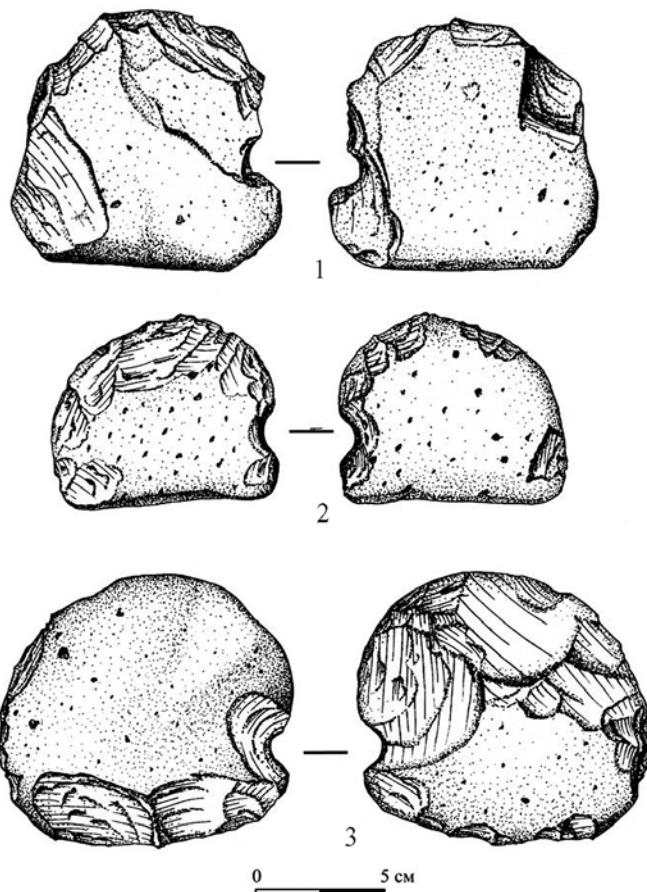

Рис. 6. Ветка-II, лидовская культура: кабанчики из плоских галек

В целом – каменные скульптуры и фигурки – не самые распространенные в Приморье произведения древнего искусства, но тем не менее они представлены во всех слоях стратиграфической колонки от мезолита до средневековья. В качестве любопытного примера древнейшей скульптуры приведу находку из раннеолитического жилища на Среднем Амуре в Новопетровке-III (Дервянко А.П., 1970). Это каменный просверленный диск с желобком (рис. 8). Я рассматриваю эту вещь как древнейшее кольцевидное изображение дракона. Позднее в неолите Маньчжурии распространены кольцевидные драконы, в них видят предтечи знаменитых кольцевидных пантер скифского времени (Варенов А.В., 2002; Богданов Е.С., 2004).

Очевидна связь каменной скульптуры, как и в целом древнего искусства, с мифологией, наглядно это видно на примерах с полиэйконическими фигурками в Бойсмана-II: женщина в капюшоне в берингийской мифологии – Хозяйка моря, посылающая морских животных охотникам.

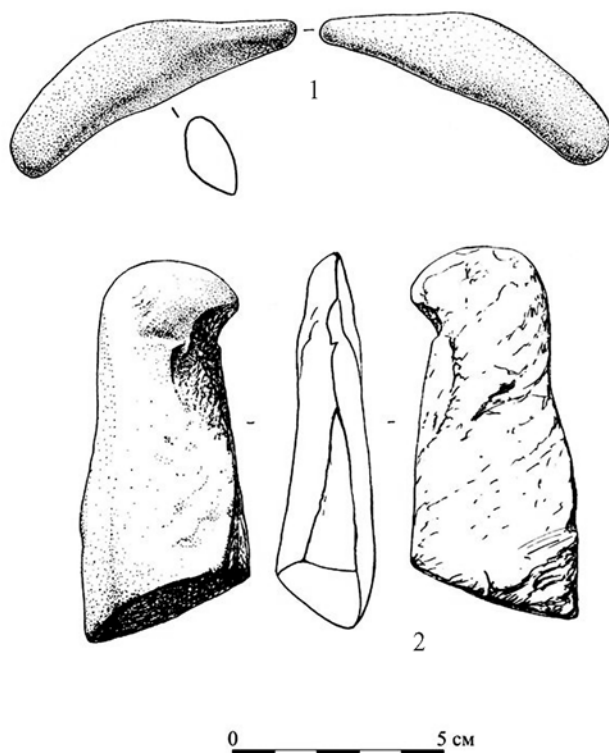

Рис. 7. Бойсмана-III, янковская культура, фигурки из галек: 1 – гусь, 2 – сокол

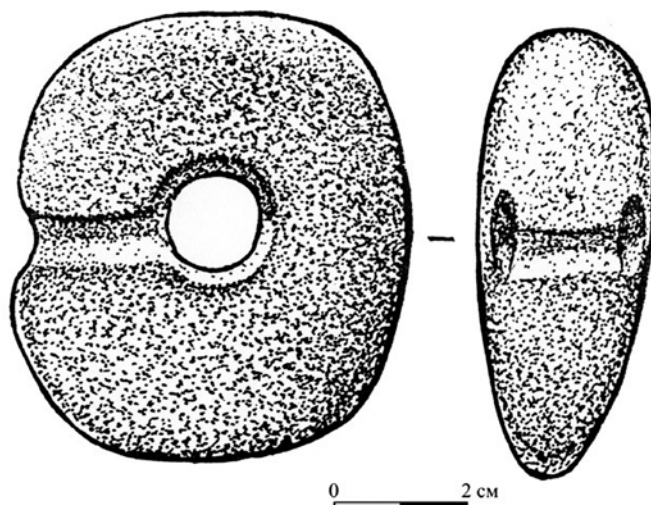

Рис. 8. Новопетровка-III: каменный дракон

И.Р. Васильевский

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

НАХОДКА РЕТУШИРОВАННОЙ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ СКУЛЬПТУРЫ НА АЛТАЕ

В работах А.П. Окладникова огромное внимание уделялось древнему искусству Сибири. В основном это касается петроглифов, которыми он занимался в течение почти всей своей жизни. Работа над этим видом рисунков позволила на местном сибирском материале выделить новый вид изделий из камня – неолитические скульптуры, полученные путем тщательной обработки ретушью. В своей работе «Петроглифы Ангары» А.П. Окладников (1966, с. 126) в один ряд с материалом по древнему искусству, известному как петроглифы, выделяет скульптуру из камня. Подобные находки у археологов чрезвычайно редки и их идентификация как скульптур определяется оценкой внешнего вида и целенаправленной обработкой камня древним мастером.

Характеризуя находку из неолитического поселения в районе Туой-Хая в бассейне р. Вилюй, А.П. Окладников (1966, с. 126) пишет о скульптурной обработке отщепы: «Ретушь ему придала определенную форму, весьма точно передавая общий облик животного – лося». Аналогичное по обработке изделие было обнаружено Ангарской археологической экспедицией в 1950 г. при раскопках неолитического поселения у деревни Патроны. Нужно отметить, что данная скульптура найдена в слое, где кроме керамики, присутствовали миниатюрные изображения рыб из жировика и нефритовое кольцо. На этом материале А.П. Окладников выделил изготовление скульптур как самостоятельный вид творчества наряду с другими видами неолитического искусства – петроглифами, украшениями, зооморфными резными фигурками из кости.

Этот подход А.П. Окладникова позволил включить в научный оборот материал, который до этого рассматривался утилитарно – как орудия. Дальнейшее заметное продвижение в исследовании неолитических скульптур Сибири сделала М.А. Кирьяк (2003), которая на значительном количестве археологического материала по искусству севера Дальнего Востока провела анализ взаимодействия и развития культур в сопредельных регионах, на путях миграции народов древней Сибири. Юг Дальнего Востока (амурско-уссурийский район), Якутия, Прибайкалье и Западносибирский регион – это территории, на которых археологи встречают зооморфные и антропоморфные скульптуры. В продолжение работ А.П. Окладникова по проблемам Берингии и заселения Америки с территории Северной Азии, д.и.н. А.В. Табарев провел анализ ряда археологических материалов, в том числе зооморфных скульптур, уже на территории Северной Америки. В контексте изучаемого вопроса отметим, что М.А. Кирьяк (2003, с. 55) опубликовала целую серию скульптур медведя из охотско-чукотского региона.

В тоже время, этот исследователь, используя термин «скульптура малых форм», к методам обработки относит не только ретуширование, но и подтеску (состругивание), заглаживание поверхности абразивом, пришлифовку и нанесение насечек. В части оценки этих видов обработки изделий надо заметить, особенно когда речь идет о скульптурах найденных вне погребений, что верификация их затруднена и должна носить строго индивидуальный характер и требует трасологической экспертизы. Для Сибири характерны как сезонные изменения климата, так и длительные мерзлотные явления, что влияет на внешний облик и структуру обломочного материала из камня или кости, который принимает иногда самые причудливые формы. Может сложиться впечатление, что на камне имеется рисунок с теми или иными образами. Поэтому автор вынес в заголовок статьи термин ретуширование, подразумевая целенаправленное снятие с исходного материала небольших сколов – отщепов и пластин для

придания артефакту вида животного. При этом у выделенных А.П. Окладниковым неолитических скульптур присутствует и ретушь по контуру изделия, чтобы абрис подчеркивал сходство с изображаемым.

В качестве примера такого рода изделий следует назвать великолепно выполненную неолитическую скульптуру медведя, обнаруженную автором в естественном береговом разрезе, в 14 км от известной Денисовой пещеры на Алтае (рис. 1, 2). Место находки представляет собой низкий (около 1 м) левый берег ручья Каменный, который впадает в Ануй ниже по течению от Денисовой пещеры и находится в 300 м от раннепалеолитической стоянки Карамы. Это изделие имеет ярко выраженный облик скребла длиной 117 мм, высотой 65 мм и максимальной толщиной 28 мм. Материалом для изготовления скульптуры являлся коричневый кислый эффузив со сферолитовой раскристаллизацией. Сырье местное, из которого обнаружено много археологического материала палеолита непосредственно в слое.

По определению А.П. Окладникова (1966, с. 127), к понятию «скульптура неолитического времени» можно отнести изделия, которые характеризуются как сложностью исполнения, так и внешним обликом. В данном случае для придания сходства с животным мастер сделал многочисленные снятия с поверхности исходного отщепы, которые не требовались для изготовления простого скребла. Важно отметить, что при обработке камня применялась как техника снятия ударом, так и отжима микроотщепов, а так же двустороннее ретуширование практически по всему контуру фигуры.

Наблюдательность мастера позволила ему удачно выполнить в камне характерные детали зверя: голову, передние лапы и заднюю часть, в которой ретушью подчеркивается типичный для медведя широкий зад. Детально выполнена лобовая часть головы – мелкие отщепы снимались техникой отжима сверху вниз. В результате на голове подчеркнуты уши и характерный для медведя лохматый загривок.

Существенный момент в изготовлении скульптуры из камня – это подбор цветовой гаммы сырья. Выбор цвета соответствует самому изображаемому персонажу либо его мифологическому двойнику. Известно изображение совы (филина), для которого использовался халцедон с оранжево-коричневой шероховатой коркой, хорошо имитирующей перья птицы (Кирыяк М.А., 2001, с. 15). В тоже время на стоянке Тытыль-III (Чукотка) была найдена скульптурка белого медведя из черного обсидиана, что должно было передать образ потустороннего мира, тени медведя, либо связываться с мифами полярной ночи. Найденная автором ретушированная скульптура в части цветовой гаммы не исключение – остатки на ногах и части головы необработанной коричневой поверхности камня хорошо подчеркивают известный для этого зверя цвет.

Все это свидетельствует о хорошем знании мастером животных региона, самого материала изготовления и высокой технике обработки камня.

По проблеме о назначении, функции скульптуры медведя, с точки зрения мифотворчества и обрядов в первобытной культуре, существует огромное количество этнографических и исторических исследований по разным эпохам, территориям и народам. Автор, в рамках данной статьи, исходя из местонахождения изделия (Алтай), выделяет только одну версию.

Известно, что на Алтае в сохранившихся до XX в. охотничьих традициях коренных жителей широко применялось использование ритуальных зооморфных фигурок из курута, быштака и толочна. Исследователь этого вопроса Е.А. Окладникова (1983, с. 161–175), привлекая значительный объем интересных этнографических наблюдений и оценок, предлагает более пяти различных вариантов сакрального смысла изготовления фигурок. В описании обряда установки фигурок и моления на тайном каменном фамильном жертвеннике, указывается, что используемые фигурки вырезаются самым старым человеком в роде и только мужчиной. При этом, в восприятии живущих охотой алтайцев, фигурки замеща-

ют убитых зверей, оставляются в тайге на жертвеннике для того чтобы «хозяин» зверей («ээзи») не обиделся на кражу и восстановил животное. Таким образом охота опять будет удачной, так как эта добыча снова встретится людям. Это толкование изготовления зооморфных скульптур представляется наиболее соответствующим поверьям древних охотников, которые целиком зависели от природы. Это можно отнести не только к охотникам неолита, но и палеолита. Например, Н.И. Дроздов в 1981 г., на палеолитической стоянке Усть-Кова (р. Ангара) нашел скульптурное изображение мамонта из бивня со следами охры. Возможно, оно изготовлено из бивня изображенного животного и несет тот же смысл, что и у алтайских охотников.

При датировании нашего изделия, как подъемного материала, необходимо обратить внимание на методический подход к изображаемым образам. Анализируя огромный объем археологических материалов по искусству древней Сибири, петроглифов и скульптуры из камня и кости, А.П. Окладников сделал важный вывод о том, что имевший место переход от зооморфных изображений к антропоморфным соотносится с переходом в древности от неолита к бронзовому веку, переломом в общественном сознании. «Этот переход от зооморфных божеств к антропоморфным хорошо документируется археологией» (Окладников А.П., 1976, с. 12).

В нашем случае ретушированная скульптура медведя соотносилась в береговом разрезе с прослоем светлого суглинка (мощностью около 0,2 м) между гумусом и нижележащим слоем серого суглинка. На вышележащей террасе слой подобного серого суглинка мощностью более 1 м датируется каргинским временем (27–50 тыс. лет), а тонкость вышележащего слоя связана с особыми условиями формирования и сохранения горно-луговой почвы на склонах в более поздний период. Если первичный скол на котором выполнена скульптура носит грубый архаичный характер, то сама обработка камня безусловно неолитического типа – имеет характерную краевую ретушь, подчеркивающую абрис фигуры медведя. Соответственно, относить изделие к более раннему, чем неолит периоду, было бы не верно. Однако скульптура мамонта, о которой говорилось выше, была найдена в палеолитическом комплексе, датированном около 23 920 лет назад. Таким образом, можно надеяться, что и на Алтае удастся найти каменные ретушированные скульптуры, изготовленные мастерами палеолита.

Рис. 1. Ретушированная скульптура медведя

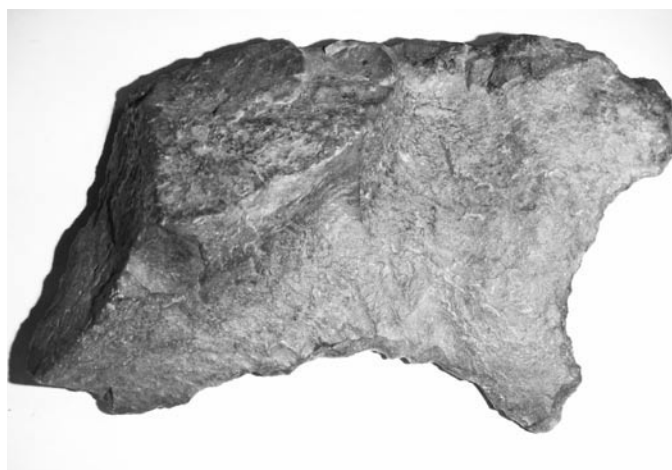

Рис. 2. Скульптура медведя. Вид обратной стороны

П.В. Волков, Р.В. Белоусов, К.Ю. Кирюшин

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск;
Барнаульский государственный педагогический университет, Барнаул;
Алтайский государственный университета, Барнаул,
Россия*

КАЛДАННЫЙ КАМЕНЬ ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ СОБРАНИЙ КАМЕНСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ*

Каменный краеведческий музей, основанный в 1919 г., имеет в своих фондах достаточно представительную археологическую коллекцию, происходящую в большинстве своем из археологических памятников Каменского Приобья. Значительная часть из них опубликована. Среди публикаций необходимо выделить работу коллектива авторов 1990 г. «Памятники истории и культуры северо-западного Алтая», представляющую собой наиболее полную сводку археологических материалов, хранящихся в музее (Памятники..., 1990). В то же время ряд интересных предметов, содержащихся в музее, остаются неизвестными научной общественности. Наша статья посвящена одному из них.

Предмет, хранящийся под инвентарным номером КП 2 3555 В 1-8, представляет собой каменное изделие из песчаника. По форме он напоминает окончание ложки (рис. 1.-1, 2). Ширина предмета – 15 см, длина – 20,5 см, толщина – 2 см, вес – 1510 гр. Лицевая сторона изделия украшена геометрическим орнаментом, низ заполирован. Изделие имеет три сквозных отверстия, причем одно из отверстий, расположенное на окончании предмета, обломано. Отверстия органически вписаны в общую систему орнамента и являются составной его частью. На нижней стороне имеется круглое пятно прокала, темного цвета. На широком конце имеются округлые борозды.

При общем трасологическом обследовании артефакта применялся бинокляр МБС-10 с односторонним боковым освещением наблюдаемого объекта и с дискретным рабочим режимом увеличения от 16 до 56 крат. При детальном функциональном анализе, дополнительно, использовались специализированные микроскопы МСПЭ-1 с плавным режимом смены увеличения от 19 до 95 крат и мощным двусторонним бестеневым освещением. В качестве основного исследовательского инструмента применялся, специально адаптированный для микро-трасологии, микроскоп «Olympus ВНТ-М» с бестеневым освещением через объектив и режимом увеличения от 100 до 500 крат.

Микроскопический анализ поверхности артефакта позволил зафиксировать и интерпретировать следы его производства и утилизации. Изделие изготавливалось путем шлифовки. Орнамент нанесен резчиком. Отверстия (рис. 1.-6/1) произведены путем двустороннего сверления. Дополнительная подработка краев отверстий (рис. 1.-6/2) выполнена с помощью ножа, материал которого не установлен. Завершающая процесс производства полировка осуществлялась, вероятно, с помощью мягких шкур.

На рисунке (рис. 1.-6) схематически отображена сторона изделия, противоположная орнаментированной. Следы утилизации артефакта выделяются отчетливо, интересны и достаточно необычны. Две трети описываемой поверхности покрыты заполировкой. Ее наибольшая интенсивность прослеживается по всей плоскости в зоне 4, в средней степени – в зоне 5. В районе отметок 6 заполировка уже совсем слабая и полностью отсутствует на плоскости в зонах сверления отверстий у окончания А. Заполировка, даже на самых интенсивных участках, не характерна для когда-либо описанных в трасологии. Блеск поверхности в зоне заполировки тусклый. Менее яркий, чем образующийся при контактах с кожей или мя-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №05-01-01390а).

сом и, тем более, с такими материалами как дерево или рог. Несомненно выделяются следы сверхмелких абразивов и замывания линейных следов (точнее — микроцарапин) обильным поступлением воды.

На описываемой поверхности изделия выявлены и сравнительно глубокие царапины. Линии их коротки (не более 3–4 см). Хорошо видны следы замывания «бортов» такого рода «бороздок». Начала образования царапин глубже окончаний. Ориентация (всех без исключений) от стороны изделия **А** в направлении **В**. Наибольшая концентрация в зоне между условными отметками 4 и 5.

На торцах изделия со стороны **А** следов утилизации или разрушений не выявлено. В зоне **В** разрушено не только место вязки веревок через отверстие, но и следы интенсивного водно-мелкоабразивного воздействия.

Следов утилизации в зоне выемки 3 не обнаружено. Назначение не установлено.

На поверхности изучаемого артефакта обнаружено округлое темное пятно (рис. 1.-6/7). Границы черно-бурого по цвету пятна сравнительно четко очерчены (рис. 1.-6/8). Пятно перекрывает описанные выше микроцарапины и заполировку износа. Современная поверхность следов утилизации не имеет. Образование пятна связано с пригоранием органических материалов к поверхности изделия.

В целом, на основании корреляции с данными этнографии, анализируемый артефакт можно определить как «калданный камень» – приспособление для сетей при рыбной ловле. Изделие служит подвижным донным грузом при «выстраивании» сетей в определенном положении относительно течения или в их движении (см. рис. 1.-3, 5).

В реках бассейна Оби водятся 69 видов и подвидов рыб, из которых 33 служат объектами промысла. На притоках Оби до недавнего времени существовали рыболовецкие колхозы (Эверстов С.И., 1988, с. 40–41). У приобских аборигенов рыболовство не потеряло своего первостепенного значения до начала XX в. Они промышленно ловили рыбу круглый год. Регулярная рыбная ловля определила своеобразные черты быта приобских аборигенов: изготовление одежды из рыбьей кожи, селькупский календарь и т.д. (Эверстов С.И., 1988). Значение рыболовства в жизни человека у народов Сибири отразилось и в своеобразии мифо-ритуальных представлений о рыбе и водоемах (Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Бельгибаев Е.А., 2006, с. 52–53). В коллекции Музея антропологии и этнографии (Иванов С.В., 1954, с. 48) хранится калданный камень, на котором изображен осетр, заключенный в орнаментальную рамку. По мнению С.В. Иванова, изображения рыб и сетей на камнях, которые привязывались к сетям, преследовали магические цели.

Этнографические наблюдения свидетельствуют о принесении калданным камням разнообразных жертв. Предполагалось, что это принесет удачу в рыбалке, увеличит улов. Вполне вероятно, что следы сгорания жертвенного мяса рыбы (рис. 1.-4) мы и видим на плоскости нашей находки (рис. 1.-6/8).

Эта единичная находка интересна прежде всего тем, что позволяет нам с новых позиций подойти к проблеме реконструкции обрядовых действий и мифо-ритуальных представлений у населения Сибири в древности и средневековье.

В настоящее время район г. Камня-на-Оби является одним из наиболее привлекательных районов для рыбаков Алтайского края. В этом районе находятся ямы, в которых зимуют рыбы осетровых пород. Занятие рыболовством в г. Камне-на-Оби играет большую роль в хозяйстве местных жителей. Даже в наши дни «регулярная рыбная ловля определяет своеобразные черты быта приобских аборигенов». Одному из авторов довелось побывать в этом городе в разгар предвыборной борьбы, когда жители выбирали нового мэра. Одно обстоятельство обратило на себя внимание: в перечне имущества кандидатов в мэры наряду с недвижимостью, машинами и банковскими счетами, практически у всех

перечислялись катера и моторные лодки различных типов. Как видно, наличие различных типов маломерных судов в настоящее время является определенным показателем статуса человека.

Датировка калданного камня затруднена неясностью условиями его попадания в музей. В легенде о его приобретении, зафиксированной в инвентарной книге, имеется следующая запись: «... происходит из археологических раскопок курганов 1936 г., произведенных в 5 км от г. Камня с левой стороны Корниловского тракта». Сложность состоит в том, что данная инвентарная книга, во-первых, является не исходным документом, а составленным в 70-х гг. XX в., во-вторых, она составлена после воссоздания музея в 50-е гг. XX в. Таким образом, для решения вопроса о происхождении изделия, необходимо было проанализировать историю функционирования музея в период с 1919 по 1959 гг. и попытаться выяснить, когда и при каких обстоятельствах он мог попасть в музей.

Необходимо отметить, что история создания и работы Каменского краеведческого музея (ККМ) является малоизученной темой. В то же время в Каменском городском архиве (Архивный отдел администрации г. Камня-на-Оби) содержится значительный по объему фактический материал, позволяющий достаточно подробно осветить функционирование музея и краеведческие изыскания, проводимые им. На основе архивных материалов краеведческие изыскания ККМ в период с 1919 по 1959 гг. можно разделить на четыре периода:

Первый период 1919–1926 гг. – создание музея, накопление материалов, краеведческие изыскания М.А. Круковского. Организация исследовательских экспедиций в Горный Алтай, в устье р. Оби и Туркестан (А.о. Ф. 294. Оп. 1. Д. 1. Л. 21; А.о. Ф. 294. Оп. 1. Д. 9. Л. 17–34; А.о. Ф. 294. Оп. 1. Д. 27; А.о. Ф. 294. Оп. 1. Д. 9).

Второй период 1926–1935 гг. – активные исследовательские мероприятия в Каменском районе и сопредельных территориях Новосибирской области. Разведочные археологические работы П.И. Юхневича в Каменском, Ордынском и Сузунском районах (А.о. Ф. 294. Оп. 1. Д. 13. Л. 13об.; А.о. Ф. 294. Оп. 1. Д. 14. Л. 53.; А.о. Ф. 294. Оп. 1. Д. 13. Л. 40; А.о. Ф. 294. Оп. 1. Д. 14. Л. 43).

Третий период 1935–1936 гг. – археологические раскопки Якубского на левобережье Оби. Разведочные изыскания на левобережье Оби в районе с. Гонохово, Верхнетелеутском, Корнилове, правобережье в районе Сузуна, Кирзы, Малышеве, Духовой (А.о. Ф. 294. Оп. 1. Д. 15. Л. 61, 63об.).

Четвертый период 1947–1959 гг. – воссоздание музея. Особенностью данного периода является участие музейных работников в исследовании Каменского Приобья, в экспедиционных работах профессиональных археологов: работы сотрудников музея и А.П. Уманского на Раздумье.

Исходя из этого, можно дать следующие гипотезы приобретения рассматриваемого предмета музеем:

Гипотеза 1. Неместное (Верхнее Приобье) происхождение предмета:

1. В 1942 г. в г. Камень эвакуируется Воронежский сельскохозяйственный институт (академия) (ККМ. ОФ №9392/4462. Л.1). Он занимает здание, ранее принадлежавшее музею, и находится в нем до 1945 г. Возможно изделие привезено кем-то из эвакуированных сотрудников научных учреждений Воронежа. В таком случае предмет может принадлежать к кругу восточноевропейских древностей бронзовой эпохи.

2. Калданный камень приобретен в результате экспедиционных исследований Круковского в 1919–1926 гг. Тогда география обнаружения предмета опять расширяется – это может быть Нижнее и Среднее Приобье, Горный Алтай.

Гипотеза 2. Местное происхождение. Необходимо подчеркнуть, что в случае местного происхождения предмета он мог попасть в фонды музея только до 1947 г., так как впоследствии легенды поступления в музей составлены достаточно подробно.

1. Предмет приобретен в результате экспедиционных исследований П.И. Юхневича в 1926–1935 гг. В этом случае география нахождения предмета очерчивается Каменским Приобьем, т.е. Крутихинским, Каменским, Тюменцевским районами Алтайского края и сопредельных районов Новосибирской области: Сузунским, Ордынским и т.д.

2. Предмет приобретен в результате археологических работ Якубского в 1935–1936 гг. или продолжения начатых им раскопок кем-то из сотрудников музея в 1936–1937 гг.

3. Предмет происходит из случайных находок и передан местными жителями.

Судя по имеющейся на сегодняшний день фактической базе, на наш взгляд, наиболее правдоподобна версия, связанная с работами Якубского.

Во-первых, именно этот исследователь произвел первые раскопки в Каменском Приобье, что согласуется с легендой в музее о том, что предмет происходит из раскопок курганов.

Во-вторых, если бы предмет был приобретен ранее 1935 г. сведения об этом, в силу уникальности предмета, обязательно содержались бы в отчетах Круковского и, особенно, Юхневича, который проводил инвентаризацию музея и отправлял довольно подробные отчеты в «Общество изучения Сибири производительных сил» и лично Н.К. Ауэрбаху (А.о. Ф. 294. Оп. 1. Д. 19. Л. 6; А.о. Ф. 294. Оп. 1. Д. 14. Л. 92–93; А.о. Ф. 294. Оп. 1. Д. 14. Л. 28; А.о. Ф. 294. Оп. 1. Д. 134. Л. 106). Кроме этого, П.И. Юхневич выступал и на сессиях этого общества, где характеризовал как свои работы, так и работы предшественника (А.о. Ф. 294. Оп. 1. Д. 13. Л. 13об.; А.о. Ф. 294. Оп. 1. Д. 14. Л. 53), и если рассматриваемый предмет находился в музее, об этом стало бы известно научной общественности в 20–30-е гг. XX в.

В-третьих, исследованные Якубским объекты, а именно курганные могильники, расположены рядом с Корниловским трактом, к которому дана привязка и в музейной легенде.

Легенда о приобретении калданного камня, зафиксированная в инвентарной книге и ряд косвенных данных свидетельствуют, что артефакт «происходит из археологических раскопок курганов 1936 г., произведенных в 5 км от г. Камня с левой стороны Корниловского тракта». Но нельзя исключать вероятность того, что калданный камень приобретен в результате экспедиционных исследований Круковского на территории Нижнего Приобья, по крайней мере все известные нам аналоги происходят именно из этого региона.

Проводя некоторые аналогии, хотелось бы отметить, что несколько лет назад в коллекцию Алтайского государственного краеведческого музея была передана пешня, найденная около г. Барнаула (территория грунтового могильника Фирсово-ХІ) (Волков П.В., Кирюшин К.Ю., Фролов Я.В., 2005, с. 32–37). До этого подобные находки на территории Верхнего Приобья неизвестны. Эта единичная находка интересна прежде всего тем, что позволяет нам с новых позиций подойти к проблеме реконструкции типов хозяйства населения Верхнего Приобья в заключительный период каменного века. Находки рыболовных принадлежностей с территории Верхнего Приобья позволяют предполагать как зимний, так и летний характер их использования, так как в этнографической литературе описываются приемы зимней рыбалки в XIX в. при помощи сетей, самоловов (Рыболовство в Западной Сибири, 1882, с. 348) и крючковой снасти (Косарев М.Ф., 1984, с. 219). Пешня с территории ГМФ-ХІ – единственная археологическая находка, которая позволяет определить, что данное орудие использовалось для зимней рыбалки (Волков П.В., Кирюшин К.Ю., Фролов Я.В., 2005, с. 32–37).

До сих пор находки калданных камней на территории Верхнего Приобья также неизвестны, но вполне возможно, что они будут сделаны в ближайшее время и тогда можно вер-

нуться к проблеме реконструкции обрядовых действий и мифо-ритуальных представлений у населения Верхнего Приобья в древности и средневековье.

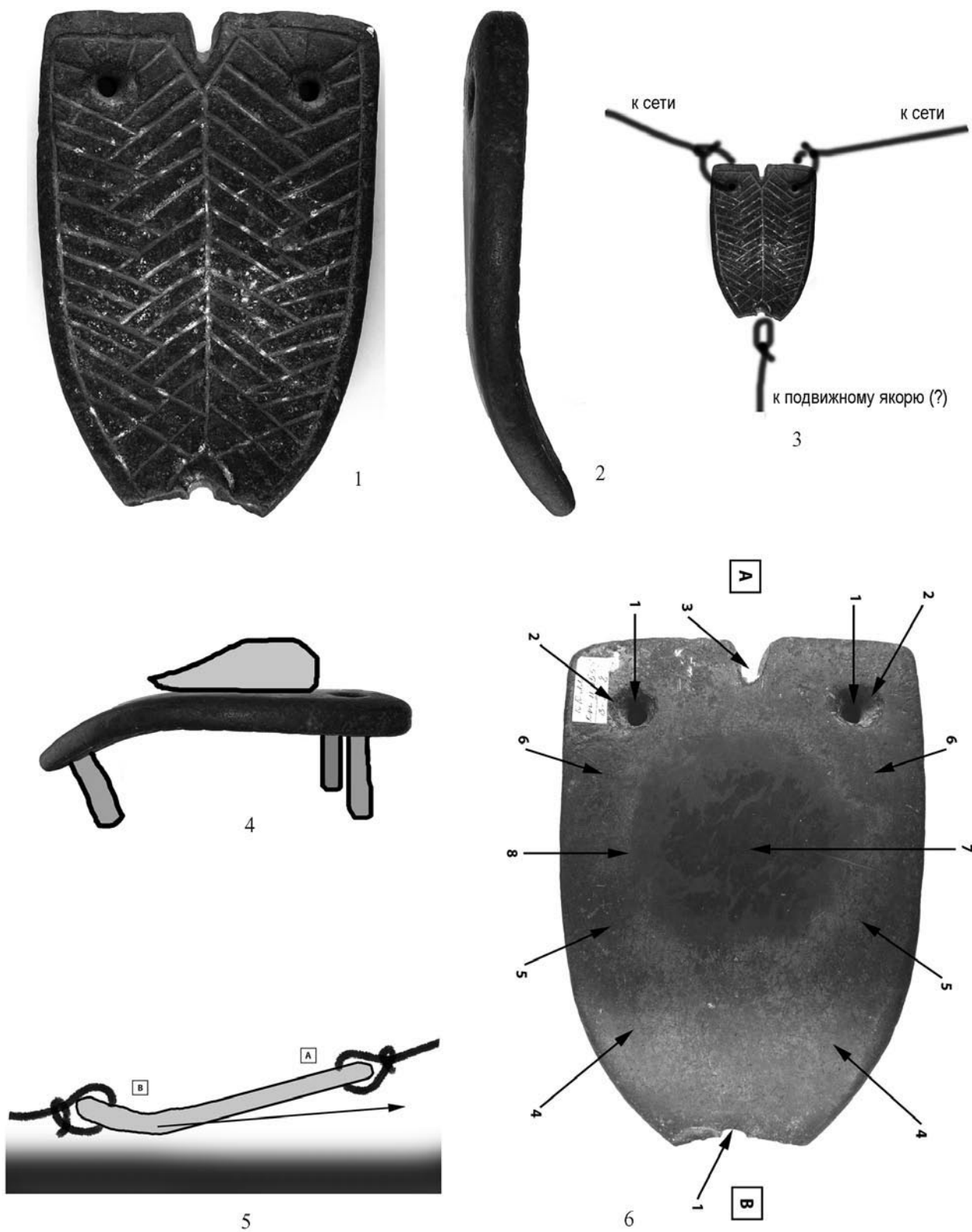

Рис. 1. Калданный камень и его изучение

Д.С. Гречко

*Харьковский национальный университет, Харьков,
Украина*

МЕЛКАЯ ГЛИНЯНАЯ ПЛАСТИКА НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРСКОДОНЕЦКОЙ ЛЕСОСТЕПИ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

Данные археологии имеют большое значение при изучении религиозных верований населения северскодонецкой Лесостепи скифского времени. Важную роль при совершении культовых обрядов играла мелкая глиняная пластика. Основным местом обнаружения данных изделий являются поселения и городища. Глиняные votivные предметы не входили в состав погребального инвентаря местного земледельческого населения.

Условно мелкую глиняную пластику можно разделить на миниатюрные сосуды, антропоморфные и зооморфные статуэтки, «хлебцы», модели зерен, колесообразные изделия, «пуговицы» (рис. 1.-5–7), «катушки» (рис. 1.-10–11), «погремушки» (рис. 1.-9).

Миниатюрные сосуды были широко распространены в среде местного земледельческого населения скифского времени. Чаще всего они имеют коническую форму, иногда с поддоном (рис. 1.-22–32). Наиболее вероятно их использование в качестве атрибутов культа или детских игрушек. Аналогичное назначение могли иметь и колесообразные изделия, которые были найдены при раскопках Люботинского городища (рис. 1.-36, 38, 40).

Единственная антропоморфная статуэтка обнаружена на поселении Шелковая (рис. 1.-13) (Шрамко Б.А., 1957, с. 188). Более реалистичные фигурки мужчин и женщин найдены в значительном количестве при исследовании Бельского городища (Шрамко Б.А., 1987, с. 128–132).

Достаточно широко представлены зооморфные статуэтки (рис. 1.-1–3, 18–21). Чаще всего не удается точно распознать во фрагментированных изделиях конкретных животных. Осторожно можно говорить про фигурки коней, свиней, крупного рогатого скота и собак. Исследователи уже отмечали, что статуэтки изображают животных, которые чаще всего приносились в жертву в раннескифское время (Шрамко И.Б., Задников С.А., Зоря А.О., 2004, с. 31). Таким образом, можно предположить, что глиняные фигурки животных заменяли настоящих животных при жертвоприношении (Шрамко Б.А., 1996, с. 76). Интересен вывод Д.Д. Фрэзера о существовании обычая умерщвлять бога в лице животного с ранних стадий развития человеческой культуры. При дальнейшем развитии мышления звериная оболочка спадает с божеств, и за ними сохраняются исключительно антропоморфные свойства. Но само животное продолжает находиться в трудно постижимой связи с антропоморфными богами, и именно оно приносится в жертву конкретному божеству (Фрэзер Д.Д., 1984, с. 367–368). Имен земледельческих «кумиров» мы, быть может, никогда не узнаем, но то, что они связаны с культом плодородия, умирающей и воскресающей природой, можно говорить с большой долей уверенности.

При раскопках культового места на городище Караван были найдены многочисленные глиняные модели зерен злаковых и бобовых растений (Шрамко Б.А., 1957, с. 189–194).

При исследовании поселений и городищ VI–V вв. до н.э. часто встречаются глиняные «хлебцы» (рис. 1.-35, 37, 39, 42–45). Более ста подобных изделий было найдено при раскопках культового комплекса первой половины VI вв. до н.э. (Гречко Д.С., 2005, с. 5–12). Лепешки изготовлены из глины с примесью органики. Вероятно, это была растительная примесь из отходов обмолота зерновых растений. Зафиксированы следы зерновок, соломин, колосковых и цветочных чешуй. Маленькие полости, возможно, являются остатками примеси муки. Хорошо различимые темные пятна на поверхности и внутри

некоторых лепешек свидетельствуют о примеси навоза. Все это говорит про особенную, специальную рецептуру, которую использовали древние земледельцы для изготовления вотивной пластики.

Глиняные лепешки как один из видов мелкой культовой пластики появляются в позднем бронзовом веке (Березанская С.С., Титенко Г.Т., 1952, с. 78; Березанская С.С., 1982, с. 178–180). Широкое распространение данные вотивные изделия получают в раннем железном веке у племен Украинской Лесостепи. Аналогичные глиняные лепешки с примесью зерен злаков (пшеница, ячмень, просо), стеблей растений и соломы были найдены при раскопках культовых комплексов на северскодонецком городище Караван и Восточном укреплении Бельского городища в Поворсклье (Шрамко Б.А., 1957, с. 188; Шрамко Б.А., 1996, с. 72–73), при исследовании Хотовского и Мотронинского городищ в Правобережной Лесостепи (Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А., 1989, с. 80; Бессонова С.С., Скорый С.А., 2001, с. 86) и т.д. Семиотическая нагрузка глиняных лепешек и этнографические параллели были проанализированы С.С. Березанской и Б.А. Шрамко (Березанская С.С., 1982, с. 178–180; Шрамко Б.А., 1996, с. 78–80). Исследователи считают, что во время земледельческих праздников (первый выезд на пашню и др.) в честь бога плодородия пеклось обрядовое печенье в виде круглых лепешек, которые символизировали солнце. А этим обрядовым печеньем и есть глиняные лепешки («хлебцы»). Их могли добавлять в пищу скоту, к семенам при посеве. Б.А. Шрамко (1996, с. 80) считает, что данные вотивные изделия, вероятно, могли быть атрибутами царя Колаксы.

При камеральной обработке материала из раскопок культового комплекса на поселении Ореховая Роща-2 было отобрано 48 целых лепешек и несколько фрагментов предположительно с отпечатками растительного происхождения. Результаты изучения отпечатков на «хлебцах» в очередной раз подтверждают вывод о том, что пшеница двузернянка, ячмень пленчатый и просо были основными культурными растениями у племен, которые жили на территории Лесостепи Украины в скифское время (Пашкевич Г.А., 2005, с. 95).

Кроме отпечатков растений на некоторых лепешках имеются следы иного происхождения. Это несквозные отверстия на одной из сторон диаметром 0,2 см. Можно предположить, что здесь мы имеем дело со следами воткнутых стеблей или колосков каких-то растений. Кроме того, на некоторых лепешках на одной из сторон по центру сделано пальцево-ногтевое вдавление. На поверхности одного изделия имеется как отверстие, так и вдавление. Вызывает интерес тот факт, что все семь лепешек с этими особенностями найдены в скоплении, которое вплотную примыкало к глиняному валу, ограждавшему зольник с севера. Вероятно, лепешкам с таким дополнительным оформлением отводилась особенная роль при совершении священнодействия.

Изучение вотивной глиняной пластики северскодонецкого населения скифского времени подтверждает мнение Б.А. Шрамко (1987, с. 140) о том, что у лесостепных земледельческих племен Восточной Европы в этот период сложился своеобразный пантеон божеств и комплекс обрядов, связанный с культом плодородия, от которого всецело зависело благополучие людей.

Реконструкция духовной жизни древних обществ на основании немногочисленных данных археологии зачастую представляет очень мозаичную картину. Огромный массив информации не нашел отражения в археологических источниках и со временем был утрачен. Эту лауну могут заполнить новые открытия археологов и исследования с применением методов смежных наук.

Поданные здесь материалы расширяют наши знания о религиозных представлениях населения северскодонецкой Лесостепи скифского времени.

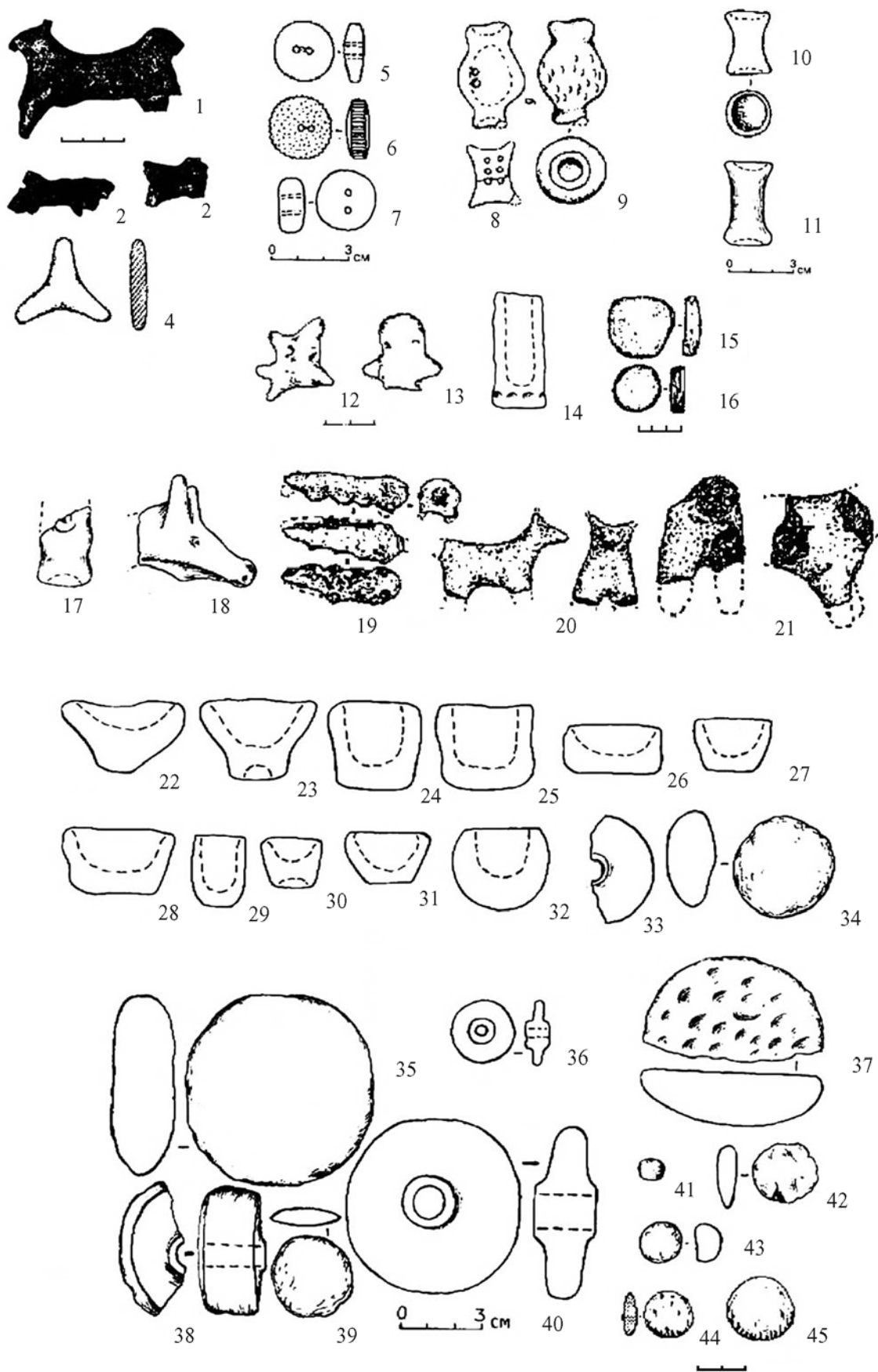

Рис. 1. Северскодонецкая мелкая глиняная пластика скифского времени.
 1-3 – Островерховка; 4-6, 8-10, 12-13, 44-45 – Шелковая; 7, 11, 14, 17-18,
 22-43 – Люботинское городище; 15-16, 19-21 – Червоносолово-3. 1-14, 17-18,
 22-45 – по Б.А. Шрамко; 15-16, 19-21 – по И.Б. Шрамко, С.А. Задникову и А.О. Зоре

С. Кассен

Нантский университет, Нант, Франция

**СРАВНИТЬ НЕСРАВНИМОЕ. СООРУЖЕНИЯ МЕНГИРОВ МЕЖДУ
АТЛАНТИКОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИЕЙ:
ВВЕДЕНИЕ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКУЮ ПРОГРАММУ**

Менгиры и обширные системы параллельных рядов камней, или перпендикулярных между собой, – плохо решенное уравнение и часто археологическая загадка в доисторической Европе V, IV и III тыс. до н. э., особенно в Бретани (Франция). Здесь, археологический ансамбль Карнак символичен и некоторой архитектурной, необыкновенной морфологией, и определенной археологической ошибкой, возобновляющей обсуждение и толкование по своему сюжету.

Если наиболее крупные скопления располагаются в Бретани, в Ирландии, в Англии и в Шотландии, похожие сооружения ясно распознаются в Швейцарии, также как на Корсике и в Сардинии, в том же хронологическом периоде. Но тем не менее, учитывая сравнения всех этих археологических комплексов, континентальных и средиземноморских, толкование не кажется более упрощенным. Новый более радикальный способ рассмотрения этих памятников проходит тогда через создание настоящей теории и исследования элементов, утверждающих последовательную пояснительную модель. Картина явления и тесты утверждения модели смогут по-своему интерпретировать наиболее отдаленные комплексы от первоначального места (например, Карнак), удаленные как в пространстве, так и во времени.

Стелы с гравюрами и системы аллей менгиров Центральной Азии (Хакасия, Алтай, Казахстан, монгольские степи и т.д.) – наглядный пример удаленных друг от друга комплексов, которых ничто не связывает априори с европейскими ансамблями. Хотя, впрочем, ни в одной из обзорных работ по «мегалитизму» до сих пор не приводился сравнительный анализ формы и социальных отношений, извлеченных из этих археологических описаний. Однако, много общего соединяет эти памятники, разделенные тысячелетиями и тысячами километров. Исследование закономерностей, как и различий, должно было бы вызвать дискуссию, и способствовать исследованию западно-европейской модели. Это и есть цель намеченного проекта.

*Serge Cassen**

**COMPARER L'INCOMPARABLE. LES OUVRAGES DE PIERRES DRESSÉES
ENTRE ATLANTIQUE ET ASIE CENTRALE : INTRODUCTION À UN PROGRAMME
DE RECHERCHE**

To compare something incomparable. Standing stone systems between the european atlantic coasts and Central Asia : introduction to a research program.

Pierres dressées isolées et vastes systèmes de files parallèles, ou perpendiculaires entre elles, sont une équation mal résolue et souvent une énigme archéologique dans l'Europe préhistorique des Ve, IVe et IIIe millénaires av. JC., notamment en Bretagne (France). Le site de Carnac est très représentatif de cet état de fait : d'une part d'une catégorie européenne de sites (les « alignements de menhirs »), mais à une échelle extraordinaire ; d'autre part, d'un certain échec de l'Archéologie à renouveler l'interprétation relative à cette catégorie précise.

Si les plus grandes concentrations se situent en Bretagne, en Irlande, en Angleterre et en Ecosse, des ouvrages semblables sont clairement identifiés en Suisse tout comme en Corse et en

* CNRS (Unité Mixte de Recherche 6566). Laboratoire de Préhistoire et Protohistoire de l'Ouest de la France Université de Nantes, BP 81227 44312 NANTES cedex 3 (FRANCE), serge.cassen@univ-nantes.fr

Sardaigne, dans un registre chronologique semblable. Mais, pour autant, l'interprétation ne semble pas davantage facilitée par la prise en compte comparée de tous ces contextes, continentaux et méditerranéens. Une nouvelle manière plus radicale d'aborder ces gisements passe alors par la construction d'une théorie véritable et la recherche d'éléments de validation du modèle interprétatif conséquent. L'illustration du phénomène et les tests de validation du modèle pourront alors solliciter les contextes les plus éloignés que possible du site de départ (par exemple, Carnac), éloignés dans l'espace comme dans le temps.

Les stèles gravées et les systèmes d'alignements de pierres dressées d'Asie centrale (Khakassie, Altaï, Kazakhstan, steppes mongoles, etc.) sont un bon exemple des contextes éloignés que rien ne relie *a priori* des sites européens, et d'ailleurs aucun ouvrage de synthèse sur le «Mégalithisme» n'a jusqu'ici pris la peine de comparer les architectures et les fonctionnements sociaux induits par ces descriptions archéologiques. Pourtant, bien des points communs relient ces monuments séparés par des millénaires et des milliers de kilomètres. La recherche des régularités, et des différences, devrait pourtant pouvoir alimenter le débat, et contribuer à tester le modèle ouest-européen. C'est l'objectif de ce projet.

Ю.Ф. Кирюшин, С.П. Грушин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

ПРЕДМЕТЫ МОБИЛЬНОГО ИСКУССТВА РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ*

Предметы древнего искусства всегда вызывают повышенный интерес со стороны специалистов в области древней истории, археологии, этнографии и искусствоведения. Их изучение позволяет выйти на уровень реконструкции религиозно-мифологических и мировоззренческих аспектов древней истории, что значительно расширяет познавательные возможности археологии как науки.

Современный уровень изучения памятников конца III – первой трети II тыс. до н.э. Лесостепного Алтая, рассматриваемых в рамках елунинской культуры, наряду с разработкой историко-культурных, этногенетических, хозяйственных вопросов, позволяет приступить к рассмотрению особенностей искусства (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Тишкин А.А., 2002). Основными источниками для исследования выступают мелкая пластика, орнаменты, украшения, т.е. предметы мобильного и декоративно-прикладного искусства.

Наибольшую группу предметов мелкой пластики составляют изделия из камня. Оригинальный предмет происходит из культурного слоя поселения Березовая Лука (рис. 1.-10). Подвеска из бурой яшмы в виде скульптуры сидящей хищной птицы со сложенными крыльями была обнаружена на поселении в 2000 г. (Грушин С.П., Тишкин А.А., 2003, рис. 1). Высота изделия 2,5 см, диаметр около 2 см. Птица имеет сильно выступающую грудку, хорошо выраженную голову, крылья и живот птицы, нарезками обозначены перья. В центре скульптуры, в районе живота просверлено биконическое отверстие для крепления. Прорезанными линиями показано оперенье (рис. 1.-10). Особенности изготовления и декорирования, а также следы износа амулета указывают на способ его крепления. Вероятнее всего, предмет достаточно жестко крепился к кожаной или растительной основе – головной убор (?). Левая сторона изделия заполирована сильнее правой, это может свидетельствовать о том, что скульптура птицы крепилась в профиль и была устремлена взором в левую

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проекты №05-01-01183а, 06-01-60105а/Т).

сторону. Такой ракурс, вероятнее всего, был узнаваем и востребован. Это подчеркивается и большей выраженностью образа птицы именно в профильном варианте рассмотрения скульптуры.

Важно отметить, что левая сторона имела важное мировоззренческое значение для елунинского населения. Это уже отмечалось ранее при анализе погребального обряда, зафиксированного в археологических комплексах – размещение умерших в могильной яме на левом боку, с «обращенным взглядом» влево (Грушин С.П., 2001, с. 50–51).

Скульптурные изображения хищных птиц в сидящем положении и сложенными крыльями в Сибири встречаются крайне редко, в отличие, например, от водоплавающих. Большое количество изображений птиц представлено в наскальном искусстве Саяно-Алтая, начиная, как минимум, с эпохи энеолита (Чигаева В.Ю., 2004, с. 402). В Волго-Окском междуречье в памятниках волосовской культуры III тыс. до н.э. известны костяные изображения птиц, которые являлись нашивками на одежду или подвесками (Емельянов А.В., Кашина Е.А., 2004, с. 94–97). Изображения птиц имеются на самусьских керамических сосудах (Косарев М.Ф., 1981, с. 254). Геральдические изображения орлов присутствуют на амулетах-печатах II тыс. до н.э., происходящих из Маргианы (Сарианиди В.И., 2004, рис. 6). Известны скульптуры птиц у различных народов Сибири. Так, алтай-кижи изготавливали деревянные птички – помощники шамана (Иванов С.В., 1979, с. 85). С хищными птицами связано большое количество мифов и представлений у многих народов Евразии. Известны они в Авесте и Ригведе, в мифологии туркмен (Гундогдыев О.А., 2004, с. 225), финно-угорских народов (Косарев М.Ф., 1981, с. 254) и др.

Не смотря на обширные аналогии изображений птиц в археологических и этнографических материалах, каменная птичка с Березовой Луки остается уникальным предметом мобильного искусства эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья. Раскрытия семантики подобного предмета – тема отдельного исследования.

В материалах из памятников эпохи ранней бронзы известны изделия, которые трактуются исследователями как «жезлы» или «песты». Они представляют собой каменные стержни со скульптурным изображением на одном конце. На Алтае известно шесть экземпляров подобных вещей. Пест с оз. Иткуль (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Тишкин А.А., рис. 1.-4) был увенчан скульптурным изображением головы медведя (рис. 1.-9). Длина изделия 38,5 см, к голове он равномерно сужается. Морда медведя поднята кверху. Четыре песта происходят из разрушенных погребений в районе с. Черная Курья. Одно изделие увенчано головой лошади (рис. 1.-5), выполненной в сейминско-турбинской манере, другое – барана (рис. 1.-6), третье (рис. 1.-7) – со сложным скульптурным орнаментом (Кирюшин Ю.Ф., Иванов И.Г., 2001, рис. 1–4). Еще один пест происходит из окрестностей с. Саввушка (рис. 1.-11). Особенностью данного экземпляра является наличие скульптурного изображения головы человека. Скульптура расположена на верхней обломанной части каменного изделия (Кирюшин Ю.Ф., 1991, рис. 1, 2). Пест в виде головы особи крупного рогатого скота – быка (?) происходит с поселения Колыванское-I (Алехин Ю.П., 1999, рис. 5.-1). А.П. Окладников и С.В. Студзицкая отнесли данные предметы к кругу тотемно-фаллических изделий использующихся при обряде интичиума (Окладников А.П., 1950, с. 331; Студзицкая С.В., 1969, с. 62). Такие изделия могли использоваться в качестве пестов при реализации определенных ритуальных мероприятий, связанных, например, с растиранием каких-то растений.

Мелкая пластика из кости и рога в памятниках лесостепного Алтая эпохи ранней бронзы представлена единичными находками. Единственный предмет, который можно отнести к описываемой группе изделий, – это «Г»-образное навершие с Причумышья (рис. 1.-1). Случайная находка напоминает голову птицы с загнутым клювом. Одна (лицевая) сторона изделия хорошо заполирована и украшена орнаментом. На изгибе навершия резными линиями нанесены три «S»-видные фигуры со спирально закрученными окончаниями. В центральной

части вертикального стержня имеются поперечные пояски, два из которых (верхние) заполнены вырезанными треугольниками. Это придает рисунку вид изгибающейся змейки (Кунгуров А.Л., Горбунов В.В., 2001, с. 12). Аналогию данному изделию находим из памятника Сопка-II (Молодин В.И., 1985, рис. 27.-5). В последнем случае предмет имеет реалистичные черты птицы (рис. 1.-2). Такую категорию предметов можно функционально определить как навершия посохов. Об этом свидетельствуют многочисленные параллели в петроглифах Северной Евразии бронзового века (Смирнов А.М., 2004).

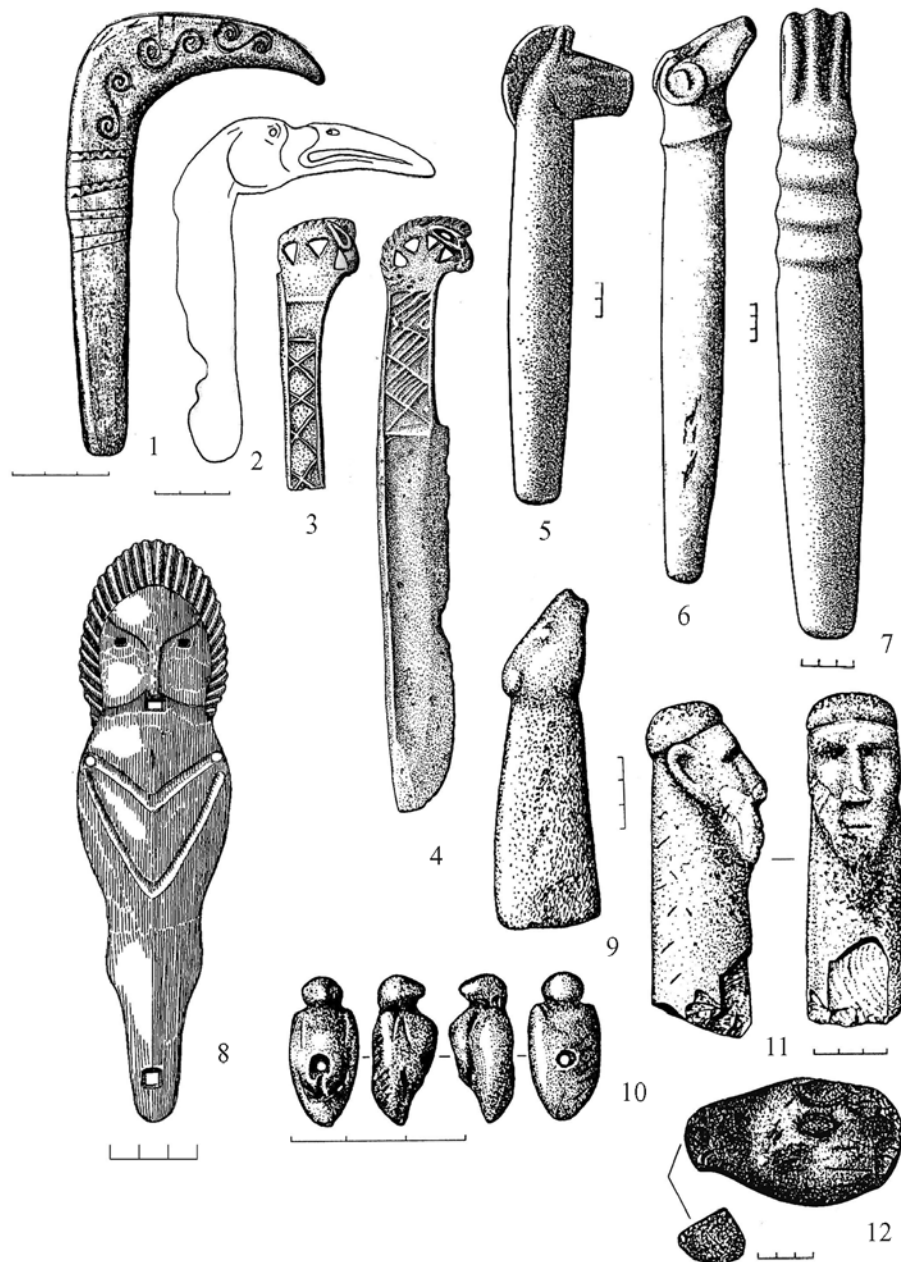

Рис. 1. Предметы мобильного искусства эпохи ранней бронзы Лесостепного Алтая (1, 3-12) и некоторые их аналогии (2)

Для бронзовых ножей елунинской культуры характерны навершия с рельефами солярного характера (Цыганкова Сопка-II) и изображениями «солнечного коня», голова которого покоится на четырех или пяти лучах (рис. 1.-3, 4) – Елунино-I и случайная находка из окрестностей с. Усть-Мута в Горном Алтае (Киреев С.М., Кудрявцев П.И., 1988).

Анализ предметов искусства из памятников ранней бронзы лесостепного Алтая позволяет отметить следующие его особенности. Прежде всего, это профильный ракурс его представления, узнаваемость образов преимущественно в такой проекции. Это характерно для различных категорий предметов и материалов – каменные песты с головками животных, амулет птицы, навершия бронзовых ножей, костяное навершие посоха. Исключение составляет находка «антропоморфной» личины, выполненной из кости из могильника Кораблик-I (рис. 1.-8). Длина изделия 20 см, максимальная ширина в районе оформления плеч – 5 см. Скульптура изображает силуэт человека с оформленными головой, плечами, коленями ног (?). Руки и ноги не прорисованы. Изображение одностороннее, выполнено резьбой, и может рассматриваться как скульптура лишь условно. Небольшими углублениями диаметром 0,5 см показаны округлые глаза, брови, образующие нос, и скулы. На голове прорисованы волосы-лучи. Эта скульптура предназначена для рассмотрения только в анфас, что отличает ее от елунинской манеры изображения.

Отдельные элементы антропоморфной скульптуры из Кораблика-I имеют широкие культурно-хронологические параллели в памятниках Евразии, однако, особое сочетание признаков в других памятниках отсутствует, поэтому этот предмет можно считать на данный момент уникальным. Наиболее близкими памятниками выступают, по нашему мнению, комплексы окуневской Минусинской котловины и каракольской культур Горного Алтая (Грушин С.П., Кокшенев В.В., 2004).

Ю.В. Кириллова

*Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН, Омск,
Россия*

СКУЛЬПТУРНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ МЕДВЕДЯ ЭПОХИ НЕОЛИТА – БРОНЗЫ (прагматический аспект)

Под изобразительным искусством древности следует понимать форму выражения или передачи мировосприятия древнего человека, воплощающуюся в предметах искусства – изделиях, ориентированных на зрительное восприятие образа. В данной работе представляется интересным рассмотреть изображения медведя, выполненные в форме скульптуры и мелкой пластики периода неолита – бронзы на территории Сибири. В связи с этим я акцентирую внимание на особом отношении к медведю как к единому культурному феномену, воплотившемуся в различных изображениях этого зверя и его ритуальном выражении.

Изображения медведя – один из наиболее ценных источников информации в области первобытной культуры. Их можно рассматривать в качестве выразительных средств проявления особого отношения к этому зверю. Ю.В. Балакин (2005, с. 54) отмечает, что специалист, взявшийся моделировать некие процессы относительно далекого прошлого, стоит перед необходимостью либо расчленять культурное явление на компоненты, либо наоборот – исходить из культурного единства. Относительно разработок, связанных с изображениями медведя, представляется целесообразной работа именно в рамках последнего. Изображения медведя, рассматриваемые через призму предметов искусства, несут в себе образную информацию, и поэтому могут пониматься в качестве элементов изобразительного языка (Шер Я.А., 1998, с. 4). Это – своего рода реализация образного мышления древнего человека, одно из наиболее ярких средств его выражения. Учитывая широту пространства бытования (территория Сибири), а также временную устойчивость такого культурного явления как «культ медведя», следует говорить о традиционности его базовых составляющих. Немалую роль здесь играли

предметы искусства, являющиеся неким устойчивым изобразительным элементом в структуре мировосприятия. Искусство, как и язык – явление, функционирующее в социальной среде. Отсюда и его свойство – обеспечение существования традиционного понимания объекта. На основе этого устанавливается преемственность, а значит – жизнеспособность культурного явления. Изображения медведя, по сути, можно считать моделью изображаемого объекта. «В этой модели отражаются результаты осмысления объекта, предлагающего выделение и обобщение важнейших признаков и свойств...» (Есин Ю.Н., 2005, с. 98). Вариативность изображений этого зверя является скорее подтверждением жизнеспособности мыслительных схем (Сагалаев А.М., 1991, с. 23). Это – способ сохранения и воспроизводства самой традиции в определенных рамках и даже при ее значительном изменении нельзя говорить о полной утрате основы. Произведения искусства являются образным средством проявления традиционного мировоззренческого комплекса, тем стержнем, внутри которого зарождаются явления, должны найти свое мифологическое и ритуальное проявление.

Интерпретация памятников древнего искусства подразумевает два аспекта, выступающих в неразрывной связи: «семантический», ориентированный на мифологическое содержание, и «прагматический», подразумевающий некие ритуальные практики (Балакин Ю.В., 1998, с. 3). В своей работе я остановлюсь на проблеме ритуального использования изображений медведя, трактуемых в качестве произведений древнего искусства. Здесь следует оговориться относительно принципа их отбора, так как в работе представляется необходимым рассматривать лишь наиболее выразительные примеры. Это связано, во-первых, со сложностью определения назначения некоторых изделий, во-вторых, вероятным их полифункциональным использованием, в связи с чем и возникают трудности их атрибуции.

Итак, можно выделить две группы изображений медведя относительно их формы и применения. В первую группу входят изображения медведя, являющиеся какой-либо частью предметов, что подразумевает возможность их использования, как в культовой, так и в хозяйственной практике. Во вторую группу следует отнести изображения, определяемые в качестве самостоятельных предметов, возможное применение которых ограничивается ритуальной сферой. В свою очередь, группы можно разделить на подгруппы.

К первой группе относятся изделия, определяемые в качестве «жезлов». Изображения голов медведя на такого рода предметах выражают узкоспециализированную направленность их использования. Это, прежде всего «жезлы» из долины р. Оки (рис. 1.-1) (Окладников А.П., 1950, с. 7), с оз. Иткуль (рис. 1.-2) (Студзицкая С.В., 1969, с. 57), из г. Канска (Гришин Ю.С., 1984, с. 230–231) и другие. В эту же группу входят изображения медвежьих голов в виде деталей посуды. Это, прежде всего, ковш, происходящий из Шигирского торфяника, с моделированной в виде ручки головой медведя (рис. 1.-3) (Мошинская В.И., 1976, с. 78). А также рельефное изображение голов этого зверя по краям сосудов (венчика) (рис. 1.-4, 6) (Сериков Ю.Б., 2002, с. 142–143) и т.д. Такая посуда трактуется как культовая, а головки по краям сосудов заключали в себе охранительную функцию.

Во вторую группу входит несколько подгрупп.

1 подгруппа – изображения медведей в виде подвесок со сквозным отверстием. Здесь объединены изделия, как в виде голов животного, так и передающие зверя целиком. Такие фигурки можно считать атрибутами, сопровождающими человека или нашиваемыми на его одежду (функция оберега, охотничьей удачи). Наиболее яркими примерами таких изделий являются подвески из погребения окуневского могильника Карасук-II (рис. 1.-5) (Студзицкая С.В., 1973, с. 186), из кротовской части могильника Сопка-2 (Ким С.А., Кубарев В.Д., Молодин В.И., 1988, с. 236), в погребениях могильника Шумилиха (Студзицкая С.В., 1981, с. 39) и др.

2 подгруппа – изображения медведя без сквозных отверстий, отличающиеся небольшими размерами. Предполагается, что такие изделия могли носиться с собой в качестве не-

кого предмета, выполняющего функции, аналогичные подвескам. Например, миниатюрные скульптурки с неолитической стоянки у д. Березовой (рис. 1.-7) (Студзицкая С.В., 1969, с. 59), из района Базаихи (Окладников А.П., 1957, с. 48; Студзицкая С.В., 1969, с. 60–61) и т.д.

3 подгруппа – предметы, вероятно, представляющие собой поясные пряжки. Это – изделия из разных могильников развитой бронзы: Усть-Куюм (рис. 1.-8), Сопка-2 и Абрамово-11 (Молодин В.И., 1994, с. 83–84). Как известно, сам пояс заключал в себе охранительную функцию, выступая в роли универсального оберега, постоянного магического круга (Топорков А.Л., 1989, с. 98–99). В этом смысле, поясная пряжка, изображающая медведя, должна была соотноситься с сакральным значением всего пояса.

Итак, образ медведя в данном случае служит неким стержнем, который находил воплощение в различных по форме изображениях, которые разнятся по своему назначению, но являют собой единство в плане их использования в мифоритуальной сфере. Возможно, вариативность внешнего облика изделий в какой-то мере обусловила жизнеспособность и устойчивость культурного явления, превращая его в поликультурное.

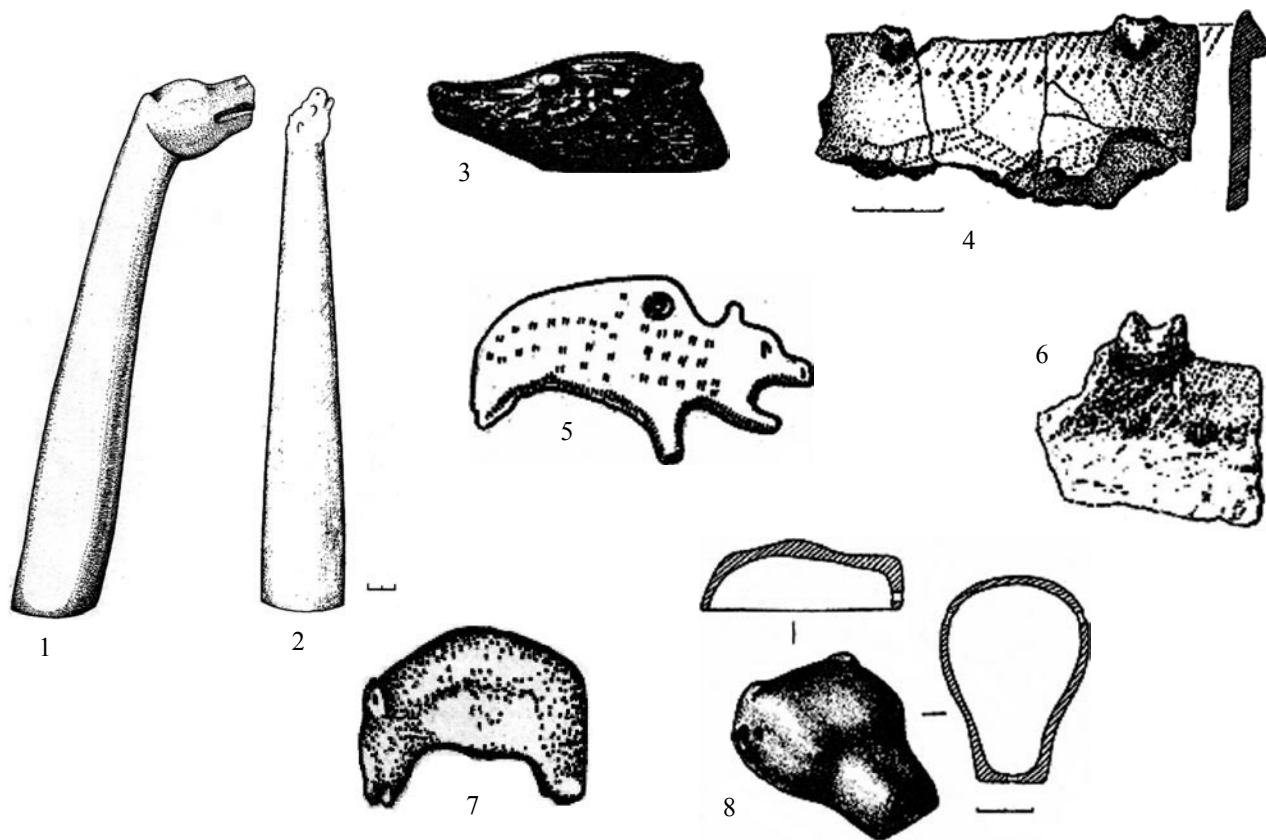

Рис. 1. Скульптурные изображения медведя:

- 1 – пест из г. Братска (по: Ченченкова О.П., 2004);
- 2 – пест с оз. Иткуль (по: Ченченкова О.П., 2004);
- 3 – Шигирский торфяник (по: Мошинская В.И., 1976);
- 4, 6 – Шайтанское озеро I (по: Сериков Ю.Б., 2002);
- 5 – Карасук-II (по: Студзицкая С.В., 1973);
- 7 – из дер. Березовой (по: Студзицкая С.В., 1969);
- 8 – Усть-Куюм (по: Молодин В.И., 1994)

Л.Ю. Китова

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

СЕМАНТИКА ЗНАКА КОПЫТА НА ТАГАРСКОЙ БРОНЗЕ

В жизни «тагарцев» лошадь играла чрезвычайно важную роль. В некоторых тагарских могилах были обнаружены кости этого животного, что позволило исследователям говорить «о высоком статусе не просто воина, а именно воина-всадника» (Кузьмин Н.Ю., 1994, с. 23). Судя по наскальным рисункам, конь занимал особое место в религиозно-мифологическом мировоззрении «тагарцев» (Советова О.С., 2005, с. 36–45). В тагарской мелкой пластике, в отличие от наскального искусства, изображения лошади встречаются редко, тем не менее, минусинская художественная бронза также указывает на большое значение коня в жизни местного населения. На ряде тагарских бронзовых предметов обнаружен изобразительный элемент, получивший в научной литературе название знак или след копыта. Он использовался древними мастерами как самостоятельный мотив.

Парциальные изображения, отражающие магический принцип «часть вместо целого», т.е. часть заменяет целое, хорошо представлены в искусстве ираноязычных народов в I тыс. до н.э., когда животное изображалось не целиком, а только отдельная его часть – голова или копыто коня, клюв или глаз орла и т.д. (Кузьмина Е.Е., 1979, с. 43). Подобные мотивы были популярны и среди многих племен скифо-сакского мира. Кроме того, манера изображать не весь персонаж, а только его часть, говорит о семантическом значении отдельных частей животного. Так, например, «у древних индийцев каждая часть коня соотносилась с одним из трех видов благополучия: с передней частью (т.е. с головой) – «духовная энергия»; с серединой – «физическая сила»; с задней частью (т.е. с хвостом) – «скот» (цит. по: Советова О.С., 2005, с. 40).

А.Н. Афанасьев отмечал, что в русском фольклоре богатырские кони ударом своих копыт выбивают подземные ключи, т.е. дождевые источники. Богатырский конь Перуна отличался необычайной силой, он помогал своему владельцу в трудных битвах со змеями и демоническими ратями, поражая их мощными копытами. «Не столько богатырь мечом рубит, сколько конем топчет» или «Много богатырь мечом рубит, а вдвое того его добрый конь копытами побивает» (Афанасьев А.Н., 1982, с. 151-152).

А. Голан по поводу следов лошади писал, что в древности «след зверя предвещал возможность удачной охоты. Поэтому изображение следа стало символом удачи. Отсюда и нынешнее поверье о том, что находка подковы предвещает удачу» (Голан А., 1994, с. 123).

Н.Л. Членова собрала данные о распространении изображений конских копыт на территории Евразии. Они известны в Монголии, Саяно-Алтайском регионе, Казахстане, Приаралье, Приуралье, в низовьях Волги, Предкавказье. Н.Л. Членова пришла к выводу, что «и на Алтае, и в Казахстане, и в Приаралье подпружные пряжки с копытообразными значками встречены в хороших комплексах как VII–VI, так и V в. до н. э. На всем пространстве пряжки с копытообразными значками обнаруживают большое сходство между собой» (Членова Н.Л., 2000, с. 101).

Петроглифы в виде отпечатков конских копыт обнаружены в наскальном искусстве Саяно-Алтая и Монголии. Е.Г. Дэвлет и М.А. Дэвлет (2005, с. 227–228) отмечают: «Знак-символ в виде конского копыта или последовательная цепочка подобных знаков в сочетании с линией «дороги», с вьючными волами, с четырьмя колесницами по ее сторонам, со стрелками-указателями могли символизировать путь в широком смысле этого слова».

В Казахстане есть обычай поклонения изображениям копыта лошади на камнях, которые называются «тулпартас», «след копыт тулпара» (Токтабай А.У., 2004, с. 8). Казахская пословица гласит: «След тулпара не заканчивается, копыта не стираются». «Это означает, что копыта тулпара – элитного скакуна очень твердые, поэтому отпечаток их следов не стирает-

ся». А.У. Токтабай считает проявлением лечебной магии поклонение казахов следам лошадей на камнях, почитание следов конских копыт. Кроме того, исследователь отмечает: «Если у кого-то сын единственный, его называют Туяк (копыто), Туякбай», что также связано с магической верой в священную силу конского копыта (Токтабай А.У., 2004, с. 9).

Как мы уже отметили, среди тагарской мелкой пластики достаточно представительно выглядят бронзовые предметы со знаком копыта. М.П. Завитухина, публикуя коллекцию художественных изделий тагарских племен, хранящуюся в Эрмитаже и содержащую около 400 экз. произведений тагарского искусства, выделила из них 47 предметов со знаком копыта, из которых девять изделий были включены исследовательницей в каталог (Завитухина М.П., 1983). Нам известны подобные предметы из коллекций Минусинского краеведческого и Кемеровского краеведческого музеев. Исходя из контура изображения, М.П. Завитухина предположила, что «это отпечаток копыта непарнопалого животного, вероятно, лошади. Изображение округлое, с треугольным вырезом сбоку, нанесено углубленной линией» (Завитухина М.П., 1983, с. 15). Мы, сравнивая контуры отпечатков передних (рис. 1.-1), и задних (рис. 1.-2) ног лошадей, приведенных в книге В. Даржа «Лошадь в традиционной практике тувинцев-кочевников» (2003, с. 69) со знаками копыт на бронзе, можем отметить, что на тагарских бронзовых предметах изображались следы копыт передних ног коня (рис. 1.-4–7). Наиболее часто знак конского копыта встречается на ножах в месте перехода рукояти в лезвие или на плоскости верха рукояти, на спинках серпов, перекрестьях кинжалов, на лицевой или оборотной стороне блях, а также иногда на плоскости тесла (рис. 2.-1–4; рис. 1.-7). Как справедливо заметила Е.В. Переводчикова (1994, с. 12): «...помещая на вещи то или иное изображение, мастер, по сути, дополнял, усиливал смысл самой вещи смыслом изображения на ней. Поэтому к сочетанию вещи с изображением относились очень серьезно, оно просто не могло быть случайным». Мы считаем, что знак конского копыта на тагарских бронзовых предметах служил для усиления функции вещи, на которой он был изображен. В качестве доказательства мы используем метод эпико-образительных аналогий, разработанный Л.Н. Ермоленко. Этот метод «предполагает соотнесение образительных мотивов и сюжетов памятников разных эпох с общераспространенными эпическими мотивами и сюжетами» (Ермоленко Л.Н., 2006, с. 5). Исследовательница, изучая батальную символику телесных эпических атрибутов, пришла к выводу, «что уподобление телесных атрибутов эпических персонажей оружию означает уподобление самих этих персонажей хищникам или свирепым животным, оснащенным естественным смертоносным «оружием» (клыки, клюв, рога, копыта) или воображаемым, таким как хвост (Ермоленко Л.Н., 2004, с. 445–449). В алтайском и тувинском эпосах конские копыта сравниваются с клинковым оружием. В алтайском сказании «Кан-Алтын» богатырский конь обладает «прочными, как сталь-железо (алмас полот-темир) копытами. Согласно тувинскому эпосу богатырский конь «переламывает, крошит-измельчает своими булатно-стальными копытами вражеские кости» (Ермоленко Л.Н., 2006а, с. 171). В алтайском эпосе особо подчеркивается роль передних ног коня: «Четыре его копыта – неломающаяся сталь (алмас полот), / [Передние ноги –] сабля-пика крест-накрест» (цит. по: Ермоленко Л.Н., 2004, с. 448–449).

М.П. Грязнов (1961, с. 7) полагал, что истоки героического эпоса тюрко-монгольских народов Южной Сибири следует искать в скифо-сарматской эпохе. Л.Н. Ермоленко (2004, с. 449) считает, что «зафиксированный в современном эпосе мотив «телесного оружия» можно рассматривать как реминисценцию древнего эпического мотива, отразившегося в «образительном фольклоре».

Несмотря на случайность многих находок тагарских художественных бронз, часть предметов получена археологами из погребальных комплексов и явно имела культово-магическое назначение. Используя разработки коллег, мы пришли к выводу, что знак конского копыта как раз усиливал поражающие способности тех предметов, на которых он был изображен, и служил дополнительным оберегом для человека (живого или мертвого) от вредоносных сил. В первую очередь это касается тагарских ножей и кинжалов. Не противоречат сравнению

конских копыт с оружием и находки знака копыта на спинках серпов. По О.М. Фрейденберг (1997, с. 86) в земледельческом обществе жатва отождествлялась с войной, а орудие жатвы с оружием. Соответственно знак конского копыта наносился на серп с тем же самым апотропеическим смыслом, что и на ножи, и кинжалы, как в прочем и на любые другие предметы (бляжки, пряжки). Возможно, и обнаруженные петроглифистами на скалах Саяно-Алтая и Монголии следы конских копыт в сочетании с линией «дороги», олицетворяли берегов этой дороги, тем более в древности пути передвижения всегда были трудны и опасны.

Во всяком случае, относительно тагарских художественных бронз мы пришли к однозначному выводу о том, что в изобразительной традиции, как и в эпическом мотиве, конское копыто отождествлялось с оружием и знак конского копыта, нанесенный на тагарские бронзовые предметы, имел апотропеическое назначение.

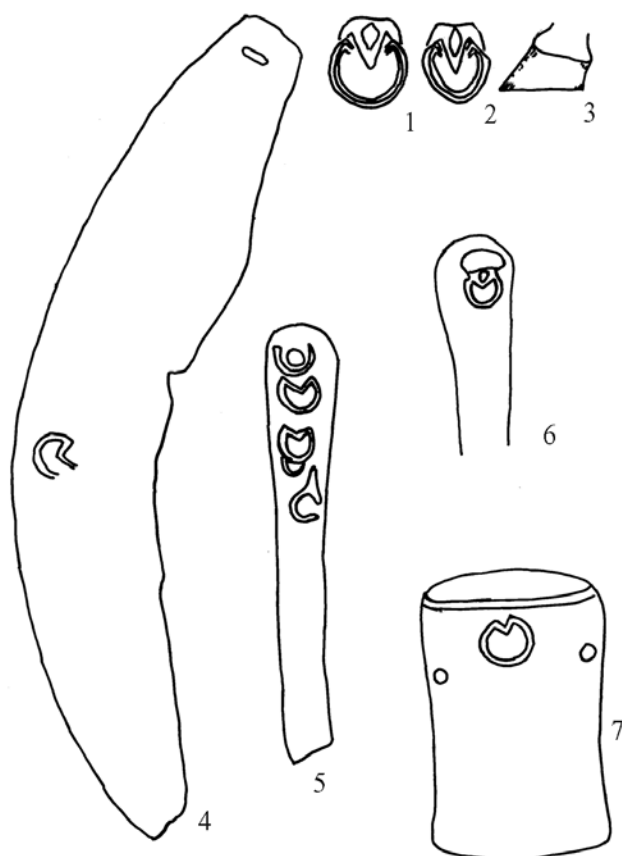

Рис. 1. Следы конского копыта и его изображения на тагарской бронзе: 1 – след копыта передней ноги коня (по В. Дарже); 2 – след копыта задней ноги коня (по В. Дарже); 3 – конское копыто (по В. Дарже); 4. – бронзовый серп со знаком конского копыта из коллекции В.В. Радлова (инв. №1123/67, Гос. Эрмитаж); 5 – нож со знаком конского копыта из фондов Минусинского музея (инв. №3783, случайная находка); 6 – нож со знаком конского копыта из фондов Минусинского музея (инв. №3774, случайная находка); 7 – тесло со знаком конского копыта из фондов Минусинского музея (инв. №234, случайная находка)

Рис. 2. Тагарские бронзовые ножи со знаком конского копыта: 1 – нож из коллекции В.В. Радлова (инв. №1123/21, Гос. Эрмитаж); 2 – нож (случайная находка, инв. №1134/4, Гос. Эрмитаж); 3 – нож (случайная находка, инв. №1293/28, Гос. Эрмитаж); 4 – нож из кургана Тамбар-1, (Кемеровский краеведческий музей, инв. №6895/26)

С.А. Ковалевский

Кузбасский государственный технический университет, Кемерово, Россия

К ВОПРОСУ ОБ УРОВНЕ РАЗВИТИЯ ИРМЕНСКОГО ОРНАМЕНТАЛЬНОГО ИСКУССТВА*

Декоративная трактовка орнаментального стиля ирменской керамической посуды выполнена на уровне третьей степени стилизации – геометризации орнаментальных мотивов. Ирменская орнаментика завершает развитие геометрического стиля, расцвет которого приходится на период существования андроновской культурно-исторической общности. Даже при беглом сравнении андроновской и ирменской орнаментированной посуды бросается в глаза редукция, присущая ирменскому геометризму, упрощенность и ограниченное число элементов и мотивов, образующих композиционные построения на ирменской керамике.

Вместе с тем, в ирменское время еще сохраняются правила заполнения орнаментального поля, восходящие к андроновской традиции. Так, наиболее распространенная ирменская орнаментальная схема, как и андроновская, сверху вниз открывается мотивом треугольников, обращенных вершиной вверх, и завершается треугольными фигурами, обращенными вершиной вниз. Для ирменской орнаментальной традиции, как и для андроновской, характерным является прием использования позитив-негативных изображений (Михайлов Ю.И., 2001, с. 238–239).

В ирменской орнаментальной композиции, как и в андроновской, структурообразующая роль принадлежала мотивам, наносившимся на верхнюю часть сосуда (Михайлов Ю.И., 1990, с. 7). В.В. Бобров и Ю.И. Михайлов на основании анализа ирменской посуды могильника Журавлево-4 делают вывод о канонизации орнаментального заполнения зоны венчика и ее ведущей роли в организации декоративной композиции в целом (Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И., 1993, с. 87). Учитывая охранительную функцию орнаментов в древности, особое значение наиболее уязвимой для магических воздействий верхней части сосуда вполне понятна. Однако на роль «ведущей линии», которая строит или структурирует всю последующую композицию, может претендовать и орнаментация зоны шейки сосудов. Об этом свидетельствует достаточно ограниченный набор элементов и мотивов в зоне шейки, а также намеренное противопоставление рельефных узоров, украшающих шейку, и плоскостных узоров, наносившихся на венчик и плечико ирменских сосудов.

Рельефным узорам, наносившимся на место спая глиняных лент при изготовлении сосуда, принадлежала важная технологическая роль – быть дополнительной арматурой, усиливать прочность сосуда. Несомненно, что в этот процесс вкладывался и какой-то семантический смысл. Орнаментация в зоне шейки на ирменской посуде, в отличие от андроновского времени, уже не была просто разделительной зоной. Она, вероятно, и определяла общую орнаментальную композицию. Особенно характерно это для ирменской поселенческой керамики, на которой в зоне шейки преобладают различные вариации «жемчужника».

Орнаментация зоны плечика-тулова являет собой оппозицию орнаментации зоны венчика. Вместе с тем отмечается зависимость между орнаментальным заполнением венчика и зоны плечика-тулова (Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И., 1993, с. 88). Действительно, древними мастерами часто использовались одни и те же мотивы для орнаментации этих зон, но часто намеренно противопоставленные друг другу. Для зоны плечико-тулова фиксируется лишь большее разнообразие мотивов, что придает отдельным ирменским сосудам индивидуальность.

Семантическую роль ирменской керамики только предстоит выяснить. Несомненную помощь в этом могут оказать палеосоциологические наблюдения. Так, установленным фактом

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №07-01-00527а).

является взаимосвязь ирменской посуды, преимущественно, с женскими и детскими погребениями, а так же зависимость орнаментации посуды от половозрастных характеристик погребенных. В погребениях детей и подростков численно преобладают сосуды, орнаментированные лишь в верхней части (венчик, шейка), либо неорнаментированные вовсе. Эта же тенденция прослеживается и для погребений пожилых женщин (Ковалевский С.А., 1997, с. 66–67).

Ирменская изобразительная традиция видимо не предусматривала изображение людей и животных. Поэтому имеющиеся единичные примеры таких, даже сильно стилизованных изображений, могут дать нам ценную информацию о мировоззрении ирменского населения. Так, например, в могиле-1 кургана №68 ирменского могильника ЕК-2 вместе с погребением мужчины старше 40 лет находился горшок с сильно раздутым туловом, украшенный стилизованными парными изображениями лосей или оленей (Матющенко В.И., 1974, с. 26; рис. 87.-10). Взаимосвязь изображений оленей (лосей) с верхним миром хорошо известна в сибирской археологии и этнографии (Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А., 2004). Идея такого рода изображений нашла свое дальнейшее развитие в тагарском культовом литье. Примером может являться бронзовый олень-«тянитолкай» из Степановского культового места близ г. Томска (Косарев М.Ф., 2003, рис. 16).

Стилизованные изображения змей известны на сосуде, происходящем из насыпи кургана №7 могильника Сапогово-1 (Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Сулейменов М.Г., 1996, рис. 20.-7). Интересно, что в этом кургане были погребены только женщины. Изображения нанесены на плечико и тулово сосуда и образованы сочетанием тройных ломанных вертикальных линий и насечек. Двойной заштрихованный зигзаг, украшающий плечико сосуда, видимо, символизирует водную среду. Подобные мотивы в орнаментации, вероятно, восходят к оформлению тулова синташтинско-петровских сосудов раннего бронзового века Урало-Казахстанских степей (Калиева С.С., 2005, рис. 1.-7, 12, 14). На территории юга Западной Сибири вертикальные зигзаги на посуде появились в андроновской культуре и культурах, сформировавшихся на ее основе (Абдулганеев М.Т., 1985, рис. 1.-1; Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., 1987, рис. 8.-2; Шамшин А.Б., 1997, рис. 1.-52). Интересно отметить, что все подобные изображения, как и в нашем случае, наносились на нижнюю часть сосуда.

Семантически близкие изображения змей украшают рукояти кинжалов из памятников сейминско-турбинского типа: Сейминского могильника, Галичского клада и находки из-под Перми (Эпоха бронзы..., 1987, рис. 42.-2; 45.-40, 41). Подобное изображение украшает и литейную форму из погребения литейщика (курган №25, погребение 64) могильника Сопка-2 (Молодин В.И., 1983, с. 96–109). Костяные фигурки змеек есть и в других кротовских погребениях (Молодин В.И., 1982, с. 89–90; 1987, с. 140–144).

Ю.И. Михайлов (2001, с. 137) считает, что изображения змей в погребении служителя культа в могильнике Сопка-2 свидетельствуют о магической связи этой категории лиц не только с верхним, но и с нижним миром. Исследователь предполагает связь образа змеи с сакральными аспектами металлообработки и практикой целительства в среде населения кротовской и окуневской культур (Михайлов Ю.И., 1997, с. 226–229; 2001, с. 12). Связь змей с нижним миром известна и в западносибирской этнографии (Прокофьева Е.Д., 1976, с. 118).

Вероятно, наличие именно образов лося (оленя) и змеи, символизировавших верхний и нижний мир, в искусстве древнего населения юга Западной Сибири неслучайно. М.Ф. Косарев обращает внимание на сочетание образов лося и змеи не только в искусстве населения, оставившего памятники сейминско-турбинского времени, но и на наскальных рисунках бронзового века Восточной Сибири, на кулайских бронзах эпохи раннего железа в Нарымском Приобье. Исследователь предполагает, что появление этого мотива, его устойчивость в сибирском искусстве связаны с развитием представлений о мире, в частности, о верхней и нижней сферах Вселенной (Косарев М.Ф., 1974, рис. 45.-1; Эпоха бронзы..., 1987, с. 322–323).

По мнению М.Ф. Косарева, в эпоху бронзы подобные ритуальные сосуды выполняли роль шаманского бубна. Они, как и более поздние шаманские бубны, могли не только быть «картой» Мира, но и служить транспортным средством, а также своеобразным «компасом», при помощи которого душа умершего перемещалась в ту или иную уготованную ей сферу потустороннего мира. Исследователь полагает, что резкий упадок рисованной геометрической солярно-астральной орнаментации на западносибирской керамике после перехода к железному веку мог быть связан с тем, что в этот период астральная культовая символика «перебирается» со стенок сосуда на шаманский бубен (Косарев М.Ф., 2003, с. 237–238).

Г.В. Кубарев, Е.П. Маточкин, В.Д. Кубарев

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск;
Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина, Горно-Алтайск, Россия*

ИЗВАЯНИЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ ИЗ ДОЛИНЫ РЕКИ НИЖНИЙ ИНЕГЕНЬ (Центральный Алтай)

Осенью 2005 г. при проведении археологической разведки в долине р. Нижний Инегень (левый приток Катуня), примерно в 8 км от ее устья осмотрено небольшое изваяние «окуневского типа» (рис. 1). Ранее оно было зафиксировано горно-алтайским археологом Л.М. Чевалковым (2004, с. 175), который отнес его к древнетюркской эпохе (?). Нам изваяние показал местный краевед Михаил Николаевич Казатов, которому, пользуясь случаем, приносим благодарность.

Координаты памятника: 50°21'28" с.ш. – 86°37'05" в.д., высота – 990 м над уровнем моря. Изваяние установлено на левом берегу р. Н. Инегень рядом со скотоводческой стоянкой Кызык-Телань. Судя по сильно задернованным каменным насыпям (погребально-поминальный комплекс эпохи бронзы?), изваяние, наверное, находится на первоначальном месте установки и ориентировано лицевой частью на ЗСЗ. Но окончательное заключение можно сделать, разумеется, после раскопок этого редкого памятника. Изваяние выполнено на темно-серой сланцевой плите размером 72x49x10–12 см.

На узкой торцевой грани, в верхней части камня высечено лицо человека. Поверхность здесь значительно пострадала из-за многочисленных выбоин и сколов, особенно на носу и под ним. Моделировка лица произведена в неглубоком рельефе с резкими очертаниями форм круглых глаз, носа и рта. Антропометрические пропорции здесь явно не соблюдены из-за несоответствия узкого лба, слишком длинного носа и массивного подбородка. Характерной чертой являются также близко посаженные круглые глаза.

На широких боковых гранях плиты выбиты зооморфные изображения. На одной из них представлены силуэтные фигуры семи козлов, собаки и несколько чашечных углублений. На другой грани просматриваются выбитые контурным желобком фрагментарные фигуры двух быков; часть рисунка с их головами оказалась утраченной. Человеческая личина и рисунки животных, очевидно, были созданы одновременно, о чем свидетельствует ровная и густая патина, сливающаяся с фоном необработанной поверхности камня.

Изваяние из долины р. Н. Инегень по стилистике и технике обработки напоминает личину на известном Чуйском оленем камне у скалы Адыр-Кан и обломок головы изваяния с зооантропоморфными чертами из окрестностей с. Иня (Кубарев В.Д., 1979, табл. I; рис. 2.-2). Думается, не случайно в этом же районе, у слияния двух главных рек Алтая – Катуня и Чуи открыты еще два массивных оленних камня (Кубарев В.Д., 1988, рис. 73; Кубарев В.Д., Ко-

чеев В.А., 1988, табл. II.-9; III; с. 211; Тишкин А.А., 2005, рис.1.-3, рис.2.-1). Высота одного из них составляет около 4 м. Их, наверное, также следует назвать антропоморфными, так как в верхней части монолитного блока выбивкой выделено подобие головы.

В отличие от приведенных аналогий инегеньское изваяние имеет небольшие размеры, отчего само собой напрашивается его сходство с небольшим оленним камнем, найденным на перекрытии каменного ящика в могильнике Кызыл-Джар у с. Бельтыр (Могильников В.А. и др., 1978, с. 261; Могильников В.А., 1980, с. 68–71). На его узкой грани, как и на Инегеньском изваянии, выполнена человеческая личина, что позволило В.А. Могильникову (1978, с. 261) первоначально отнести памятник к стелам окуневского типа. Во второй публикации этого же памятника, приводя в качестве аналогий антропоморфные оленные камни соседней Монголии, а также единственный на Алтае Чуйский оленный камень с изображением головы человека, В.А. Могильников (1980, с. 70–71) пришел к выводу об одновременности нанесения личины и основных реалий (серьги, ожерелье, пояс) на оленном камне из Кызыл-Джара. Исходя из аналогов, он датировал монумент VIII–VII вв. до н.э. (Могильников В.А., 1980, с. 71).

Рассматриваемый памятник был вывезен почти 30 лет назад в краеведческий музей г. Бийска, где он экспонируется в настоящее время. Один из авторов данного сообщения счел необходимым внести некоторые коррективы в опубликованный В.А. Могильниковым рисунок оленного камня из урочища Кызыл-Джар (Кубарев В.Д., 2004а, рис. 1). При осмотре изваяния в Бийском музее мы пришли к выводу, что в данном случае наблюдается трансформация «окуневской стелы» (точнее сказать изваяния) в оленный камень. Такое предположение возникло из-за того, что личина покрыта темной патиной в отличие от более светлой выбивки других предметов, типичных для многих оленных камней Алтая и Монголии. Они явно были выполнены значительно позднее.

Идентичная находка в долине р. Н. Инегень убеждает, что изваяние «окуневского типа» из Кызыл-Джара было переиспользовано в последующее время, по крайней мере, дважды. В первом случае оно было переделано в оленный камень, во втором, – послужило в качестве строительного материала для перекрытия каменного ящика с погребением скифского времени. Последняя особенность погребальной традиции в скифское время была зафиксирована и на Средней Катуні, где оленный камень также перекрывал каменный ящик (Кубарев В.Д., 1993).

Рисунки на инегеньском изваянии подтверждают наше предположение об относительной хронологии уникального памятника. Конечно, изображения козлов можно встретить среди любых петроглифов Алтая, и они сами по себе не являются абсолютно датирующими рисунками. Однако в контексте с чашечными углублениями, личиной «окуневского типа» и рисунками быков они могут указывать на достаточно узкую дату изготовления инегеньского изваяния. Так, изображения козлов в сочетании с чашечными углублениями известны на плитах погребальных камер каракольской культуры. К каракольской культуре некоторые археологи относят и уникальную стелу, найденную в Озерном рядом с разрушенными погребениями раннего бронзового века. Животные на ней, в частности, реалистически выполненные рисунки быков очень похожи на аналогичные изображения в петроглифах Калбак-Таша. И хотя рисунки быков в каракольских росписях на плитах гробниц пока неизвестны, тем не менее, у многих антропоморфных персонажей на голове показаны бычьи рога.

Как известно, образ быка был популярен у населения окуневской культуры Хакасии. Каракольцы же, по-видимому, отдавали предпочтение образу лося (лосихи?). Их изображения всегда располагались в верхней части стел, впоследствии разбитых и затем вторично использованных для погребальных сооружений каракольской культуры. Вместе с тем, на границе Алтая с Тувой, у слияния рек Барбургазы и Куруузек нами найдено еще одно любопытное, скорее всего, зооморфное изваяние, выполненное на удлиненном валуне (рис. 2). На нем главным и значимым элементом являются изображения рогов быка (Кубарев В.Д., 1980,

рис. 6.-2). Его как по форме, так и по сюжету логично соотносить с окуневскими стелами-изваяниями, известными в большом числе на территории Минусинской котловины.

Весьма перспективным направлением, на наш взгляд, является сравнение Кызыл-джарского и инегеньского изваяний с антропоморфными предметами мелкой пластики эпохи бронзы, известными по случайным находкам на Алтае и в Казахстане. Подобная корреляция успешно осуществлена, например, для изваяний эпохи бронзы из Монголии и Тувы (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2004). Археологи из Казахстана считают, что образцы каменной пластики в основном представлены скульптурным образом головы человека и «...изображают исключительно мужчин» (Самашев З.С., Жумабекова Г., 1993, с.31). По стилистическим особенностям рассмотренные алтайские изваяния «окуневского типа» наиболее близки и антропоморфному навершию каменного жезла из с. Савушка на Алтае (Кирюшин Ю.Ф., 1991, с.67).

На страницах нашего лаконичного сообщения хотелось бы прояснить и ситуацию, сложившуюся с «сенсационным открытием» у борма Кор-Кечу (старинная переправа, алт.), якобы неизвестного ранее изваяния. В опубликованной статье А.А. Тишкина (2005, с. 176–178, рис. 2.-2) этой теме отведено почти две страницы и прилагается даже прорисовка каменной фигуры, находящей «соответствующие аналогии при рассмотрении «оленных камней» с выраженными антропоморфными чертами». На самом деле, изваяние появилось здесь несколько лет назад, и один из авторов этого сообщения еще в 2003 г. на страницах газеты «Наука в Сибири» призывал общественность Республики Алтай игнорировать подобные «открытия» (Кубарев В.Д., 2003, с. 6). Об этой очень умелой фальсификации изваяния, изготовленного из древней стелы раннескифского времени, была размещена информация (с приложенной фотографией) и в профессиональном археологическом журнале (Кубарев В.Д. 2004б, с. 36, рис. 17). Тем не менее, барнаульские археологи не обратили внимания на эти публикации, а также на то, что в Кор-Кечу останавливались при переправе через Катунь все известные русские путешественники и ученые: П.А. Чихачев, В.В. Радлов, Г.Н. Потанин, И.Г. Гранэ, Н.М. Ядринцев и многие другие. В наше время здесь работали такие археологи, как В.А. Могильников, А.С. Суразаков, С.А. Васютин, В.Н. Елин, В.Д. Кубарев и др. Однако исследователи из Алтайского университета полагают, что археологические памятники в этом микрорайоне «...должным образом не зафиксированы», а факт появления изваяния рядом с Чуйским трактом «...еще предстоит выяснить» (Тишкин А.А., 2005, с. 176). Неужели барнаульские археологи считают, что за такой длительный период в обследованном ими археологическом комплексе так ничего не было открыто и не исследовано их предшественниками?

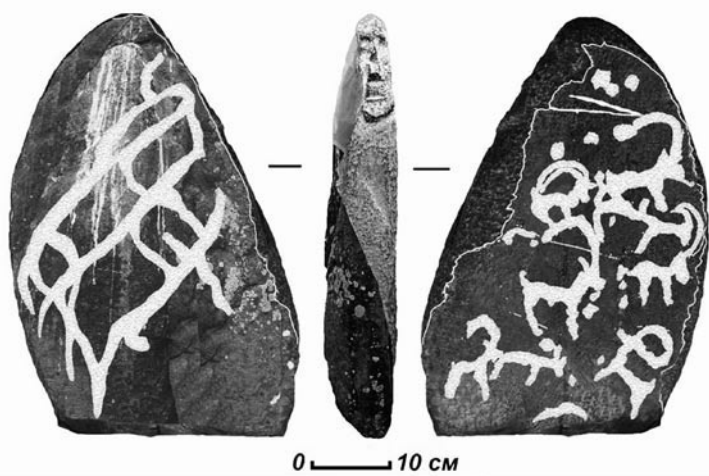

Рис. 1. Каменное изваяние «окуневского типа» из долины р. Нижний Инегень. Онгудайский район

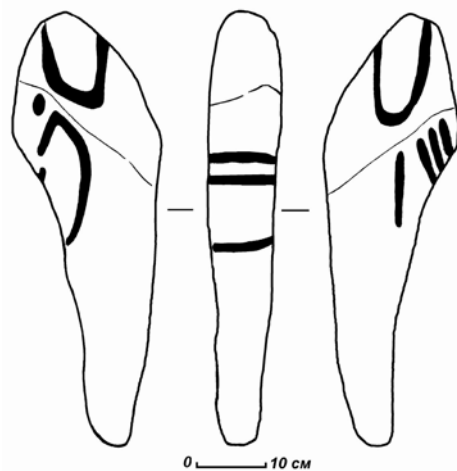

Рис. 2. Каменное изваяние «окуневского типа» из Куруузэка. Кош-Агачский район

В заключение следует сказать, что на Алтае открыт еще один редкий объект монументального искусства, культурная принадлежность которого остается под вопросом до появления новых археологических данных. Поэтому употребляемый нами термин «изваяние окуневского типа» пока остается единственно приемлемым для инегеньского памятника.

В.Е. Ларичев

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

ВРЕМЯ, ЗАПЕЧАТЛЕННОЕ В КАМНЕ
(семантика пластинчатой скульптуры с числовыми знаковыми записями
из неолитического погребения Забайкалья)

Вводные замечания. Скульптуры из камня попали в поле зрения археологов в начале второй половины XIX в. и тогда же возникла проблема выяснения семантики их и предназначений (Boucher de Pertes, 1857; подробности см. Ларичев В.Е., 1989; 2001). Буше де Перт, первооткрыватель «допотопных» «*pierres figures*», воспринял их свидетельством *изначальной склонности «Человека природы» к «изобразительности»*. Он изготавливал из камня не только орудия труда, но, *используя те же технические приемы*, оформлял первые в истории человечества образцы искусства – плоские скульптуры.

Отец-основатель палеолитоведения так объяснял причину зарождения художественного творчества у «архаического» первопредка: поскольку «искусство – излишество», ибо оно «выходит за пределы насущных потребностей», то к занятиям им подтолкнуло зарождение в голове древнего человека «идеи божества», а с нею появилось и желание «существа религиозного видеть идеал», образное воплощение коего немислимо вне искусства. По мнению Буше де Перта, «первого идола» и «первую молитву» породила «мощная сила» – *помыслы не материальные и не физические, а «необходимости духовные» и «потребности мышления»*. *Жажда духовного стала причиной сотворения «идолов, памятных знаков и символов»*. Миссия «*pierres figures*» заключалась в «*утверждении знаний*», в *передаче их потомкам посредством «первого иероглифического языка»*. Им, носителям «сверхъестественных сил», первобытные («народившиеся») люди поклонялись при свершении «магических ритуалов», направленных на «испрашивание блага». Они поклонялись *Небу и Земле, Добру и Злу*, почитали «ощутимое» и «видимое» – *Солнце, Луну и звезды, деревья, растения и животных, «которых наблюдали чаще всего», «на которых охотились»*.

Полуторавековой давности гипотезы Буше де Перта заслуживают не иронии и забвения, а доброй памяти. Отраженные в них идеи, порожденные анализом «*pierres figures*», сохраняют актуальность доныне. Доклад призван подтвердить верность высказанной мысли.

Постановка проблемы. Программная цель поиска. Теперь очевиден ранее вызывавший сомнения и неприятие факт использования камня для оформления скульптур начиная со времени ранней поры верхнего палеолита Сибири (Ларичев В.Е., 1978; 1980). Но как и во времена Буше де Перта острые дискуссии вызывают интерпретации образов, знаков и символов, запечатленных в «*pierres figures*». В частности, не востребовавшей (и даже, можно сказать, – негласно запрещенной) по-прежнему остается идея великого археолога об отражении в образах искусства внимания людей каменного века *к счету, измерениям, Небу и светилам*, а значит, – и к счислению времени. А между тем, оставляет желать лучшего то, что предлагается взамен традиционным археологическим искусствоведением – видение отражения в образах древнего искусства идей тотемизма, культа плодородия, магии охоты и т.п. «Оставляет желать лучшего» по причине существенной – *недоказательности предлагаемых*

истолкований, которые обосновываются, большей частью, этнографическими аналогиями, право оперировать коими подтвердить невозможно. Преодолеть этот тупик в палеолитическом искусствоведении удалось лишь после уклонения от использования освещенных традициями приемов оценок предметов искусства – отказа от пространного описательства, дотошного классификаторства, а также бесконечных стилистических и типолого-хронологических разборок, результаты которых бесполезны для подтверждения точности семантических реконструкций. Полагаю, этот опыт окажется интересным при обращении к художественным изделиям из камня эпохи неолита, кои продолжали, видимо, играть роль хранителей особо ценной информации.

Но одинаковой ли была она, та информация, зашифрованная в объектах искусства культур палеолита и неолита, разделенных многими тысячелетиями?

Ответим на поставленный вопрос.

Методические установки исследования. Можно утверждать уверенно, без опасения ошибиться, – задуманный поиск окажется непродуктивным, если в орбиту его включить все скульптуры неолита, найденные в том или ином регионе. Изыскание, прямо нацеленное на *доказательное «считывание» информации, скрытой в предмете искусства*, рационально ограничить сначала всего лишь одним, но зато классической выразительности, образцом. То должен быть удовлетворительной сохранности объект, а главное, чтобы запечатленный в нем художественный образ, будь то зооморф или антропоморф, *оказался слитым воедино с достаточно большим количеством знаков, поддающихся точному подсчету*. Вот эту-то числовую составляющую предмета искусства, самую, думаю, легкую для прочтения часть его, и следует превратить (после соответствующего тестирования) в ключ интерпретационных реконструкций, восприняв ее «поясняющей этикеткой изделия».

Представим достойный нетрадиционного исследования образец искусства, датированный неолитом.

Источник: «*pierres figures*» из неолитического погребения оз. Ножий (Забайкалье, Читинская область). При раскопках могилы №2 могильника Ножий-2, И.И. Кириллов обнаружил три скульптуры, изготовленные из высокого качества кремня – быка, антропоморфа с головой хищной птицы (рис. 1.-а–б, соответственно; они готовятся к публикации; первоначальные оценки образов – иные) и загадочной «*pierre figure*» (рис. 1). Последний объект (рис. 1.-в; рис. 2) – правильная, двугранная ножевидная пластина, тщательно обработанная по краям регулярной зубчатой ретушью, отчего она была воспринята в качестве инструмента типа «пилки»*. Каждый зубовидный выступ выделен крутыми, месяцевидных очертаний фасетками. Пиловидные края пластины четко отделены от проксимального конца ее глубокими противоположащими фасетками (следствие двух сколов, *произведенных альтернативно*, со стороны брюшка и спинки). Дистальный конец обработан с брюшка крутой ретушью.

Изделие это – не инструмент, а плоская скульптура. В ней воплощен образ многоногого, типа гусеницы (сороконожки?) существа с длинным, относительно широким туловищем, миниатюрной, с двумя округлыми выступами головкой, короткой шеей с плечиками и коротким, широким приостренным на конце хвостом (рис. 2).

Детали скульптуры как элементы числового текста. Информационная составляющая знаковых записей. Тестирование чисел. Зубчатые выступы пластины выделены ретушью с явным стремлением равномерно рассредоточить их по краям. При столь четком оформлении каждой ножки гусеницы не составляет труда подсчитать количество их, видимо,

* Благодарю И.И. Кириллова за щедро предоставленную возможность изучать все упомянутые скульптуры в Новосибирске, не ограничивая себя временем. Начальная публикация: Окладников А.П., Кириллов И.И., 1980. П.В. Волков изучил по моей просьбе «пилку» под микроскопом и не обнаружил на краях следов использования ее в качестве орудия. Я признателен ему за кропотливо и тонко исполненную работу.

не случайное: по правому, со стороны брюшка, краю их 19, а по левому – 21. В числовую составляющую следует включить также 2 округлых выступа на головке и принять за 1 острый, подработанный крутой ретушью конец хвоста.

Определим теперь информационный подтекст больших чисел, 19 и 21, а также суммы их – 40. Для этого предположим, что каждый счетный элемент пластины есть символ суток, а они представляют собой календарно-астрономические *записи* (любое иное предположение не удастся доказать). Проверая допуск, проведем тестирование чисел на предмет кратности их оборотам Луны, ибо если они действительно календарно значимы, то она, значимость та, должна быть, конечно же, лунной, базовой во всех архаических системах счисления времени.

Тестирование подтвердило гипотезу*:

число 19 кратно *синодическому* (относительно Солнца) обороту Луны – 19 сут. : 29,5306 сут. = 0,6434 $\approx \frac{2}{3}$ *син.* мес.; число 21 кратно *сидерическому* (относительно звезд) обороту Луны – 21 сут. : 27,32 сут. = 0,7686 $\approx \frac{3}{4}$ *сид.* мес.; сумма чисел, 19 + 21 = 40, кратна *синодическому* обороту Луны – 40 сут. : 29,5306 сут. = 1,3545 $\approx 1 \frac{1}{3}$ *син.* мес.

Календарно-астрономически значимы и числа 1 (хвост) и 2 (двуконечная головка скульптуры), а также сумма их – 1 + 2 = 3:

1 есть символ суток, исходной единицы счисления времени; 2 есть количество суток, когда Луна, «погруженная» в лучи Солнца, невидима на небосклоне; 3 есть период, в течение которого невооруженный оптикой глаз не замечает изменений в конфигурациях фаз; не более 3-х суток длится новолуние, время ненаблюдаемости Луны на небосклоне.

Изложенное позволяет приступить к реконструктивной части исследования – установлению порядка считывания знаков с целью выхода на рубежи завершения временных периодов годовой протяженности.

Реконструкция системы счисления цикла беременности женщины (281 сут.): семикратный проход по знакам 19 → 21 выводит на рубеж окончания усредненного периода беременности женщины – (19 + 21 сут.) × 7 = 280 сут.; 280 сут. : 29,5306 сут. = 9,4816 $\approx 9 \frac{1}{2}$ *син.* мес.; 280 сут. : 27,32 сут. = 10,2489 $\approx 10 \frac{1}{4}$ *сид.* мес. Цикл беременности женщины принимался в древней календаристике за специфический «годовой» период, который дополнялся затем интеркалярием соответствующей продолжительности.

Реконструкция системы счисления лунно-солнечного, так называемого хозяйственного (майского) года, и способа выравнивания лунно-солнечного времени с временем солнечным (360 сут.): девятикратный проход по знакам 19 → 21 выводит на рубеж окончания лунно-солнечного года – (19 + 21 сут.) × 9 = 360 сут., что есть усредненный период длительности лунного и солнечного годов, ибо (354,367 сут. + 365,242 сут.) : 2 = 359,8045 ≈ 360 сут. Этот год, весьма популярный у календаристов Евразии с глубокой древности, удобен для фиксации начал и окончаний астрономических сезонов (лета, осени, зимы и весны), а также межсезоний, равно отстоящих от соответствующих солнцестояний и равноденствий.

Выравнивание с истинной продолжительностью солнечного года производилось или сразу посредством подключения интеркалярия (дополнения) числами 2 (головка скульптуры) → 1 (хвост) → 2 (головка), что и выводило на рубеж окончания года (360 сут. + (2 + 1 + 2 сут.) = 365 $\approx 365,242$ сут.), или после счисления четырех циклов по 360 сут. в счетную систему вводился интеркалярный – запись числа 21, что приводило к тому же результату – (360 сут. × 4) + 21 сут. = 1461 сут.; 1461 сут. : 365,242 сут. = 4,00008 ≈ 4 солн. года.

Реконструкция системы счисления звездного года (327,84 сут.): в счетную систему вводилась дополнительная единица (1 – хвост гусеницы). Полученная запись числа 40 + 1 = 41, кратная сидерическому обороту Луны (41 сут. : 27,32 сут. = 1,5007 $\approx 1 \frac{1}{2}$ *сид.* мес.), считывалась *восьмикратно*, что и выводило на рубеж окончания звездного года (цикл смещения

* Как свидетельствует опыт, точность счисления времени с эпохи палеолита составляла $\approx 0,02$ – $0,03$ сут.

Луны на фоне звезд, реальная длительность оборота Луны вокруг Земли, знание чего важно для предсказания (предвычисления?) затмений):

$$(19 + 1 + 21 \text{ сут.}) \times 8 = 328 \approx 327,84 \text{ сут.}$$

Реконструкция системы счисления драконического (затменного) года (346,62 сут.): та же запись, число 41, считывалась *восьмикратно*, а затем дополнялась записью числа 19 (интеркалярный) – $(19 + 1 + 21 \text{ сут.}) \times 8 + 19 \text{ сут.} = 347 \approx 346,62 \text{ сут.}$

Реконструкция системы счисления лунного года и способы выравнивания лунного времени с временем солнечным: та же запись, число 41, считывалась *восьмикратно*, а затем дополнялась записью числа 21, а также числами 2 (головка скульптуры) – 1 (хвост) – 2 (головка скульптуры) – $(19 + 1 + 21 \text{ сут.}) \times 8 + 21 \text{ сут.} + (2 + 1 + 2 \text{ сут.}) = 354 \approx 354,367 \text{ сут.}$

Выравнивание лунного времени с временем солнечным производилось следующим образом: после счисления 2-х лунных лет в счетную систему вводился интеркалярный – запись числа 21 – $(354 + 354 \text{ сут.}) + 21 \text{ сут.} = 729 \text{ сут.}; 729 \text{ сут.} : 365,242 \text{ сут.} = 1,9959 \approx 2 \text{ солн. года.}$

Реконструкция системы счисления солнечного года: та же запись, число 41, считывалась *восьмикратно*, а затем дополнялась записью числа 19 и числом 18, *которое считывалось по той же записи 19, но в обратном порядке* (т.е. без учета последнего знака числа 19): $(19 + 1 + 21 \text{ сут.}) \times 8 + (19 + 18 \text{ сут.}) = 365 \approx 365,242 \text{ сут.}$

Краткий итог исследования. Зубчатая пластина представляет собой скульптуру существа типа гусеницы. Детали тела ее есть *алгоритмический знаковый текст*, позволяющий реконструировать разной протяженности временные циклы. В гусенице следует видеть некое божество, которое символизировало (заключало в себе) разновеликие потоки времени. Объем астрономических знаний и варианты систем счисления времени следует учитывать при анализе особенностей погребального обряда обитателей Забайкалья эпохи неолита. Наличие в погребении календаря есть свидетельство уверенности предка в том, что и в Небе «инобытия» перемещаются «сотворители времени» – Луна и Солнце.

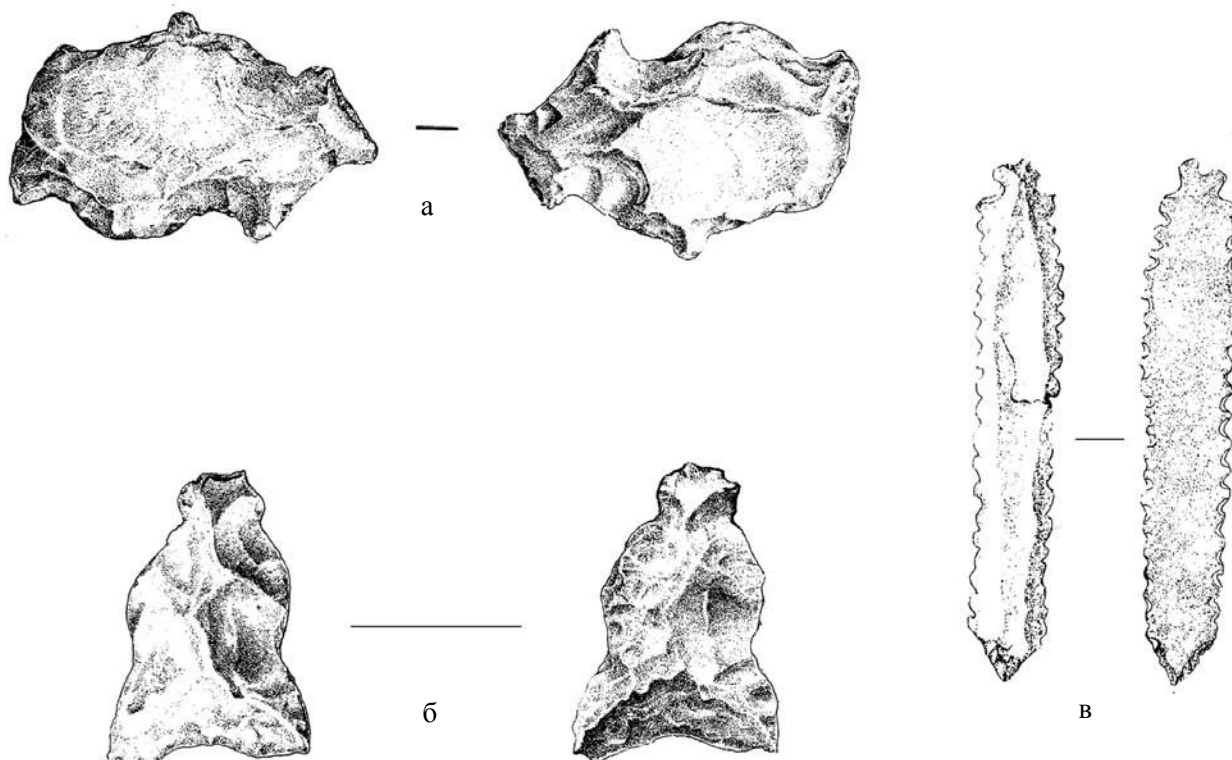

Рис. 1. Скульптуры из камня, обнаруженные в могиле №2: а – изображения быка и коровы (перевернутый левый рисунок); б – изображение антропоморфа с головой птицы; в – «шпалка» (рисунок И. Михайленко)

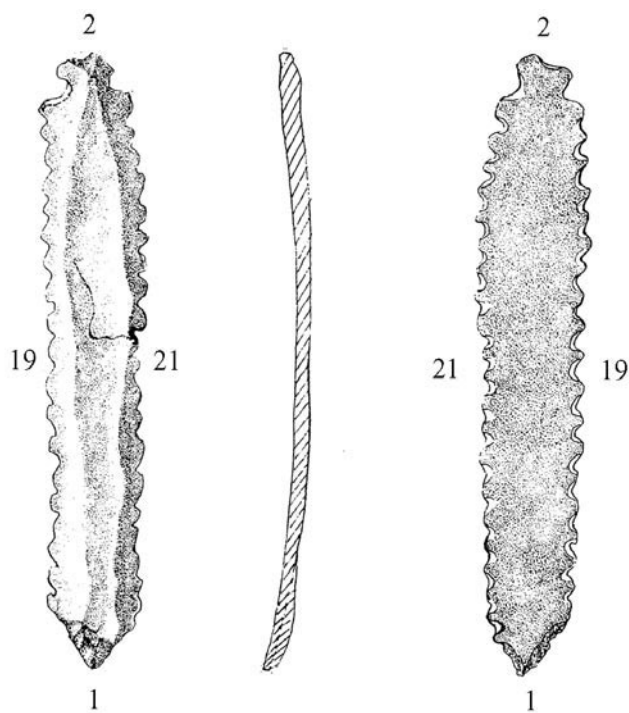

Рис. 2. Скульптурное изображение гусеницы. Числовой контекст предмета искусства (рисунок И. Михайленко)

Л.В. Лбова, П.В. Волков

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

ТЕХНОЛОГИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ПРЕДМЕТОВ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОМПЛЕКСАХ НАЧАЛЬНОЙ ПОРЫ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА В ЗАПАДНОМ ЗАБАЙКАЛЬЕ*

За последние годы Забайкалье получена представительная серия предметов, свидетельствующих о существовании символической деятельности на ранних этапах формирования культуры человека современного физического типа. Особый интерес представляет как археологический контекст находок (горизонты обитания, структуры культурного слоя, особенности размещения и т.д.), так и сами предметы. На сегодня коллекцию изделий, свидетельствующих о развитой символической деятельности, составляет около 60 предметов из кости, скорлупы, камня, раковин. Артефакты обнаружены при раскопках стратифицированных комплексов Каменка, Варварина Гора, Хотык, Подзвонкая, которые датированы в пределах 30–40 тыс. л.н. (Лбова Л.В., 2000; Ташак В.И., 2002). Артефакты демонстрируют наличие развитого в технологическом и типологическом отношениях комплекса предметов с устоявшейся системой изготовления и обработки, выраженного в стилистически выдержанных сериях изделий. Забайкальские материалы начальной стадии верхнего палеолита вполне корректно выглядят в стадиальном и территориальном контексте. Известны довольно широкие континентальные евразийские аналогии памятников с проявлениями символического поведения человека начальной стадии позднего палеолита (Демещенко С.А., 1998; Деревянко А.П., Рыбин Е.П., 2003). Проблема исследования форм древнейшей изобразительной деятельности человечества, появление и формирование культурных архетипов на этапе начального этапа верхнего палеолита в Забайкалье рассматривается нами на основе анализа

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проекты №06-01-00527а, 07-01-00417а), а также Программы РАН №21.1, проект 1.5 и Интеграционного проекта СО РАН №7.3.

технологии и морфологии изделий, свидетельствующих о символической активности, что составляет основу парадигмы изучения и интерпретации предлагаемых материалов.

Функциональные исследования и технологии изготовления артефактов базировались на методике изучения следов износа, разработанной С.А. Семеновым и Г.Ф. Коробковой (Семенов С.А., 1957; Семенов С.А., Коробкова Г.Ф., 1987; Коробкова Г.Ф., 1969; Korobkova G., 1999 и др.) и методике анализа микрозаполировок износа каменных орудий, разработанной Л. Кили (Keeley L., 1980; Vaughan P., 1985). Использовался и опыт синтезированной трасологической методики, адаптированной для работы с материалами археологических коллекций палеолитических и неолитических памятников Северной Азии (Волков П.В., 1999). При общем трасологическом обследовании материалов применялся бинокляр МБС-10 с односторонним боковым освещением наблюдаемого объекта и с дискретным рабочим режимом увеличения от 16 до 56 крат. При детальном функциональном анализе, дополнительно, использовались специализированные микроскопы МСПЭ-1 с плавным режимом смены увеличения от 19 до 95 крат и мощным двусторонним бестеневым освещением. В качестве основного исследовательского инструмента применялся, специально адаптированный для микро-трасологии, микроскоп «Olympus ВНТ-М» с бестеневым освещением через объектив и режимом увеличения от 100 до 500 крат. Для сравнительного анализа следов производства и изношенности на изучаемых артефактах использовались результаты специальных технологических экспериментов и материалы Сибирской эталонной коллекции трасологических стандартов.

Анализ следов производства и изношенности артефактов коллекции в совокупности с данными экспериментальных технологических исследований предоставил возможность провести реконструкцию технологических процессов изготовления описываемых в настоящей работе предметов из коллекции находок памятника Хотык (Западное Забайкалье).

Установлен факт использования следующих приемов обработки камня: скалывание, разнообразное сверление, резьба, шлифовка, полировка. В процессе обработки изделий использовались следующие обрабатывающие инструменты: отбойники, ретушеры, лучковые и станковые сверла, провертки, развертки, резчики, шлифовальные плитки, выделанные шкуры животных (дифференциация инструментария (Волков П.В., 1999, с. 17–28.)). Судя по следам, оставленным инструментами на поверхности обрабатываемых материалов следует особо отметить использование таких высокотехнологичных инструментов как сверла с относительно узким, тщательно подготовленным, рабочим участком. Все остальные перечисленные выше инструменты использовались в работе предположительно без специальной подготовки рабочих краев. Рабочее время, затраченное на производство обследованных изделий коллекции в целом можно охарактеризовать как относительно непродолжительное.

Морфологически и технологически артефакты представлены шестью основными вариантами:

1-й вариант - предметы овальной формы из мелких и средних галек, (или их половинок, полученных путем продольного раскалывания), а так же пластин. Материал, из которого изготовлены артефакты, как правило, представлен мягкими породами разновидностей талька, агальматолита, стеатита различного цвета (молочно-белого, желтоватого, розового, зеленоватого, черного). Характерно, что практически все породы имеют эффект иризации (перламутровую поверхность), отмечается, что эффект усиливается при воздействии воды. Кроме того, все изделия выполнены в единой технике: предварительная обработка поверхности гальки (раскалывание, или уплощение), пришлифовка выпуклых поверхностей и намеренное высверливание отверстия таким образом, что латераль изделия совпадает с краем отверстия, или приходится на его центр. Морфологически такие предметы имеют серповидную форму, или форму буквы «С», или «рогатых овалов».

2-й вариант представлен бусинами-пронизками округлой формы с центральным положением отверстия, выполненные из различных материалов – камня (риолит), кости, бивня,

скорлупы (страуса или дрофы), раковины моллюска. Как правило, это небольшие плоские изделия, до 1 см в диаметре. Отверстия бусин, как правило, выполнялось проверткой из относительно твердого материала, или лучковым приспособлением, впоследствии изделие стачивалась на жестком абразиве и полировалось на мягкой коже. Именно эта форма преобладает в забайкальских коллекциях начала верхнего палеолита – Каменка-А, Подзвонкая, Хотык (3), Варварина Гора и достаточно долго функционирует во времени и являются характерным элементом мезолитических и неолитических «украшений» из материалов многочисленных памятников Евразии, Африки и Америки. (Лбова Л.В., 2000; Ташак В.И., 2002; Деревянко А.П., Рыбин Е.П., 2003).

3-й вариант по сути повторяет второй, но отличается размерами и технологией изготовления - кольца с диаметром отверстия от 1 до 3 см. Такие предметы имеют объем, обусловленный, возможно технологическим моментом. Для крупных изделий – колец предполагается следующая технология – выборка центрального отверстия предположительно резчиком, линейными движениями инструмента, обработка изделия по периметру, в дальнейшем используется крупнозернистая абразивная поверхность, по которой изделие перемещалось возвратно-поступательными движениями, полировка изделия на относительно мягкой, кожаной поверхности (Лбова Л.В., Волков П.В., Базаров Б.А., 2003). В Забайкалье известны аналоги в коллекции Варваринной Горы.

4-й вариант – представлен единственным предметом, выполненным из розового талька, по форме треугольный, линзовидный в сечении с биконическим отверстием. Предположительно первым этапом работы было формирование сквозного отверстия в изначально естественно-уплощенной заготовке. Формирование отверстия производилось с двух противолежащих плоскостей заготовки, проверткой с рабочим оборотом вокруг своей оси менее 180°. Рабочий участок провертки не имел достаточной длины, очевидно, не имел и следов специальной подготовки (не был оформлен ретушью). Вторым этапом формоизменений артефакта явилась выравнивание его плоскостей посредством срезания незначительных выпуклостей. Для этой цели в качестве резчика использовалось неспециализированное орудие – предположительно неретушированный отщеп. Последующая пришлифовка граней осуществлялась для придания артефакту вероятно определенной, подтреугольной в плане формы. Обработка производилась на плоской, зернистой по структуре, жесткой абразивной поверхности.

5 вариант – предметы из трубчатых костей птиц, представляющие собой цилиндры с ритмичными насечками, со следами заполировки на поверхности, или их фрагменты. Размеры изделий от 3 мм до 3,5 см в длину, размеры ритмичных отметок, выполненных резцом, как правило, в пределах 1–2 мм или 5–7 мм. Насечки и нарезки, различаемые технологически, имеют четкий геометрический ритм интервалов и образуют разнообразные композиции графических линий. Внутреннее чувство ритма, счета, абстракции, выраженные в графических знаках, свидетельствуют о сложившейся сфере элементарного эстетического отношения к действительности. Аналогии довольно широкие в хронологическом и территориальном контексте.

Построение моделей функционирования различных явлений бесписьменной культуры – задача довольно сложная. Анализируя группу предметов, свидетельствующих о символической деятельности, мы исходим из гипотезы более широкого контекста – «обнаружение и формулирование законов порядка во всех регистрах человеческого мышления» (Леви-Строс К., 1999). Можно обозначить такую группу изделий в качестве маркеров личного статуса, групповой или индивидуальной самоидентификации, предметов культовых действий, украшений и т.п. – но, в любом случае, мы имеем дело со свидетельствами довольно ранней формы изобразительной деятельности, символического поведения и творчества палеолитического человека.

Проблема раннего символизма интересна и в рамках дискуссии о переходе от среднего к верхнему палеолиту и становлению культуры человека современного физического типа в Евразии. Первобытное мышление подразумевает сопоставимые интеллектуальные действия, методы наблюдения и их материализованное выражение в изготовлении артефактов. Особенное внимание первобытного человека к конкретным явлениям сочетается и выражается с одновременным стремлением к символизации. В свою очередь, символы играют роль специфических единиц мышления, они обладают промежуточным логическим статусом между конкретно-чувственными образами, абстрактными понятиями и материальными предметами.

Л.С. Марсадолов

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

ГИГАНТСКАЯ КАМЕННАЯ «СКУЛЬПТУРА» ЗАПАДНОГО АЛТАЯ

За последние 30 лет постепенно накапливаются новые материалы об использовании в культовых целях огромных скальных выходов на древних святилищах Алтая – в Селеутасе, горе Очаровательной, Семисарте, Тархате, Адыр-Кане (Чуйском), Колбак-Таше, Бийке, Ак-Бауре и других памятниках (исследования Л.С. Марсадолова, Е.А. Окладниковой, В.Д. Кубарева, З.С. Самашева, А.А. Тишкина, В.И. Соенова и других археологов).

К западу от Усть-Каменогорска (Казахстан), у горы Селеутас находится сложный комплекс объектов, открытый автором в 2000 г. (Марсадолов Л.С., 2006). Если смотреть на эту гору с западной стороны, на некотором удалении, то видно, что северная ее половина сохранила свою первоначальную форму в виде пирамидального горного склона. Южная половина горы сейчас выглядит полуразрушенной и имеет «антропо-зооморфную» форму, условно названную «сфинсом» (рис.1. -1). Его высота – около 50 м, а длина – не менее 100 м. По размерам он почти в 2 раза больше египетского сфинкса, высота которого – 20 м, а длина – около 60 м. Каждый человек, смотрящий на селеутасского «сфинкса», видит в нем близкий себе образ – коня, верблюда, медведя, льва, то есть какое-то животное. С южной стороны хорошо различимы два лика «сфинкса» – животного и человека, разделенные довольно широкой гладкой вертикальной плоскостью. Голова «животного» с удлиненной мордой, выделенным глазом, приоткрытым ртом, вытянутыми губами, толстой прямой шеей, просматривается с трех сторон. Голова «человека» дана только в профиль. Различимы уплощенный головной убор, нос, губы и подбородок. Передняя часть плиты, образующая лоб и глаз, вывалилась. Нижняя часть лица, от носа до подбородка, состоит из одной плиты. Интересно то, что губы «человека» имеют красноватый цвет.

Сейчас «сфинкс» резко выделяется своим цветом и формой от окружающего ландшафта, что, несомненно, свидетельствует о его более позднем возрасте, чем время образования скального выхода. Коричневато-розоватый цвет объекта гораздо светлее соседних гранитных скальных выходов, в отличие от него покрытых серовато-зеленоватыми лишайниками и мелким кустарником.

В 60 м к западу от «сфинкса» находится камень А – гигантская плита длиной 14,4 м, шириной 6,3 м и толщиной от 2,1 до 3,1 м (рис. 1.-4). Общий вес гранитного блока составляет около 500 тонн. «Антропоморфизм» формы улавливается при взгляде на эту плиту сверху, а также и с боков. Не исключено, что первоначально камень был установлен вертикально на ровной гранитной площадке как гигантское антропоморфное изваяние, а затем плита упала «лицевой» частью вниз. Гранитная плита А была обработана в древности не менее чем с трех

сторон. «Сфинкс» расположен на восток от камня **А**, что наводит на мысль о возможности наблюдения в прошлом за восходом Солнца с верхней части этой плиты. На ее верхней плоскости обнаружен выбитый руками человека круг-личина, диаметром 30 см, возвышающийся над основной поверхностью на 4–5 см и расположенный от передней северной ее части на расстоянии 6,3 м, а от южной стороны – на 8,1 м. Вокруг круга отмечены выбитые вертикальные и горизонтальные полосы, образующие геометрические фигуры.

По своим размерам и объему камень **А** из Селеутаса пока является самым крупным в Саяно-Алтае и Сибири. Плита **А** по длине более чем в 2 раза превосходит вертикальные плиты из Большого Салбыкского кургана в Хакасии и комплекса в Тархате на Юго-Восточном Алтае, а по весу она тяжелее их в десятки раз. Даже самая большая каменная плита Франции «Grand Menhir» (длина – 20,3 м, вес – 350 тонн) превосходит селеутасский камень **А** лишь по длине, но зато значительно уступает ему по ширине, толщине и весу (500 тонн).

К северо-востоку от «сфинкса» в Селеутасе была найдена гигантская фигура «зайца», сформированная горизонтальными пластами гранита (рис. 1.-3). Между передними и задними лапами «зайца», под его животом, находится грот, где могут разместиться несколько человек. Задние лапы «зайца» согнуты, а передние вытянуты. В северной части урочища, около подножья одной из гор, была обнаружена гранитная скальная глыба размерами до 2 м, напоминающая «голову человека».

Если в Селеутасе встать внизу под головой «сфинкса», то проходящая через него линия направлена под углом в 230–240° на юго-запад, на лежащие вдали горы и далее – в Египет. Селеутасские «сфинкс» и находящиеся к северу от него «пирамиды» своими гигантскими размерами и формами также сразу ассоциируются с египетскими. У селеутасского и египетского сфинксов головы высоко подняты и поставлены под прямым углом по отношению к передней части туловища. Спина у них длинная, прямая, лапы вытянуты вперед. Сфинксы сформированы из слоистых пород камня, лежащих горизонтальными пластами. В Египте люди позднее дополнительно облицевали сфинкса небольшими каменными блоками, что придало ему больше выразительности и искусственности.

Но есть и существенные отличия. У египетского сфинкса только одна голова с лицом человека-фараона. Селеутасский «сфинкс» имеет две головы – животного и человека. Голова человека дополнительно отделена узкой вертикальной стеной-перегородкой от головы и передней части животного. Возможно, это свидетельствует о большой древности сфинкса из Селеутаса по сравнению с египетским, ибо животное и человек здесь еще строго разграничены, а не слиты воедино как в Египте. К тому же египетскому сфинксу еще приданы доминирующие иерархические черты – образ господствующего над людьми фараона и образ «царя зверей» – льва.

Мегалитическому комплексу объектов на горе Селеутас из-за его гигантских размеров, сложности и необычности, длительности существования, пока очень трудно дать единственно верное научное объяснение. Следует отметить, что более точная датировка и культурная принадлежность объектов в Селеутасе будут определены в будущем. Наиболее древним в Селеутасе является «антропо-зооморфный» объект – «сфинкс». Затем у его подножия с юго-западной стороны была вертикально установлена антропоморфная плита **А**. Вероятно, гораздо позднее в эпоху бронзы на верхней плоскости плиты **А**, уже упавшей к тому времени, был выбит «круг-личина».

Массивный скальный выход на вершине горы Очаровательной, около пос. Колывань, напоминает голову рыбы, зверя или птицы, высотой более 5 м, с широко раскрытым «ртом-пастью или клювом» и даже выделенным «глазом» (рис. 1.-2). Внутри «пасти» находятся выбитая человеком овальная ямка-лунка и поднятый туда в древности большой камень-валун, который, возможно, служил алтарем (Марсадоллов Л.С., 1998).

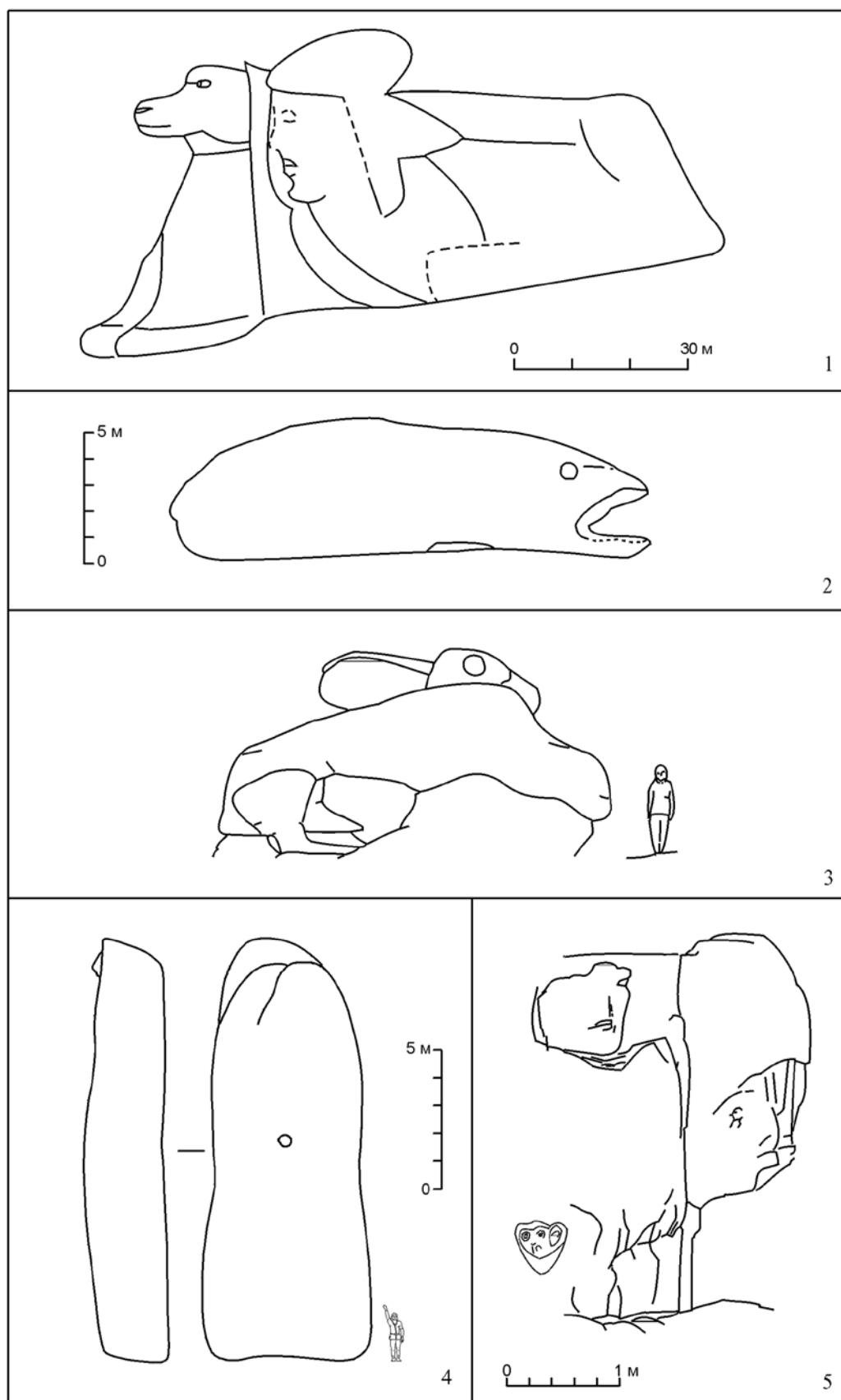

Рис. 1. Гигантская каменная «скульптура» на древних святилищах Алтая.
Памятники: 1, 3, 4 – Селеутас; 2 – гора Очаровательная; 5 – Семисарт.
Образы: 1 – антропо-зооморфный = «сфинкс»; 2 – «рыба-зверь-птица ?»; 3 – «заяц»;
4 – антропоморфная плита; 5 – «антропоморфные образы и личины»

На западной стене скального выхода, с астрономическими наблюдательными пунктами, святилища Семисарт глубоким рельефом выбита антропоморфная личина (рис. 1.-5). Выше этой личины скальные трещины и выпадки камня образовали в древности «антропоморфные образы», высотой более 2 м. О том, что природный «антропоморфизм» скальных выступов мог осознаваться и использоваться человеком в ходе ритуальных действий, свидетельствует не только вышеописанная личина, но также наскальное изображение горного козла, выбитое в VIII–VII вв. до н.э. и находящееся на месте глаза одного из больших профильных «антропоморфных образов» (Марсадолов Л.С., 2001).

Являются ли гигантские «скульптуры» Селеутаса, Очаровательной, Семисарта следствием естественного разрушения горных склонов или они были дополнительно подработаны в древности, еще предстоит более детально доказать в ходе последующих исследований. Сейчас на южном склоне горы Селеутас можно видеть многочисленные крупные и мелкие скальные обломки и, возможно, заготовки для каменных блоков разных размеров. Когда все эти обломки будут тщательно зафиксированы, измерены, построены их трехмерные модели или уменьшенные копии, то путем «ремонтажа» – обратной сборки, можно будет смоделировать процесс создания «сфинкса».

Вышеперечисленные «гигантские скульптуры», находящиеся на разных святилищах Алтая (рис. 1), несмотря на большие перерывы в осознании их сакральных и культовых функций, неоднократно использовались в разные исторические эпохи.

В.Е. Медведев

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск,
Россия*

КАМЕННЫЕ СКУЛЬПТУРНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ В НЕОЛИТЕ НИЖНЕГО ПРИАМУРЬЯ

Одной из особенностей неолита Нижнего Приамурья принято считать яркость его искусства, религиозно-художественного творчества в различных проявлениях – от насыщенных разнообразными сюжетами петроглифов до роскошно орнаментированной керамики и оригинальных образцов мелкой пластики (мобильных форм искусства). Петроглифы в регионе были открыты десятки лет назад и достаточно хорошо изучены, главным образом А.П. Окладниковым. Керамический материал постоянно пополняется и исследуется, включая декоративно-художественный его аспект. Аналогичная ситуация наблюдается и с мелкой пластикой, количество которой значительно возросло в последние 20–25 лет. Неолитические скульптурные изображения рассматриваемого ареала получили известность по публикациям прежде всего глиняных скульптурок женщин (например, «Кондонской Нефертити») и фигурок медведя. Что касается мобильных форм искусства из камня, то они освещены в печати заметно скромнее, чаще в совокупных описаниях находок из того или иного памятника.

В публикации рассматриваются каменные скульптурные изображения, найденные в жилищах, святилищах или стратиграфически выделенных слоях пяти известных в данное время неолитических культур: осиповской (начальный неолит, возраст 13–10 тыс. л.н.), мариинской (ранний неолит, 9–7 тыс. л.н.), малышевской (ранний – средний неолит, 8–5,5 тыс. л.н.), кондонской (средний неолит, 5,5–4 тыс. л.н.) и вознесенской (поздний неолит, 5–3,3 тыс. л.н.). Помимо этого, приведена сводка амурских скульптурных изображений, обнаруженных слу-

чайно или при раскопках на памятниках с нарушенными слоями, что затрудняет определение их культурной принадлежности.

Осиповская культура. С этой культурой связано появление в Приамурье объемных скульптурных стилизованных изображений двуконечного фаллоса – женщины. Первая такая скульптурка была найдена на многослойном памятнике у с. Сакачи-Алян (нижний пункт). Она представляет собой круглый в сечении изогнутый двуконечный фаллос длиной 22,5 см. Верхняя часть его в профиль изображает наклоненную назад голову с высокой прической в форме фаллоса как у более поздних глиняных статуэток (малышевская и вознесенская культуры). Оба конца изделия и выступ-подбородок заострены, но детально не моделированы (рис. 1.-1). Нижняя линия подбородка ориентирована к шее-туловищу почти под прямым углом. В такой форме схематично показан двуполый антропоморфный образ женщины – двуконечного фаллоса. Вторая, частично обломанная скульптурка женщины – фаллоса – лося найдена в жилище вознесенской культуры поселения Кондон-Почта, построенном на месте разрушенного более раннего осиповского культурного слоя, откуда был выкопан названный предмет. Скульптурное изображение в поперечном сечении овально-округлое, с лицевой стороны и в профиль, в вертикальном положении, оно представляет собой отогнутую назад женскую голову с высокой прической в форме фаллоса. Завершает женский скульптурный образ выбитое наверху головы овальное углубление с ямочкой посередине (вульва). В горизонтальном положении скульптурка изображает голову лося с вытянутой мордой, характерной укороченной нижней губой и столь же характерной лосиной подшейной шишкой (рис. 1.-2) (Медведев В.Е., 2001, с. 78–81). Обе скульптурки изготовлены из песчаника техникой пикетажа, второе изделие – с частичной шлифовкой. Два скульптурных песчаниковых изображения, аналогичных описанному сакачи-альянскому, обнаружены в предполагаемых осиповских погребениях на стоянке Гончарка-1 (Шевкомуд И.Я., 1996, с. 254–255).

Из других образцов мелкой пластики данной культуры следует назвать плоские фигурки птиц, выполненные в технике оббивки, ретуши. Подобная фигурка птицы (совы) из пластины алевролита найдена на поселении Гася (рис. 1.-3). На поселении Сакачи-Алян (нижний пункт) в раскопе вместе со скульптуркой двуконечного фаллоса-женщины выявлена плоская кремневая фигурка зверя (лося?) (Медведев В.Е., 2001, рис. 3.-9; 4), там же в разрушенном осиповском слое обнаружена орнитоморфная халцедоновая фигурка, которую А.П. Окладников (1971, с. 86, рис. 25) определил как изображение тетерева или глухаря. Д.Л. Бродянский (2002, с. 10) считает, что эта фигурка полиэйконическая: в разных ракурсах он определяет в ней образы двух птиц, рыбу и, возможно, тюленя.

Мариинская культура. Открыта недавно, памятников известно пока немного, однако на о. Сучу в мариинском слое выявлены следующие каменные скульптурные изображения. Предмет фаллической формы с овальным сечением (высота 14,5 см). Изготовлен из серо-коричневого песчаника в технике пикетажа. Поверхность его частично заглажена, на узком торце выбит желобок, противоположный – широкий, плоский, но не гладкий. В качестве песта изделие вряд ли использовалось (рис. 1.-5). Плоская фигурка сидящей или плавающей птицы (рис. 1.-4). Выполнена из темно-красной халцедоновой заготовки сплошной двусторонней ретушью (длина 3,0 см). Антропоморфный предмет из серого роговика подпрямоугольной формы в плане и поперечном сечении. Боковые стороны его обработаны в технике пикетажа, в верхней их части сделаны противоположные желобки, служившие, видимо, для привязывания шнура. Сколами стилизованно обозначены голова, шея, плечи и торс человека (рис. 1.-6). Орнито- или зооморфное скульптурное изображение, односторонне-выпуклое в сечении. Сделано из темно-коричневой халцедоновой

пластины, края оформлены микроретушью (Деревянко А.П., Чо Ю.Ч, Медведев В.Е. и др., 2003, рис. 177.-2).

Мальшевская культура. Каменная скульптура ее представлена серией фаллических предметов с женским символом-вульвой (т.е. показан образ человека вообще). Два скульптурных изображения фаллоса-вульвы найдены на поселении Гася (рис. 1.-7–8). Они конусообразные в плане и круглые в сечении, изготовлены из серого песчаника техникой пикетажа (длина 6,5 и 6,6 см, диаметр до 3,4 и 3,7 см). В расширенных основаниях скульптурок имеются круглые в плане конусообразное и чашевидное углубления глубиной 2,3 и 0,8 см. На о. Сучу в жилище 26 также обнаружены два скульптурных изображения фаллосов-вульв (рис. 1.-9). Они такой же формы, что и представленные выше, но заметно крупнее их и выполнены из базальта в той же технике пикетажа. Скульптурное изображение головы медведя из серого песчаника найдено на поселении Гася (жилище 2). Морда зверя показана несколько вытянутой, хорошо моделированы уши. Изготовлено из серого песчаника в технике пикетажа (рис. 1.-10).

Кондонская культура. В жилищах поселения Кондон-Почта найдены круглые и плоские скульптурные изображения, изготовленные преимущественно из песчаника техникой пикетажа, частично с применением шлифования. Фигурка медведя размерами 11x7,9 см (рис. 1.-11). Зверь изображен в сидячем положении. Его задние лапы подогнуты к передним, которыми он держит, скорее всего, рыбу, прижатую к морде. Фаллический предмет (рис. 1.-12). Антропоморфная фигурка, сделанная из плоской овальной гальки, на которой имеются три углубления («глаза» и «рот»). Выше «глаз» – крест из двух желобков, рядом с которыми просверлено отверстие. Вероятнее всего, это подвеска в виде головы (рис. 1.-13). Еще одна фигурка – из плоской изогнутой гальки, которой пикетажем придана форма птичьей головы с длинной шеей, клювом и большим глазом (рис. 1.-14).

Вознесенская культура. Данная культура характеризуется особым богатством художественных образов, воплощенных в том числе в камне. В жилищах на о. Сучу, зафиксированы фаллические скульптурные изображения с женской головой. Одна из фигурок найдена в святилище жилища 4. Она представляет собой фаллос в виде конического круглого в сечении стержня длиной 10,6 см с утолщением – головкой со схематическими чертами зооморфности (тюлень?) наверху (рис. 1.-16). Скульптурки выполнены преимущественно из песчаника в технике пикетажа. В том же святилище (жилище 4) найдено плоское полисемантическое изображение совы – медведя, выполненное из плитки сланца (размеры 30x14,5x1 см) (Медведев В.Е., 2005, рис. 19; 20). В жилище-святилище 1 Тахтинского культового центра найдена плоская шлифованная фигурка рыбы (представитель лососевых), изготовленная из песчаника серого цвета с бледно-малиновыми прожилками (длина 4,5 см) (рис. 1.-15). На поселении Кольчем-3 выявлена группа плоских ретушированных изображений, большей частью птиц, из отщепов и пластин (рис. 1.-18–19). Там же найдены антропоморфная, ихтиоморфная и зооморфная фигурки (Шевкомуд И.Я., 2004, табл. 78.-1, 7, 8). На территории поселения Кольчем-8 обнаружена многоликая, полиэikonическая личина с отверстием на месте рта, изготовленная из базальта в технике пикетажа (рис. 1.-17). На памятнике Голый Мыс-5 выявлена ихтиоморфная фигурка, сделанная из отщепа (рис. 1.-20).

Скульптурные изображения неопределенных культур. Эти образцы искусства и культа обнаружены при различных обстоятельствах, но в основном они найдены случайно. Скульптурки можно подразделить на антропо-, зоо- и ихтиоморфные изображения. К антропоморфным относятся следующие два предмета. Изображение личины из базальта, найденное у бывшего села Черный Яр (Okladnikov A., 1981, fig. 22) (скульптурку передал

автору данных строк в 1976 г. житель Ульчского района Хабаровского края). Скульптурное изображение личины с круглыми глазами, изготовленное из песчаника в технике пикетажа. Обнаружено в районе поселения Большой Ключ, неподалеку от г. Николаевска-на-Амуре. По одной из версий скульптура принадлежит вознесенской культуре (Шевкомуд И.Я., 2004, табл. 78.-1; с. 121–122). Возможно, это так. Однако памятник, с которым она связана, неизвестен. В июле 1968 г., находясь в Николаевском-на-Амуре музее, где хранится этот яркий образец древнего амурского искусства, я узнал от директора В.И. Юзефова, что скульптуру откуда-то на Большой Ключ привезли и оставили местные речники. По причине неопределенности данное скульптурное изображение А.П. Окладников не включил в монографию-альбом «Древнее искусство Приамурья» (Okladnikov A., 1981). Автор также воздерживался от публикации скульптуры.

К зооморфным объемным скульптурным изображениям относятся фигурка медведя, поднятая на правом берегу Амура в с. Сакачи-Алян (Okladnikov A., 1981, fig. 32) и фигурка, найденная рядом со стоянкой Осиповка-3 (Шевкомуд И.Я., 2004, с. 122; табл. 96). Сделаны соответственно из базальта и песчаника. Два плоских скульптурных изображения головы лося, одно из которых – из подъемных сборов неподалеку от поселения Гася (Малявин А.В., 1996, с. 105; рис. 1) (изготовлено в технике пикетажа из базальта), другое, яшмовое, оформленное ретушью, – из раскопок памятника Малая Гавань (Конопацкий А.К., 1996, с. 73–74). На памятнике Малая Гавань найдена также фигурка тигра (Табарев А.В., 1996, с. 51–52), а в с. Тыр на месте буддийского храма – фигурка головы лисицы (Артемьев А.Р., 1998, с. 102–103). Оба образца мелкой пластики сделаны из халцедона с применением техники ретуширования. В Тыре найдено также песчаниковое объемное скульптурное изображение рыбы (сом) длиной 13 см (Артемьев А.Р., 1998, с. 103, рис. 2). Этот предмет искусства принадлежит, вероятно, позднему неолиту.

Краткие выводы. Анализ рассмотренных выше материалов по каменным скульптурным изображениям, мелкой пластике как, впрочем, и других имеющихся источников по древнему искусству Приамурья, включая скульптуру из терракоты и петроглифы, дает основание говорить о весьма раннем, минимум постпалеолитическом, времени формирования основных его форм и художественных традиций. Уже на заре неолитической эпохи, в осиповской культуре, существовала развитая традиция не просто круглой и плоской скульптуры, но и более сложные ее варианты полиэйконических и полисемантических изображений. Особенно зримо это проявилось в антропоморфных двуполых (андрогинных) скульптурах. Гибридные скульптурные изображения фаллоса-вульвы, а также образцы антропозооморфной пластики являются во многом определяющими сюжетами в искусстве различных культурно-хронологических подразделений новокаменного века нижнеамурского ареала, ярко демонстрируя тем самым присущий его обитателям древнейший культ плодородия (подробнее см.: Медведев В.Е., 2001, с. 91–93).

Материализованным отражением промыслового культа людей эпохи неолита на рассматриваемой территории служат зооморфные изображения представителей таежной фауны, прежде всего медведя и лося. Нередки в неолитических коллекциях образцы мелкой пластики, иллюстрирующие в камне амурских птиц и рыб.

В настоящее время можно считать, что некоторые скульптурные образы (например, фаллические изображения), их полиэйконичность и полисемантичность зарождавшегося амурского неолита были восприняты от селемджинской позднепалеолитической культуры. Есть общее в искусстве неолита нижнего Амура (изображения двойного фаллоса – женщины, фаллоса – вульвы) и дзёмона Японии (фигурки «гангу», «догу», палки «сэкибо»). Названные аспекты древнего дальневосточного искусства заслуживают повышенного внимания и углубленных разработок.

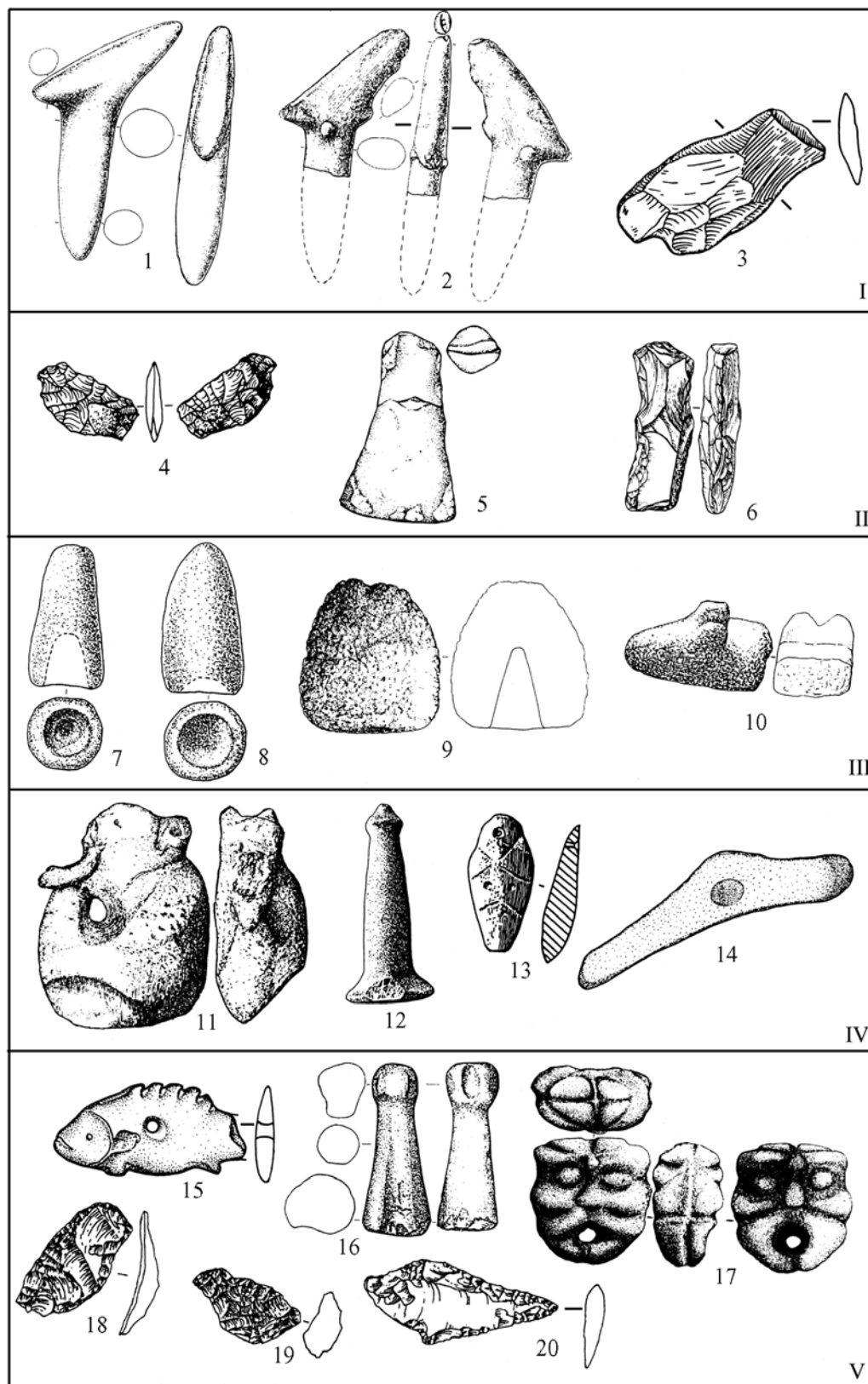

Рис. 1. Скульптурные изображения из камня в неолитических культурах Нижнего Приамурья. Масштаб различен. I – осиповская культура; II – мариинская культура; III – мальшевская культура; IV – кондонская культура; V – вознесенская культура. I – Сакачи-Алян (нижний пункт); 2, 11 – Кондон-Почта; 3, 7–8, 10 – Гася; 4–6, 9, 16 – Сучу; 15 – Тахта; 17 – Кольчём-8; 18, 19 – Кольчём-3; 20 – Гольй Мыс-5. 17 – 20 – (по: Шевкомуд И.Я., 2004, табл. 78.-3, 4, 10; 93). 1–16 – хранятся в Институте археологии и этнографии СО РАН; 17–20 – в Хабаровском краевом краеведческом музее им. Н.И. Гродекова

Е.А. Миклашевич

*Кемеровский государственный университет, Кемерово,
Россия*

ИЗ «ИСТОРИИ ЖИЗНИ» ОДНОГО ИЗВАЯНИЯ

В богатой коллекции изваяний и стел окуневской культуры, хранящихся в Хакасском Республиканском краеведческом музее (г. Абакан), одним из самых заметных является так называемое изваяние Читыхысского чаатаса. Оно было обнаружено экспедицией Л.Р. Кызласова в 1958 г. и тогда же перевезено в музей А.Н. Липским. Изваяние стояло на вершине большого тагарского кургана, расположенного в 150 м к ВСВ от чаатаса под горами Читы хыс на левом берегу р. Аскиз (Кызласов Л. Р., 1986, с. 140–141). Фактически это не изваяние, а стела, большая плита (360x90x30 см) красного песчаника, с оббитыми гранями, на одной из сторон которой выбиты плоскостное изображение окуневской личины, многочисленные ямочные углубления и более поздние рисунки в нижней части. Прорисовки и описания этого изваяния публиковались во всех сводах окуневских памятников (Вадецкая Э.Б. и др., 1980, с. 85, №112, табл. LI; Кызласов Л. Р., 1986, с. 140–141, рис. 77; Leont'ev N. V., Kapel'ko V. F., 2002, s. 71–72, T. 40-112). Они несколько отличаются друг от друга по стилю зарисовки и некоторыми деталями изображения (рис. 1.-1–3). Так, на рисунке из книги Л.Р. Кызласова нет фигур в самой нижней части плиты, отмеченных на рисунке К. Претро из свода Э.Б. Вадецкой; на прорисовке, уточненной Н.В. Леонтьевым и В.Ф. Капелько, появляются такие детали, как рты маленьких личин подо ртом основной личины, и карасукские фигурки под линией ниже основной личины.

К сожалению, зачастую слишком мелкий масштаб рисунков в публикациях оставляет вне внимания исследователей подобные детали. Кроме того, в стелларии Хакасского музея древние изваяния экспонированы настолько неудачно (отсутствие хорошего освещения, невозможность кругового осмотра и полноценной фотофиксации), что повторное их изучение и получение новой информации чрезвычайно затруднены. Между тем, информационный потенциал этих памятников очень высок и далеко еще не исчерпан. Не так давно изданный на немецком языке новый свод памятников окуневского монументального искусства (Leont'ev N.V., Kapel'ko V.F., 2002) с публикацией уточненных копий из свода Э.Б. Вадецкой и новых материалов, а также его расширенная и дополненная версия на русском языке (Леонтьев Н.В. и др., 2006) уже вызвали к жизни целый ряд новых интерпретаций. Но работу эту необходимо продолжать, в частности, актуальной остается профессиональная детальная фотосъемка изваяний и стел. Как показывает опыт, даже на «уточненных» памятниках возможно открытие новых значимых деталей и целых изображений.

В 2006 г. при фотографировании некоторых изваяний в стелларии Хакасского музея, в косом свете лампы мы заметили, что в нижней части «изваяния Читыхысского чаатаса» имеются многочисленные «незнакомые» изображения. Это привлекло наше внимание к памятнику. С целью выявления изображений была произведена фотофиксация в косом свете и эстампирование на микалентную бумагу. Прорисовку (рис. 1.-4) мы сделали по микалентной копии с уточнением по фотографиям фрагментов, но в связи с тем, что стела установлена очень тесно между другими и находится в почти полной темноте, что невероятно усложняет ее изучение и документирование, нельзя поручиться, что какие-то еще детали остались неотмеченными. Тем не менее, можно перечислить, что же удалось выявить.

Во-первых, оказалось, что глаза основной личины изображены иначе: не просто углубления, но еще и кольца вокруг них, выполненные более мелкой выбивкой и

зашлифованные. Такая же зашлифованная линия обнаружилась между «носом» и ртом личины (она, кстати, слегка намечена и на рисунке из книги Л.Р. Кызласова). Эти детали хорошо заметны на микалентной копии (рис. 1.-5). Во-вторых, увеличилось количество ямочных углублений, а некоторые из них оказались глазами и ртами более мелких личин, вписанных между линиями декора основной личины. Личина с косым крестом (рис. 2.-1) хорошо прослеживается слева от треугольника вершиной вниз на «шее». Возможно, такая же есть и справа, по крайней мере, две точки-глаза видны, но остальное не прослеживается из-за повреждений поверхности. Две маленькие личины «вписаны» в пространство подо ртом основной личины; выбивка линии рта, разделяющего их треугольника вершиной вверх и ответвлений в виде бычьих рогов создает впечатление абриса так называемых сердцевидных личин (рис. 2.-2). То, что эта «пара» не случайна, подчеркивается и контуром рта основной личины – он представляет собой не одну слабоизогнутую дугу, как обычно, а как бы состоит из двух таких дуг. Еще одна личина (вернее, только ее правая половина) видна левее и ниже одной из пары вышеописанных (рис. 2.-2). В-третьих, в выбивке головного убора, глаз и верхних линий основной личины обнаружены следы красной краски. Ею, как известно, прокрашивались выбитые и вышлифованные линии изображений на окуневских изваяниях. В четвертых, ниже личины, под горизонтальной линией было выгравировано характерное изображение «тощей» окуневской коровы (рис. 2.-3, 4). Оно перекрыто двумя миниатюрными фигурками лошадей, одна из которых изображена «вверх ногами». Эти изображения, также как и менее отчетливые фигуры трех животных (козлов?) справа, выполнены в типичной геометрической манере эпохи поздней бронзы. Они есть на прорисовке Н.В. Леонтьева и В.Ф. Капелько, но в слишком мелком масштабе. При увеличении (рис. 2.-7, 8) не остается сомнений в их карасукской принадлежности.

И, пожалуй, самое интересное: две фигуры лошадей в нижней части стелы (рис. 2.-5, 6). Они выполнены неглубокой аккуратной силуэтной выбивкой, несколько отличающейся от выбивки всех остальных изображений. Длинные сухие ноги нижнего животного напоминают манеру изображения ног у «тощих» окуневских коров и одновременно ноги бегущих лосей Суханихи и «окуневских хищников». Но больше всего эти ноги, а также выгнутые шеи и челки, и, естественно, сам по себе образ лошади, напоминают изящных лошадей на скале Изирих-Тас (Миклашевич Е.А., 2006, рис. 9), которые ассоциируются как с поздним для окуневской культуры «разливским стилем», так и с сейминско-турбинской традицией (Миклашевич Е.А., 2006, с. 203), проникновение которой в Минусинскую котловину тоже связывается с поздним этапом окуневской культуры (Леонтьев С.В., 2002, с. 183). Ниже этих фигур прослеживаются неясные изображения (скорее всего, это плохоразличимые, едва намеченные окуневские знаки, так называемые «космограммы»), выполненные такой же выбивкой, как и лошади, но более разреженной.

Окуневские стелы, будучи памятниками открытого типа, «переживали» иногда довольно сложные перипетии. Как известно, после первоначального функционирования в окуневских святилищах они могли использоваться просто как строительный материал для памятников других культур. Иногда сохранялось почитание и нанесенного на них изображения, иногда оно, наоборот, «обезвреживалось» переворачиванием стелы; некоторые изваяния, упав на землю, так и оставались в ней на века, а другие еще долго стояли и служили «полотном» для художников других культур. Эти многообразные контексты бытования древних изваяний на протяжении их истории в некоторых случаях можно проследить при внимательном прочтении заключенной в них самой информации. Так, например, «история жизни» изваяния Читыхысского чаатаса, вероятно, выглядит следующим образом.

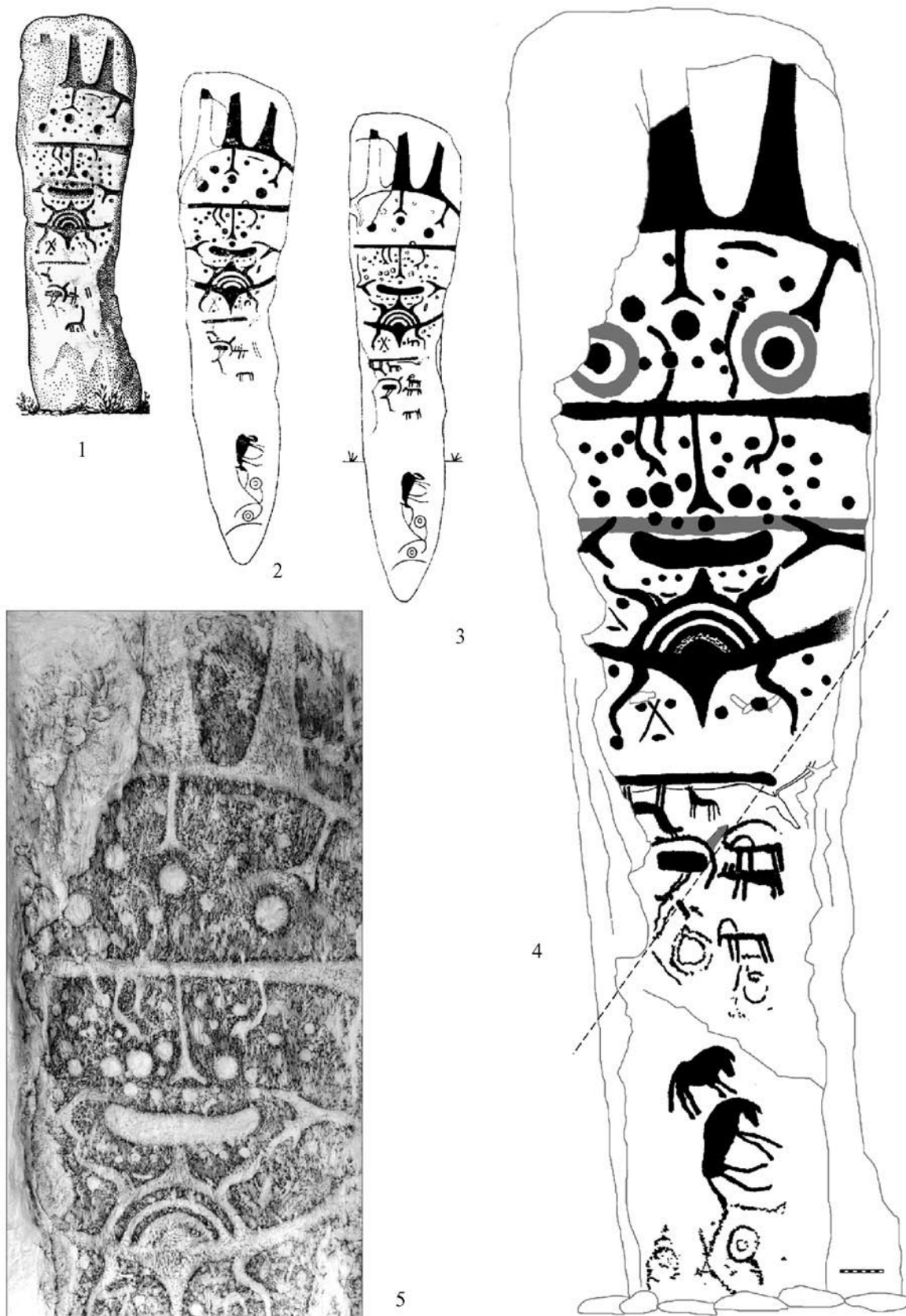

Рис. 1. Изваяние Читыхыисского чаатаса.
1 – прорисовка по Л.Р. Кызласову; 2 – прорисовка по Э.Б. Вадецкой; 3 – прорисовка по Н.В. Леонтьеву, В.Ф. Капелько; 4 – прорисовка 2006 г., пунктирная линия отмечает уровень, ниже которого образовался кальцитный натек; 5 – микалентная копия, фрагмент

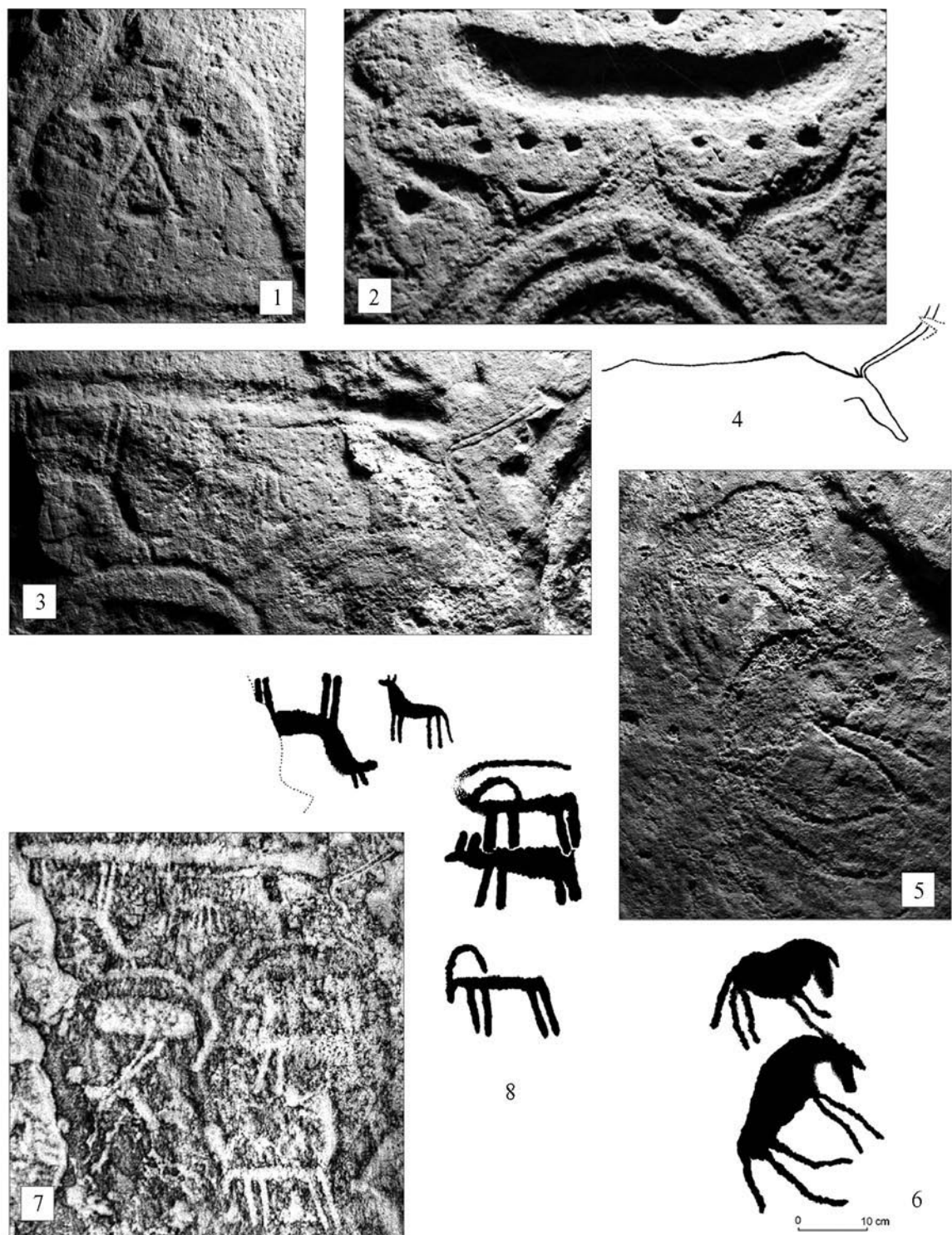

Рис. 2. Новое в изображениях на изваянии Читыхыисского чаатаса.
1, 2 – личины; 3, 4 – гравированное изображение окуневской коровы;
5, 6 – изображения лошадей с челками; 7, 8 – карасукские изображения

В окуневское время эта высокая плита с высеченным на ней ликом большеглазого божества в головном уборе с тремя лучами, прокрашенным ярко-красной охрой и видимым издали, была установлена где-то в святилище и какое-то время служила объектом поклонения. Несколько позже, но «окуневцами» же на ней могло быть вырезано изображение коровы с длинными рогами. Видимо, с течением времени стела утратила свои функции, возможно, упала или была повалена намеренно, во всяком случае, обнажилась ее укрепленная в земле

нижняя часть, и подход к этой части был свободным. В это время и были выбиты на свободном участке изображения лошадей с челками, причем, судя по ориентировке фигур, художник, скорее всего, мог располагаться вдоль боковой грани стелы. Произошло это все еще в рамках окуневской культуры, на ее позднем этапе. Позже, во время карасукской культуры, стела продолжала лежать на земле, ее не использовали как строительный материал, так как «карасукцам» для их могильных конструкций нужны были тонкие плитки, а не массивные плиты. Они, несомненно, не могли не видеть древнюю личину, и относились к ней «уважительно», выбив свои миниатюрные фигурки на свободном месте. То, что одна из карасукских лошадок выбита вверх ногами, может свидетельствовать о том, что к стеле можно было подойти с любой стороны, то есть она лежала. Хотя, конечно, не исключено, что это связано с семантикой изображения. В тагарскую эпоху массивные хорошо обработанные окуневские плиты, тут и там лежавшие, а может кое-где еще и стоявшие в степи, оказались очень полезны для сооружения могильных и курганных конструкций. Читыхысская плита также не избежала этой участи, причём она была установлена со вниманием к изображению на ней, личина оказалась над землей, хорошо видимой. Не исключено, что именно в тагарское время были сделаны некоторые ямочные углубления на ней. Стела со временем сильно просела в насыпи кургана и накренилась (на рисунке в книге Л.Р. Кызласова она показана стоящей ровно, но в тексте отмечается, что она «стояла, наклонившись» (с. 140), а ее высота отмечена как 2,26 м). Накренилась вправо, и в таком положении находилась долго, судя по линии толстого кальцитового натека, образовавшегося в ее правой нижней части. Такой натёк образуется при долгом нахождении во влажной почве, а поскольку кальцит образовался уже поверх выбитых фигур лошадей, то произошло это как раз в тагарское время. И, наконец, через два с лишним тысячелетия стела была перевезена в музей, где тоже прошла через ряд переустановок. Остается надеяться на еще одну, последнюю переустановку в ее жизни, когда она станет, наконец, более доступной для осмотра и изучения новыми современными методами, и мы узнаем какие-то новые страницы ее истории!

Автор выражает благодарность директору Хакасского Республиканского краеведческого музея Т. Н. Феоктистовой за разрешение работать с экспонатами музея, а также студентам исторического факультета КемГУ за помощь в нелегком копировании почти четырехметровой стелы.

Н.Н. Моор

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

ТАГАРСКАЯ МЕЛКАЯ ПЛАСТИКА (историография вопроса)

Интерес к сибирским художественным бронзам наблюдается с XVIII в., но вплоть до XX в. исследования ограничивались сбором и публикацией материала, научные изыскания в рамках решения конкретных исторических задач не проводились. В истории изучения тагарской мелкой пластики можно выделить три этапа.

1 этап – 20–40-е гг. XX в. Тагарские материалы на данном этапе не являлись самостоятельным предметом исследования и привлекались исследователями для решения частных проблем культур скифского круга (Ростовцев М.И., 1993; Бобров В.В., 1973). Научный подход в изучении бронз тагарской культуры, выполненных в зверином стиле, прослеживается после выделения С.А. Теплоуховым (1929) минусинской курганной культуры. Другое название данной культуры – тагарская (Киселев С.В., 1928). Расцвет изобразительного искусства данной археологической культуры С.А. Теплоухов (1929, с. 45) отнес ко второму этапу (VI в. до н.э.).

2 этап – конец 40-х–70-е гг. XX в. Он характеризуется повышением интереса исследователей к тагарским художественным бронзам. После раскопок С.В. Киселева в Южной Сибири увеличивается источниковая база. Важным в разработке проблем тагарской мелкой пластики является выход его монографии (Киселев, С.В., 1949; 1951). Весь комплекс тагарских художественных бронз, С.В. Киселев разделил на 6 групп, внутри которых он выделил виды согласно позе животного и манере изображения. Истоки формирования тагарской мелкой пластики исследователь видел в карасукском искусстве (Киселев С.В., 1951, с. 233–236). С.В. Киселевым были выделены звериные образы и стилистические элементы, связанные со скифским влиянием, такие как манера изображения окончания лап хищника в виде колечек, ажурность и орнаментальность в изображении свернувшегося в кольцо хищника, изображения птичьих головок, сходных со скифскими птичьими грифонами. Появление «оленных» бляшек в Минусинской котловине исследователь отнес ко времени не позднее V в. до н.э. (Киселев С.В., 1951, с. 268).

Более глубокий анализ художественных бронз тагарской культуры представлен в работах Н.Л. Членовой. Ею была предложена классификация изображений оленя с подогнутыми ногами в тагарской пластике. Всего было выделено 10 групп. В основу классификации был положен эволюционный принцип: изменение изображаемого от простого к сложному, от реализма к схематизму (Членова Н.Л., 1962, с. 167–203). Исследовательница отметила сходство самой ранней группы изображений (I группы) с причерноморскими и саккызскими. Возможными прототипами минусинских оленей Н.Л. Членова (1962, с. 169–170) считала изображения из Чиликты. Появление изображений оленей в минусинской котловине и лесостепных районах тагарской культуры она отнесла соответственно к V и V (IV) вв. до н.э. (Членова Н.Л., 1962, с. 189). В целом классификация Н.Л. Членовой не отразила реального развития образа оленя на территории скифо-сибирского мира.

В дальнейшем, на основе привлечения множества материалов по тагарской художественной бронзе, Н.Л. Членова предложила классификацию предметов, выполненных в зверином стиле ранней тагарской культуры. Она выделила изображения по мотивам и объединила их в группы, согласно виду и позе животного. Внутри групп исследовательница отметила стилистические подгруппы, такие как минусинская, западная, алтайско-ахеменидская, минусинско-алтайская (Членова Н.Л., 1967, с. 145–156). Н.Л. Членова, не отрицала местных истоков происхождения некоторых мотивов звериного стиля (карасукские бронзы), но в целом отмечала влияние на его формирование луристанских бронз и печатей типа Керкук (Митанни) через Афганистан, Синь-Цзян и Монголию (Членова Н.Л., 1967, с. 121, 128–129). В целом Н.Л. Членовой были выделены две основные разновидности звериного стиля в тагарской культуре, названные условно «минусинским» и «алтайским». Эти стили, по мнению исследовательницы, существовали параллельно на протяжении V–IV вв. до н.э. (Членова Н.Л., 1967, 1992). «Алтайский» звериный стиль Н.Л. Членова (1967, с. 110–113; 1992) связывала с искусством территорий Алтая и Казахстана. Вопрос о связи некоторых художественных образов тагарского искусства, в первую очередь оленя с подогнутыми ногами, с территорией Восточного Казахстана был поставлен также в работах С.С. Черникова (1965), М.И. Артамонова (1973).

Собственную классификацию образа оленя в пластическом искусстве тагарской культуры предложил В.В. Бобров (1973). Им было выделено три стилистические группы изображений. В результате анализа данных элементов за основание классификации первой группы было принято изображение рогов. Учитывались и другие признаки (изображения глаз, уха, морды и т. д.). Всего, таким образом, было выделено 6 групп, с подразделением на виды (варианты групп). Основным критерием классификации второй группы было выбрано положение ног животного. В.В. Бобров отметил более позднее появление образа оленя в лесостепных районах тагарской культуры – IV–II (I) вв. до н.э. (Бобров В.В., 1973, с. 110). Иконографический анализ позволил В.В. Боброву (1973, с. 123–125, с. 162) прийти к выводу, что традиция

изображения оленей с подогнутыми ногами пришла в Сибирь из стран Переднего Востока (Иран, Луристан, хетто-хурритский, микенский мир) через саков Средней Азии. Он отметил культурные связи племен тагарской культуры с Тувой, Алтаем, Средней Азией, Монголией, таежной кулайской культурой, выявил местные (сибирские) художественные традиции и приемы в развитии данного образа (Бобров В.В., 1973, 1976).

Вопросы интерпретации звериных изображений, а также назначения предметов, выполненных в зверином стиле в тагарской культуре редко затрагивались исследователями (Киселев С.В., 1951). Звериные образы анализировались в контексте тотемической и мифологической теорий (Абаев В.И., 1949; Членова Н.Л., 1967; Бобров В.В., 1973, 1974; Мартынов А.И., 1974). Особенности погребальных памятников Ачинско-Мариинской лесостепи позволили исследователям рассмотреть вопросы назначения «оленных» бляшек, зеркал, тагарских алтарей, наверший, «украшенных» изображениями животных (Бобров В.В., 1970, 1973; 1974; Мартынов А.И., 1973, 1974, 1979, 1980).

3 этап – конец 70-х гг. XX в. – по настоящее время.

С конца 70-х гг. XX в. наблюдается повышенный интерес к проблемам скифо-сибирских культур, что нашло выражение в росте количества публикаций, а также проведенных Всесоюзных научных конференций по данным проблемам (Москва, 1972; Кемерово, 1979, 1984, 1986, 1989).

В связи с открытием в 70-е гг. XX в. кургана Аржан, М.П. Грязновым была выдвинута новая концепция происхождения культур скифо-сибирского мира. М.П. Грязнов (1978, с. 9–18, 1980) предположил, что, возможно «... в процессе формирования искусства и культуры скифо-сибирского типа вклад азиатских племен, например, алтайских и тувинских, в некоторых случаях был более значителен, чем собственно скифов». Возрастает интерес исследователей к территории Центральной Азии, как одному из возможных очагов возникновения скифо-сибирского звериного стиля (Грязнов М.П., 1979; Тереножкин А.И., 1976; Курочкин Г.Н., 1989). В научной литературе неоднократно была отмечена несомненная связь аржанских и раннетагарских материалов, в том числе и бронзовых изображений, выполненных в зверином стиле (Грязнов М.П., 1983; Членова, Н.Л., 1997). Выходит большое количество работ, посвященных проблемам скифо-сибирского звериного стиля. Исследования ведутся в основном по двум направлениям:

1. Разработка проблем происхождения и развития отдельных звериных образов на территории степей Евразии.

2. Разработка вопросов происхождения и развития звериного стиля в рамках одной культуры (Кубарев Д.В., Черемисин Д.В., 1984, 1987; Килуновская М.Е., 1994; Кисель В.А., 1994; Богданов Е.С., 2006; Королькова Е.Ф., 2006 и т.д.). В некоторых из них затрагивались проблемы тагарского пластического искусства. В.А. Кисель предложил схему развития образа свернувшегося кошачьего хищника для раннего звериного стиля. Согласно данной схеме, ближайшие аналогии тагарского изображения свернувшегося хищника исследователь видит в изображениях из Уйгарака (Кисель В.А., 1994, с. 117–118). Е.С. Богданов (2005, 2006), анализируя сложение и развитие образа хищника в пластическом искусстве на территории степей Евразии в скифское время, связывал происхождение тагарских изображений хищника с художественными бронзами Монголии и Северного Китая.

С.А. Зинченко (2005) вновь поставила вопрос о происхождении «оленных» бляшек тагарской художественной бронзы, выступив против идеи о явном сходстве между чиликтинскими и тагарскими изображениями оленей.

Таким образом, несмотря на длительный период изучения звериного стиля тагарской мелкой пластики, до сих пор отсутствуют работы, в которых на базе единого методологического подхода была бы представлена систематизация и типологический анализ тагарских художественных бронз.

А.М. Новичихин

*Анапский филиал Сочинского государственного университета туризма
и курортного дела, Анапа, Россия*

АНТРОПОМОРФНЫЙ АМУЛЕТ IV–V ВВ. ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ АНАПЫ

В 1999 г. в Анапский археологический музей поступила небольшая коллекция бронзовых предметов, относящихся к разным периодам эпохи средневековья. К сожалению, передавший их в музей житель Анапы не запомнил место находки каждого предмета, отметив только, что все они происходят с территории Анапского района Краснодарского края.

Среди поступивших в музей вещей привлекает внимание довольно редкая находка – обломок антропоморфного бронзового амулета. Сохранилась верхняя часть фигурки. Голова круглая, плоская сзади и слегка выпуклая с лицевой стороны. Несмотря на сильную потертость фигурки хорошо видно, что проработке лица древний мастер уделил внимание: прослеживается изображение глаз и носа, обозначен подбородок. Длинная шея отчетливо отделена от слегка опущенных плеч. Руки, возможно слегка поджатые к туловищу, опущены вниз. На груди обозначен треугольный вырез ворота. Нижняя часть рук и большая часть туловища утрачены. Судя по повреждению, руки «человечка» опирались на бедра. На оборотной стороне на уровне шеи – ушко с отверстием для подвешивания. Фигурка была достаточно крупной; сохранившаяся высота – 3 см, ширина – 2,2 см (рис. 1).

Анапская находка относится к кругу антропоморфных подвесок, представляющих собой плоские мужские фигурки и распространенных в финале античной эпохи – начале средневековья.

Впервые подобные археологические находки в 1957 г. исследовала И.Т. Кругликова в связи с публикацией содержащего аналогичную подвеску погребения из с. Айвазовское в Восточном Крыму. Ею была составлена первая сводка антропоморфных амулетов и на основании анализа инвентаря содержащих данные амулеты погребальных комплексов с территории античного Боспора предложена их датировка IV – началом V в. (Кругликова И.Т., 1957, с. 253–257). Поскольку айвазовское погребение И.Т. Кругликова связала с появлением на Боспоре гуннов, плоские амулеты в форме мужской фигурки некоторые исследователи стали именовать «гуннскими».

В 1983 г. В.Б. Ковалевская вновь обратилась к этой категории находок, рассматривая их в контексте антропоморфных амулетов северокавказских алан. Литые односторонние мужские фигурки она выделила в 1 тип и составила более полную сводку находок антропоморфных амулетов. Исследовательница усомнилась в датировке боспорских подвесок IV–V вв. и предложила, на основании хронологии северокавказских древностей, датировать их концом VI–VIII вв. (Ковалевская В.Б., 1983, с. 44, 45).

Год спустя вышла работа Д.Б. Шелова, посвященная данной разновидности антропоморфных амулетов в связи с находкой подобной подвески при раскопках Танаиса. Автор составил, пожалуй, наиболее полную сводку находок подобных антропоморфных амулетов, насчитывавшую 25 экз. Д.Б. Шелов повторно проанализировал боспорские комплексы с плоскими мужскими фигурками, дополнительно обосновав их датировку IV–V вв. По вопросу об этнической принадлежности данной категории антропоморфных подвесок, он отказался от определения их как «гуннских», указав, что больше оснований связывать их появление с сармато-аланской этнической и культурной средой (Шелов Д.Б., 1984, с. 241–246).

В сводке Д.Б. Шелова (1984, с. 242) учтено три плоских антропоморфных амулета с территории Азиатского Боспора (Таманского полуострова) – они найдены при раскопках

Ильичевского городища. Таким образом, анапская находка – четвертая в азиатской части Боспора. Как и другие боспорские амулеты анапский следует датировать IV–V вв.

Для района Анапы данная находка важна в связи с тем, что данный период здесь практически не представлен в археологических материалах. Исключение составляют Гайкодзорские клады, содержащие монеты конца III – 1-й половины IV вв. (Фролова Н.А., 1989, с. 199), и несколько находок краснолаковой керамики на городище античной Горгии (Новичихин А.М., 2005, с. 191). Письменные источники V в. помещают в районе современной Анапы готов, но не исключено, что здесь оставалось и население, сохранявшее позднеантичные традиции (Новичихин А.М., 2005, с. 191–193). Находка антропоморфной подвески, характерной для боспорских древностей этого времени, подтверждает, что район Анапы (древней Горгии) в IV–V вв. входил в общепоспорское культурное пространство.

Следует отметить, что небольшие антропоморфные подвески, обычно с подчеркнутыми мужскими признаками, но не плоские, а скульптурные, получили распространение в античном Северном Причерноморье, в том числе и на Боспоре, в I–III вв. На это, обратила внимание уже И.Т. Кругликова (1957, с. 256). Известна подобная находка и в окрестностях Анапы (Харалдина З.Е., Новичихин А.М., 1994, рис. 10.-4). Судя по всему, плоские «человечки» IV–V вв. являются продолжением ранее существовавшей традиции. В качестве единой категории находок рассматривает скульптурные I–III вв. и плоскую IV–V вв. антропоморфные подвески из Херсонеса В.М. Зубарь (1982, с. 101, 102). Общим для скульптурных I–III и для плоских IV–VIII вв. антропоморфных амулетов Северного Причерноморья и Северного Кавказа является то, что они обычно встречаются в детских и (реже) в женских погребениях. Это зафиксировано на некрополях Европейского Боспора (Кругликова И.Т., 1957, с. 254, 255) и Херсонеса (Зубарь В.М., 1982, с. 101), в могильниках поздних скифов (Богданова Н.А., 1989, с. 50) и захоронениях северокавказских алан (Ковалевская В.Б., 1983, с. 45). Исходя из этого, как отмечает В.Б. Ковалевская (1983, с. 46), антропоморфные амулеты «можно связывать с погребальным обрядом, загробным супружеством или предшествующими этому обрядами инициации».

Происхождение и этническая принадлежность скульптурных «человечков» также не ясна. М.Ю. Трейстер (1992, с. 44) связывает их появление в Северном Причерноморье с проникновением в этот регион культуры кельтов. По мнению Т.Н. Высотской (1994, с. 128), у населения Юго-Западного Крыма антропоморфные и иные фигурные подвески из бронзы во II–III вв. сменили аналогичные по форме амулеты из египетского фаянса.

Нельзя не отметить распространения антропоморфных амулетов у разноэтничного и разнокультурного населения. В I–III вв. они одинаково широко представлены как в некрополях античных городов и поселений (Кругликова И.Т., 1957, с. 256; Зубарь В.М., 1982, с. 101, 102, рис. 66.-1–8), так и в могильниках поздних скифов Крыма (Богданова Н.А., 1989, с. 50, табл. XV.-4–6; Высотская Т.Н., 1994, с. 128, рис. 39.-28, табл. 1.-6, табл. 7.-7, табл. 8.-22, табл. 21.-12, табл. 47.-22; Дашевская О.Д., 1991, с. 38, табл. 70.-26–28). Позднее, в IV–VIII вв. они известны также на территориях, населенных сарматами, готами, гуннами (Шелов Д.Б., с. 241–246), встречены в погребениях северокавказских алан (Ковалевская В.Б., 1983, с. 44, 45). Судя по всему, антропоморфные амулеты представляли собой явление наднациональное и не несут этнической информации для археологов. Вероятнее всего, они отражали какую-то сторону духовного мира, общую для разных народов, населявших в позднеантичный и раннесредневековый периоды северопричерноморский регион.

Достоверные находки антропоморфных амулетов IV–V вв. при раскопках городищ (Ильичевского и Танаиса (Шелов Д.Б., 1984, с. 241, 242)) исключают атрибуцию их только как предметов погребального культа. В том, что эти амулеты носили при жизни, убеждает и анапская находка с явными следами потертости.

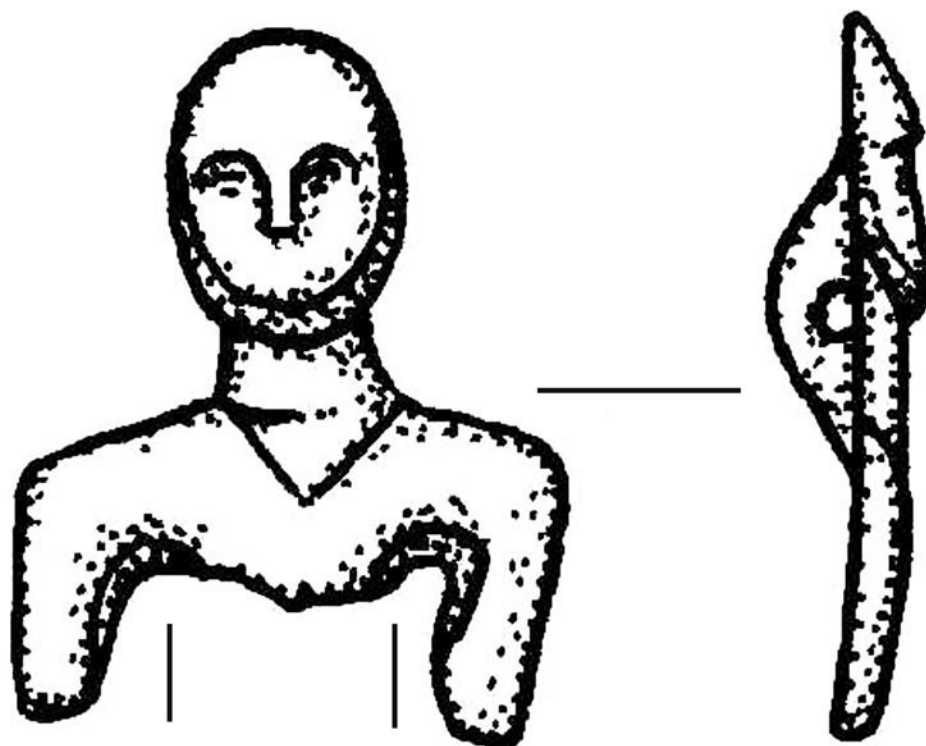

Рис. 1. Амулет IV–V вв. Окрестности г. Анапы. Бронза

Е.В. Переводчикова

Государственный исторический музей, Москва, Россия

ФИЛИППОВКА И АЛТАЙ
(по материалам золотых предметов
из 1 Филипповского кургана)

Раскопки знаменитого 1 Филипповского кургана в Оренбургской области принесли значительное количество предметов в скифском зверином стиле – это деревянные скульптуры оленей, обложенные золотом, золотые оковки деревянных сосудов, бляшки, накладки и некоторые другие вещи (Пшеничнюк А.Х., 1989). Материалы кургана вошли в недавно вышедшую книгу Е.Ф. Корольковой, где использованы в общей характеристике звериного стиля Южного Приуралья (Королькова Е.Ф., 2006).

В результате анализа всего рассматриваемого материала Е.Ф. Королькова (2006, с. 44–51) приходит к выводу о восточных связях звериного стиля Южного Приуралья, приводя не вызывающие возражения аналогии из памятников искусства Казахстана, Южной Сибири, Алтая, Тувы, Ордоса. Соглашаясь в целом с этим выводом, хотелось бы уделить особое внимание в этом контексте материалу 1 Филипповского кургана. Это вызвано следующими обстоятельствами: 1) большим количеством произведений звериного стиля из этого кургана, их великолепием и уникальностью большинства из них, 2) широким ареалом, подразумеваемым под понятиями «восточные области» и «восточные связи». В связи с этим целесообразно поставить вопросы, во-первых, о месте филипповских материалов в контексте южноуральского звериного стиля, и, во-вторых, об их роли в построении картины восточных связей приуральского искусства, с возможным определением их специфики в этой ситуации.

Поиск ответов на эти вопросы в значительной мере облегчается тем, что в книге Е.Ф. Корольковой (2006) материал подробно рассматривается по отдельным сюжетам изображения. Придерживаясь этого принципа, можно заметить следующее.

Вывод о сходстве изображений оленей с искусством Алтая и Южной Сибири базируется преимущественно на материалах 1 Филипповского кургана (Королькова Е.Ф., 2006, с. 41–45, см. также табл. 2, 3, 5). То же относится к изображениям антилоп (Королькова Е.Ф., 2006, табл. 13–14, алтайские аналогии – с. 50–51). Кабаны вообще достаточно редко изображаются в зверином стиле и здесь представлены исключительно в Филипповке, при этом они тоже находят аналогии на Алтае (Королькова Е.Ф., 2006, с. 46).

Среди изображений козлов и баранов можно выделить разные группы. Филипповские изображения на оковках сосудов стилистически сходны с изображениями оленей на предметах этой категории и находят те же алтайские аналогии (Королькова Е.Ф., 2006, с. 48–49) – в этом отношении они примыкают к описанным выше изображениями других копытных животных. Весьма специфическая поза лежащих животных с поднятой головой на золотых накладках из Филипповки встречается параллели не только в Пазырыке и Туэкте (Королькова Е.Ф., 2006, с. 49), но и в Тагискене (Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1997), Аржане-2 (Чугунов К.В., 2004), Жалаулинском кладе (Самашев З. и др., 2005). Изображения же, происходящие из других памятников – преимущественно головы, но есть и одно изображение целой фигуры – сходны с предметами из Казахстана, Южной Сибири, Ордоса, Алтая (Королькова Е.Ф., 2006, с. 47–48). Любопытно, что этот широко распространенный в восточных областях степи тип не встречается в материалах 1 Филипповского кургана.

Похожая ситуация наблюдается с изображениями хищных птиц и хищников: широко распространенные варианты их изображений крайне редки в Филипповке (Королькова Е.Ф., 2006, с. 55–61, 70–82).

Таким образом, пока можно условно представить рассмотренный материал в виде трех групп: 1) типы изображений (голова и целые фигуры козлов баранов, хищников, хищных птиц), распространенные в Южном Приуралье Казахстане, Южной Сибири, на Алтае, но редкие в 1 Филипповском кургане; 2) специфически филипповские вещи со своими алтайскими аналогиями; 3) предположительно в связи с этим можно говорить об особом круге памятников, объединяемым своеобразными изображениями животных: Филипповка–Аржан-2–Тагискен–Жалаулинский клад–Пазырык. В этом же круге встречаются и такие редкие вещи, как железное с золотом оружие (Филипповка, Аржан-2, Тагискен и Иссык).

Что же касается специфически филипповских предметов, то они представлены, в основном, двумя категориями вещей – это золотые оковки деревянных сосудов и скульптуры оленей.

Оковки сосудов, как справедливо замечено Е.Ф. Корольковой, по стилю изображения сходны с алтайскими произведениями звериного стиля. Однако они отличаются от алтайских вещей прежде всего обилием и массивностью золота, которое в древностях Алтая представлено, как правило, в виде фольги (Полосьмак Н.В., 2001, с. 34–35). Интересно, что по некоторым изобразительным элементам оковки сосудов из 1 Филипповского кургана обнаруживают прямое сходство с фигурками ежей из ордосского могильника Алучжайдэн – кстати, тоже сделанными из массивного золота (Тянь Гуанцзин, Го Сусинь, 1986, табл. XVI.-2).

В отличие от этих предметов, деревянные скульптуры оленей, обложенные золотой и серебряной фольгой, при всей своей уникальности, выглядят вполне органичными в алтайском контексте. Они не только обнаруживают стилистическое сходство с алтайскими произведениями звериного стиля (Королькова Е.Ф., 2006, с. 42–43), но и выполнены в традиционной для Горного Алтая технике.

Суммируя изложенные наблюдения, можно заметить, что в материалах 1 Филипповского кургана редко встречаются самые характерные для Южного Приуралья типы изображений

с соответствующими широкими аналогиями из восточных областей степи. Что же касается специфически филипповских вариантов изображений, то они находят в алтайских памятниках свои собственные стилистические параллели. Это обстоятельство заставляет полагать, что и в этом отношении зооморфные изображения из Филипповки составляют особую группу среди произведений звериного стиля Южного Приуралья.

Таким образом, можно считать, что в комплексе этого кургана отражаются какие-то иные, особенные связи с территорией Алтая, которые выделяют его из общего массива памятников Южного Приуралья. Это возвращает нас к факту особой роли, которую Филипповские курганы играли для значительных территорий степи.

Д.В. Папин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

ПРЕДМЕТЫ МЕЛКОЙ ГЛИНЯНОЙ ПЛАСТИКИ С ПОСЕЛЕНИЯ МАЛЫЙ ГОНЬБИНСКИЙ КОРДОН I/3*

Начиная с первой находки М.П. Грязнова на поселение Ирмень-I, предметы мелкой глиняной пластики занимают особое место среди материалов эпохи поздней бронзы Западной Сибири. Хотя до последнего времени эти находки были единичны, но они достаточно точно маркировали ареал ирменской и позднеирменской культур (Мошинская В.И., 1976; Молодин В.И., Соболев В.И., 1983; Молодин В.И., 1992; Матвеев А.В., 1983; Папин Д.В., 2000; 2001). Исследования последних лет на городище Чича-I не только увеличили коллекцию в несколько раз, но и позволили вполне обоснованно поставить вопрос о месте и значении данной категории инвентаря в системе археологических культур эпохи поздней бронзы и переходного времени от бронзы к железу Западной Сибири (Молодин В.И., Чемякина М.А., Парцингер Г. и др., 2003; Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н. и др., 2004, с. 282–284).

Как и для любых археологических материалов, а для глиняной пластики особенно, при интерпретации важен контекст находки. В связи с этим рассмотрим материалы, обнаруженные автором при исследовании в 1997–1999 гг. поселения Малый Гоньбинский Кордон-I/3 (МГК-I/3). Памятник находится на крупном останце коренного правого берега Оби, напротив пригорода г. Барнаула – с. Гоньба. Здесь была исследована конструкция, представляющая собой подпрямоугольный котлован с покатыми стенками и углубленный на 0,8 м. Полученная керамика в культурном плане однородна и принадлежит к позднеирменской традиции переходного времени от бронзы к железу. Изученный объект по своему назначению, возможно, связан с погребальным ритуалом или иными действиями носящими сакральный характер. На это указывает часть керамических сосудов (найденных в центре котлована, стоящие вверх дном, вложенные один в другой и перекрытые линзой из развалов крупных сосудов (Папин Д.В., 2000)), аналогичных могильной посуде, происходящей из грунтового могильника МГК-I/5, расположенного в 150 м на ССВ (Кунгуров А.Л., Папин Д.В., 2001). В северо-западном участке котлована, на материковом выступе, был выявлен специфический компактный комплекс остатков лошади (сохранилась большая часть скелета, включая череп, частично обожженный (подробнее: Косинцев П.А., Папин Д.В., 2000)). Тот факт, что остатки находились выше уровня пола и выше уровня основного горизонта с находками, свидетельствует о том, что в древности это было специально организованное место, куда была помещена шкура (?) с частью костей (подробнее Косинцев П.А., Папин Д.В., 2000).

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проекты №07-01-00527а, 06-01-60105 а/Т).

В непосредственной близости к этому объекту, в северном секторе конструкции, около стены котлована, были найдены три зооморфных глиняных изделия. Они залежали на расстоянии 0,5 м друг от друга, в слое черной супеси, к которому тяготеет основная масса находок. Предметы очень сходны между собой, соблюдены практически одни и те же пропорции: длина – 4,3–4,5 см, максимальная ширина в центральной части тулова 1,8 см. Они изготовлены из одного куска глины, имеют плотную структуру, и отсутствует трещиноватость. Рельефно выражена голова и хвост, что особенно четко видно в профиль, небольшими наклепками обозначены передние и задние конечности зверя. Различие заключается только в исполнении, первые фигурки исполнены в плане, животное как бы распластано (рис. 1.-1, 2), а третья представлена стоя (рис. 1.-3). На мой взгляд, это миниатюрное изображение бобра, рельефно выполненная голова и хвост подчеркивают видовые отличия зверя, что особенно заметно на третьей фигурке (рис. 1.-3).

В обширной коллекции мелкой глиняной пластики городища Чича-I, по мнению авторов исследования, находкам из МГК-1/3 близка только одна фигурка из жилища №9 (Молодин В.И., Чемякина М.А., Парцингер Г. и др., 2003, с. 339, рис. 2.-11). Близкие стилистические аналогии происходят с Абрашинского городища (Молодин В.И., Соболев В.И., 1983, рис. 1) и поселения Ирмень-I (Матвеев А.В., 1993) Все предметы выполнены в одной манере, одинаков принцип передачи изображения: короткое тулово, выраженная морда и хвост, конечности-налепы.

Интерпретация этих предметов как фигурки бобра косвенно подтверждается тем, что на поселении МГК-1/3 среди костей диких видов доминируют останки бобра – 56,0%, в том числе находки целых черепов и конечностей. Учитывая тот факт, что изученный объект рассматривается как культовый, то, по всей видимости, изображение играло большую роль в обрядовой практике древнего населения, оставившего МГК-I/3. По всей видимости, нужно признать оправданной мысль исследователей о тотемическом почитании носителями ирменской культуры отдельных животных (Молодин В.И., Чемякина М.А., Парцингер Г. и др., 2003, с. 340). Если для древнего населения городища Чича-I это был медведь, то для группы, проживавшей на МГК-I/3, – бобр.

Иной подход демонстрирует керамическая фигурка в виде головки овцы, точно передана характерная горбоносость животного и расположение ушей (рис. 1.-5). Подобные зооморфные налепы известны на сосудах Елунинского культового места, на этом памятнике, они представлены изображениями собаки (волка?) и барана (Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., 1993, рис. 3.-5, 5.-14). В отличие от скульптуры, это направление мелкой глиняной пластики, отражает скотоводческую направленность хозяйственной деятельности населения в эпоху поздней бронзы и переходного времени от бронзы к железу.

Легкодоступность глины, ее пластичность позволяли создавать самые разнообразные изделия (рис. 1.-4). Еще одним видом данной категории инвентаря стала находка в хозяйственной яме (так же расположенной в северной части конструкции) вещей в виде тонкого «полумесяца» и диска (рис. 1.-6, 7). Предметы выполнены из слабо обожженной глины и имеют трещиноватую, рыхлую структуру, аналогии им так же известны среди материалов ирменской культуры.

Находки мелкой глиняной пластики на объекте связанном с проведением определенных ритуалов указывает с одной стороны на значимость данных предметов в обрядовой деятельности, с другой подчеркивает специфичность исследованного объекта на поселение МГК-I/3.

Подобные изделия неизвестны на территории степного и лесостепного Алтая в андроновский и доандроновский период, не встречаются они в культурах раннего железного века Алтая. По всей видимости, они являются определенным индикатором ирменской культурной традиции, и отражают некоторые стороны мировоззрения носителей этой культурной традиции.

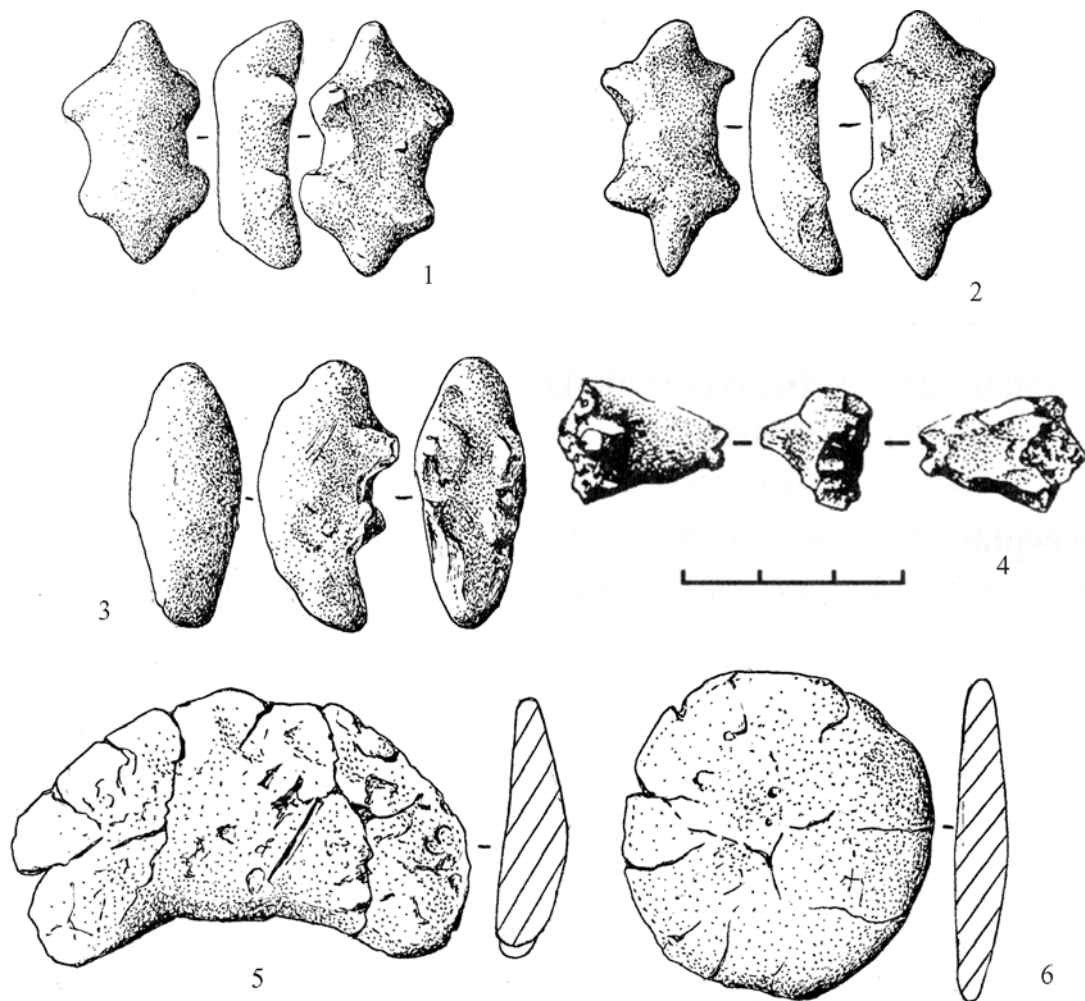

Рис 1. Предметы глиняной пластики с поселения Малый Гоньбинский Кордон-I/3

К.А. Руденко

Национальный музей Республики Татарстан, Казань, Россия

МЕЛКАЯ ГЛИНЯНАЯ ПЛАСТИКА ИМЕНЬКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

На памятниках именьковской культуры Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья (IV–VII вв. н. э.) встречаются миниатюрные глиняные скульптурные изображения. К настоящему времени их известно не менее 50.

История изучения. Находки миниатюрных глиняных фигурок на археологических памятниках были известны с первой половины XX в. Впервые их охарактеризовал П.Н. Старостин в конце 1960-х гг., как часть предметного комплекса именьковской культуры. Он проанализировал около 30 находок с разных памятников, выделив два типа изделий: антропоморфные и зооморфные. По его мнению, такие изображения характерны для земледельческо-скотоводческого населения (Старостин П.Н., 1967, с. 21).

Г.И. Матвеева в начале XXI в. отнесла именьковские глиняные миниатюры к разряду культовых изделий, также выделив антропоморфные и зооморфные изображения. Среди зооморфных фигурок она определила изображения лошади, собаки, барана, кошки, быка. По ее мнению, именьковская глиняная пластика имеет аналогии на синхронных славянских памятниках и уходит своими корнями в скифские древности (Матвеева Г.И., 2003, с. 61–62).

Типология. Изделия эти представлены тремя типами – стилизованно-схематическими изображениями человека (рис. 1.-1, 5) и животных (в основном, лошади) (рис. 1.-2–23, 25), а также изображениями неодушевленных предметов (рис. 1.-24).

Технология изготовления. Каждая фигурка вылеплена из небольшого комочка хорошо отмученной глины без заметных примесей. В редких случаях использовалось сильно запесоченное тесто. После лепки и сушки производился костровой обжиг изделия.

Характер изображения. Степень стилизации антропо- и зооморфных скульптурных миниатюр различна. Антропоморфные формы весьма схематичны, в отличие от аналогичных изображений из металла (Казаков Е.П., 2006, с. 74, рис. 1). Зооморфные скульптуры представлены как реалистичными, так и весьма стилизованными изображениями. Глиняное изображение «столика» (рис. 1.-24) выполнено реалистично.

Особенности: 1) у лошадок, как правило, отбита голова, иногда еще и хвост; нередко находки отдельных (отбитых?) головок лошадей или половинок фигурок (Руденко К.А., 2006, рис. 1.-6, 7); 2) именьковские миниатюрные скульптуры найдены только в поселениях; но не в погребениях или могильниках; 3) распространение пластики ограничено географическими и хронологическими рамками.

Аналогии. Прямых аналогий именьковской мелкой глиняной пластике мало, хотя внешне похожие скульптуры не редкость для памятников I тыс. до н. э. – I и начала II тыс. н. э. На территории Волго-Камья именьковским фигуркам наиболее близки глиняные миниатюрные скульптуры с городищ Юшковского (IV–III вв. до н.э.) и Чеганда-I (III до н.э.–II в. н.э.), расположенных в нижнем течении Камы (Колобова Т.А., 2006, рис. 1.-3, 5; 2.-10, 13). Скульптурное изображение небольшого «столика» на ножках, найденное на Именьковском городище, напоминает близкие по времени миниатюрные глиняные «алтарики» джетыясарской культуры (Левина Л.М., 1996, с. 248–249, рис. 172). Однако в большей степени изображение «столика» сходно с каменными миниатюрными жертвенниками на ножках, представленными в савроматских древностях (Смирнов К.Ф., 1964, рис. 74.-2, 3).

Отметим, что в джетыясарской культуре встречаются и глиняные миниатюрные антропо- и зооморфные изображения. Они чаще обнаруживаются в погребальных комплексах, а не в поселениях, как у именьковских племен.

Назначение. Гипотеза о культовом характере этих фигурок является наиболее распространенной. Отмечается (в связи с мелкой глиняной пластикой) сакральность образа коня у народов Прикамья с эпохи бронзы и раннего железного века, а также особая роль антропоморфных изображений (Колобова, Т.А., 2006, с. 405; Черных Е.М., Колобова Т.А., 2006, с. 145–151). Проблему культового характера именьковских изделий обозначил Б.Б. Жиромский, опубликовавший материалы городища Шелом, которое он считал жертвенным местом (Руденко К.А., 2004, с. 55).

Однако обстоятельства обнаружения фигурок ставят под сомнение этот тезис. Так, на V Малополянском селище глиняная фигурка найдена в заполнении хозяйственной ямы, вместе с другими разрушенными бытовыми предметами и фрагментами керамики (Руденко К.А., 1998, с. 185). На Шеломе, как и на Именьковском городище скульптурки обнаружены в культурном слое, вместе с кухонным мусором и вышедшими из употребления изделиями.

Выводы. 1. Глиняная миниатюрная пластика именьковской культуры практически неизвестна на ранних этапах именьковской культуры (до VI в.), а в VI–VII вв. встречается преимущественно на памятниках казанского Поволжья (Закамье и Предволжье) и в Посурье. 2. Характер повреждений зооморфных скульптур позволяет предполагать использование их в качестве детских игрушек или детских оберегов. В меньшей степени в них можно видеть предметы, использовавшиеся в каких-то религиозных ритуалах. 3. Не исключено, что скульптурные изображения связаны с определенной этнографической группой населения в составе именьковской культуры.

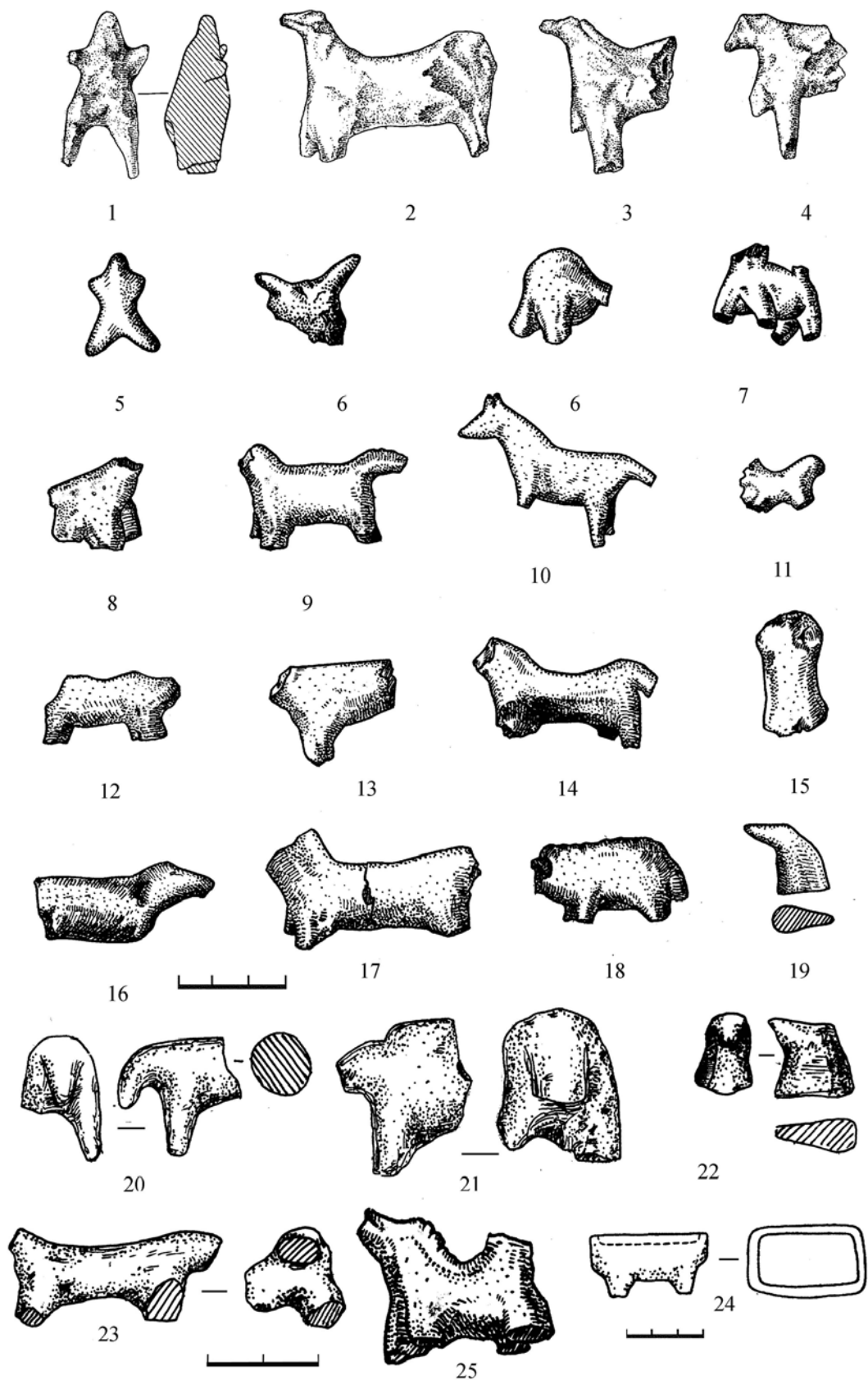

Рис. 1. 1-4 – городище Шелом; 6 – Маклашеевское II городище; 9 – Щербетское островное I селище; 11 – Татсунчелевское II селище; 18 – Камскоустыньское I селище; 20-21 – Рождественское городище; 22-23 – V Малополянское селище; 25 – Коптелов бугор (Болгарское городище); прочее – Именьковское I городище. 1-4 – по Б.Б. Жиромскому; 5-19, 25 – по П.Н. Старостину; 24 – по Н.Ф. Калинин и А.Х. Халикову

Н.И. Рыбаков, С.А. Краснолуцкий

*Петровская академия наук и искусств, Красноярск;
Музейно-выставочный и экскурсионный комплекс, Шарыпово, Россия*

КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ И СТЕЛЫ МЕЖДУРЕЧЬЯ ИЮСОВ, ПЕЧИЩА И МАЛОГО ОЗЕРА (НОВЫЕ НАХОДКИ)

В книге «Изваяния и стелы окуневской культуры» (Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н., 2006) учтены только четыре памятника с территории междуречья Июсов и семь из окрестностей Черного озера. В результате поисков неизвестных писаниц за последние пять лет по логам и урочищам долин рек Белого и Черного Июсов, Саралы, Печища и озер Малого и Черного обнаружено еще восемь памятников, имеющих иконографические признаки окуневской культуры. Работа проводилась авторами на площади 50х50 км. Изваяния и стелы осмотрены, задокументированы, сделаны копии в авторском воспроизведении. Объекты представлены здесь с кратким описанием. Названы они в соответствии с местной (народной) топонимикой. Наиболее выразительны те памятники, местонахождением которых являлись отдаленные территории подтаежной зоны отрогов горного хребта Кузнецкого Алатау (Саралинская Таз-хыз и Малоозерское изваяние).

1. Изваяние Барбаковское. Находится на естественном возвышении 50х50 м, высотой 3–4 м, у подножия холмов, входящих в утесы скалистой гряды Барбаковских гор (Бадмаевские поля), до правого берега р. Черный Июс 2,2 км, напротив с. Устинкино (рис. 1.-а). Выполнено из розовато-серого слоистого песчаника, 130х80х30 см. Имеет наклон в северном направлении. Укреплено плитами, которые являются частью ограды погребения 7х10 м. Задняя грань памятника заовалена, верх разрушен. На передней грани с трудом просматривается только правая половина личины 42х24 см. Читается правый глаз в форме кольца, правая ноздря и крупный овальный рот в виде сплошного углубления – единственная деталь, полностью сохранившаяся. Заостренный подбородок рельефно выражен. Под личиной намечен круг и ниже вторая личина (?). Эта грань камня прошлифована.

2. Незавершенное изваяние, с. Подкамень (рис. 1.-б). Крупный менгир-плита. Серовато-розовый песчаник, 110х190х30 см. Стоит в ряду семи камней, третьим с западной стороны в центре сухой пади на естественном возвышении 500х600 м, высотой 27–30 м, по дороге с. Подкамень – с. Подзаплот, в 5 км от первого пункта. Имеет специфический профиль с обработанным гребнем в верхней части изваяния. На лицевой узкой грани в нижней трети его наземной поверхности объемно оформлена личина (?). Она несколько смещена вправо и заовалена по абрису, каких-либо моделирующих деталей нет. Личина и плоскость грани, уходящие под поверхность грунта, шлифованы.

3. Изваяние Эрбэн-чазы. Черное озеро (рис. 1.-в). Песчаник округлых очертаний серовато-коричневого цвета, 90х80х35 см. Является угловым камнем юго-западной ограды тагарского кургана могильника Эрбэн-чазы, в 6 км к востоку от Черного озера. Изображением направлена на юго-восток. Верхняя часть скульптуры не сохранилась. Левая широкая грань выпукла, грубо обтесана. На правой стороне грани нанесены группами лунки по всей поверхности и частично по личине. Личина – 45х36 см, плоская, но объемно выделена по контуру. Разделена на три части поперечными линиями. В верхней зоне хорошо различимы два круга глаз и две дугообразные линии носа, соприкасающиеся с третьим глазом, наполовину утраченным. Поперечная линия сверху рта дополнена двумя кружками ноздрей и рогами. Рот прямой вытянутый, оконтуренный желобком. Середина личины и область груди шлифованы.

4. Саралинская Таз-хыз. Устье р. Сара-Юос, п. Сарала (рис. 2.-а). Изваяние выполнено из серовато-коричневого песчаника, 205х51х40 см. Обнаружено у юго-восточной окраины пос. Сарала, в 500 м от левого берега р. Сара-Юос. Скульптура лежала среди гранитных ва-

лунов, частично засыпанных землей. Головной убор не сохранился. Отчетливо выделены живот и грудь. Верхняя личина, 45x23 см, имеет архаичный облик. Сохранился выпуклый левый глаз. С трудом можно заметить ямку третьего глаза. У личины массивный подбородок и крупный овальный рот. Нижняя личина, 27x25 см, выполнена на плоскости камня желобчатой выбивкой, образуя форму круга с «рожками». Ямками показаны глаза, вокруг которых дугообразные линии, раздваиваясь, рисуют нос. Рот сделан несколько глубже и шире остальных линий. Тонким желобком очерчен подбородок. В настоящее время изваяние установлено на возвышенной площадке, в 50 м от его местонахождения.

5. Малоозерское изваяние. Малое озеро (рис. 2.-б). Скульптура выполнена из красновато-коричневого песчаника, 255x27x70 см. Обнаружена в 4 км к юго-востоку от д. Большое Озеро, на восточном берегу Малого озера в 300 м от уреза воды. Холм, на котором находится памятник, является самой высокой точкой этой прибрежной полосы. Изваяние, расколотое на две части, лежало на поверхности земли. Головной убор состоял из «стоек», между которых высечены две волнистые пересекающиеся линии. Личина, 55x23 см, имеет яйцевидную форму, разделенную поперечными желобками на три равные зоны. В верхней зоне изображены три глаза и две дугообразные линии носа. В нижней зоне с трудом просматриваются рот и овал подбородка. Над глазами расположены рога с дополнительными отростками. Под ликом в середине камня находится солярный знак с едва заметными лучами. Ниже круга грудь и живот. На боковой грани видны уши и рога, обрамляющие личину по периметру, а также еще один солярный знак.

6. Стела Эрбэн-чазы. Черное озеро (рис. 1.-г). Использована в качестве плиты среди десяти камней ограды тагарского кургана могильника Эрбэн-чазы. Находится в 6 км к востоку от Черного озера. Песчаник, 50x95x30 см. На широкой плоскости изображена крупная личина с тремя отходящими от линии лба лучами. Глубокими лунками выполнены два глаза. Поперечный желобок и линия лба соединены дугообразными линиями носа. Плоскость заполнена лунками в основном в пределах абриса личины. Нижняя половина личины находится под земной поверхностью, грунт не вскрывался. На верхней горизонтальной грани плиты выбито около ста лунок до 4 см глубиной и от 2 до 5 см в диаметре.

7. Ханкольская стела. Костино. Левобережье Печища (рис. 1.-д). Песчаник темно-красного цвета, 130x65x29 см. Является менгиром, стоящим среди камней западной стороны ограды тагарского кургана, состоящего из 12 плит. Находится в 3 км к северу от оз. Ханколь, 300 м к западу от правой дороги Костино–Малое Озеро. Изображение выбито на узкой грани, направленной на восток. Композиция состоит из двух масок, соединенных контуром с двух сторон. Верхняя личина, 38x26 см, имеет две поперечные линии, разделяющие ее на три части. В верхней части расположены три глаза диаметром 4 см, и две дугообразные линии носа, опускающиеся в среднюю зону к ноздрям. В нижней части находится рот. Головной убор состоит из трех лучей с точками наверху и двух боковых отростков меньшей длины. На нижней личине, 28x18 см, выбиты три глаза, пять крупных точек и короткая поперечная линия. Под ликом дугообразная выемка.

8. Стела. Озеро Черное (рис. 1.-е). Песчаник темно-красного цвета, 113x64x14 см. Памятник обнаружен чабаном В. Ачисовым в 80-е гг. прошлого века. В то время она стояла наклонно. Повторно зафиксирована лежащей. Стела находится в 4,5 км к юго-востоку от с. Черное Озеро, 1,5 км от дороги Черное Озеро–Шира и в 300 м от кромки озера. Нижняя часть плиты прямоугольная, верхняя полуовальная. На широкой грани изображена большая маска, вписанная в овал, в верхней половине которой три группы дугообразных линий по три в ряд, в области лба и с внешней стороны глаз. Поперечная линия делит личину на две зоны. В верхней зоне расположены три глаза и две линии носа. В нижней зоне рот обозначен удлиненным овалом. Окружает его горизонтальная дугообразная линия. В области рта и подбородка выбито перевернутое линейное изображение быка. На туловище быка четыре косых креста. По всей плоскости нанесено около десяти лунок диаметром от 1,5 до 3,5 см.

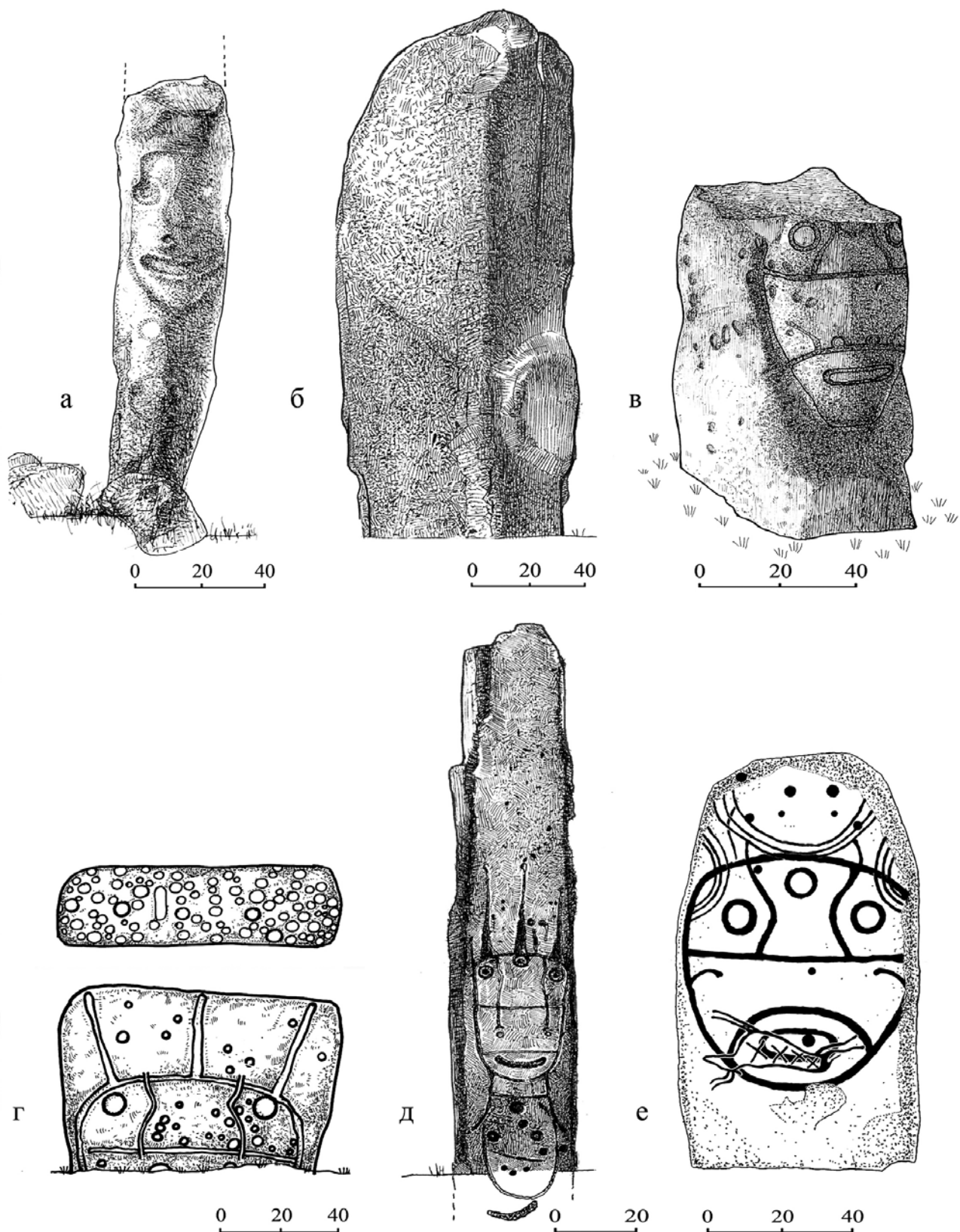

Рис. 1. а – изваяние Барбаковское, Черное озеро, напротив с. Устинкино;
б – незавершенное изваяние, Подкамень; в – изваяние Эрбэн-чазы, Черное озеро;
г – стела Эрбэн-чазы, Черное озеро;
д – Ханкольская стела, Костино, левобережье Печища;
е – стела, оз. Черное

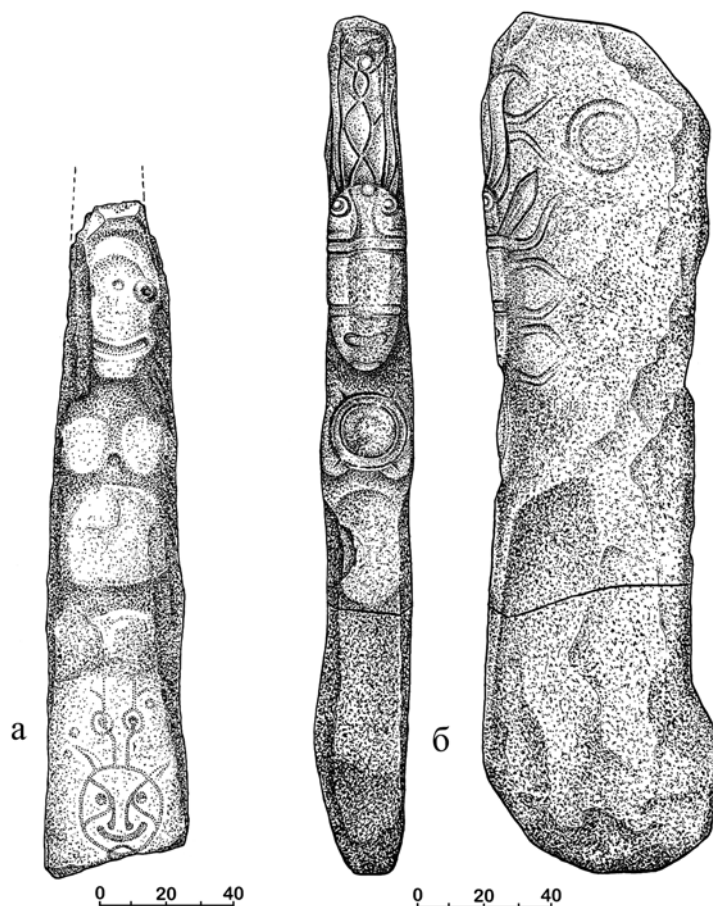

Рис. 2. а – Саралинская Тас-Хыз, устье р. Сара-Юс, п. Сарала;
б – Малоозерское изваяние, Малое озеро

Вл.А. Семенов

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

ГРАВИРОВАННЫЕ ГАЛЬКИ ИЗ ТУВЫ

В 1973 г. в процессе исследования стоянки Хадынных-1 в слое, содержащем афанасьевскую и окуневскую керамику, мной обнаружена галька, на поверхности которой был нанесен геометрический орнамент, с первого взгляда напоминающий огамическое письмо пиктов (рис. 1.-1). Этот предмет был опубликован в 1980 г., но тогда на него никто не обратил должного внимания (Астахов С.Н., Семенов В.А., 1980, с. 34, рис. 5.-9).

Впоследствии при раскопках многослойной стоянки Тора-Даш подобные декорированные гальки и плитки слоистого песчаника найдены в слоях с окуневской керамикой, а также в слоях предскифского и скифского времени (Семенов В.А., 1992, с. 102).

Затем в 1985 г. в процессе разведок по реке Бий-Хем коллекция декорированных галек была собрана на дюнах разветвленной стоянки на левобережном притоке Бий-Хема реке Этекшил. Вместе с гальками там же обнаружена керамика эпохи бронзы и более поздняя, вероятно, скифского времени. Посетившие дюны Этекшила К.В. Чугунов (1990 г.) и временный сотрудник Тувинской археологической экспедиции Г.Н. Дьяков (2004 г.) дополнили число находок с этого памятника. Г.Н. Дьяковым были найдены и также новые гравированные гальки. В настоящее время коллекция галек с Этекшила насчитывает 24 экз. Достаточно

много и фрагментов керамических сосудов, подавляющее большинство которых может быть отнесено ко второму этапу окуневской культуры в Туве, ранее датированному XV–XII вв. до н.э. (Семенов Вл.А., 1992, с. 84).

Этому периоду соответствуют слои погребенной почвы, сохранившиеся под кладкой кургана Аржан-II, с керамикой окуневского облика, конкретно второго этапа существования этой культуры в Туве. Полученная радиоуглеродная дата для образцов погребенной почвы 3000 ± 20 BP (Je-6219) укладывается в калибровочные интервалы от XIV до XII вв. до н.э. (Чугунов К., Наглер А., Парцингер Г., 2006, с. 304–305). Присутствие здесь керамики, орнаментированной трубчатым штампом, обнаруженной в большом количестве на стоянке Хадынных-1, а также на дюнах Этекшила дает нам все основания датировать тем же временем и коллекцию гравированных галек, собранных на этом памятнике.

Д.Г. Савинов (2003, с. 90–91), справедливо отмечая большое сходство ранее опубликованных галек с Этекшила с торгажакскими, датирует их карасукским временем (поселение Торгажак датируется X–IX вв. до н.э.). В этом нет ничего необыкновенного. Ранее я неоднократно писал, что второй этап окуневской культуры в Туве синхронен андроновской и карасукской культурам Минусинской котловины. Орнаментальная композиция на сланцевых плитках как из 6, так и 7 слоев Тора-Даша ничуть не выпадает из стиля торгажакских галек (рис. 1.-2). Что же касается карасукской культуры, то в Туве она до сих пор не представлена ничем кроме случайных находок ножей карасукского типа, которые могли попасть туда как престижные вещи.

Гальки, собранные на Этекшиле в 2004 г., как правило, имеют овальную, продолговатую форму. В двух случаях она приближается к окружности. Эти две гальки, по-видимому, не несут антропоморфной семантики, выявленной на большей части торгажакской серии. Некоторые из галек имеют сравнительно простой орнамент (пересекающиеся или горизонтально прочерченные линии) и декорированы с одной стороны, другие выделяются по ряду устойчивых признаков. Верхняя часть их оформлена в виде треугольной или сегментовидной фигуры, от которой вниз спускаются «ленты», «косы» или дождевые потоки, в средней части изображен декорированный «пояс» (рис. 1.-4, 6, 7–10). Одна из галек украшена 12 рядами заштрихованных треугольников (рис. 1.-5), другая раппортами из треугольников и серией пересекающихся зигзагообразных линий (рис. 1.-8). Галька округлой формы несет на себе какую-то космограмму. В ее окружность вписан квадрат (разумеется, это не идеальные геометрические фигуры), разделенный заштрихованными поясами на восемь секторов, а с внешней стороны обрамленный треугольниками. Вся композиция может рассматриваться как солярный знак, а также наводит на мысль о планиграфии керексуров, имеющих как круглые, так и прямоугольные ограды, из центра которых по странам света расходятся четыре, восемь или более лучей, число которых всегда кратно четырем (рис. 1.-3).

Гравированные гальки распространены на всех континентах земли, но в Африке и Австралии встречаются сравнительно редко. Интерпретация их знаковой системы представлена самыми разнообразными точками зрения. Иногда их сравнивают с австралийскими чурингами, которые являются эквивалентами человека или самой личностью в целом. Гальки и каменные плитки гравировались уже в эпоху палеолита (грот Гримальди, Парпальо и др.). В Америке они встречаются в памятниках культуры кловис и распространены от Аляски до Патагонии. Но есть территории, где их нет вообще (от Мексики до Аргентины), тогда как из Калифорнии происходит более 1200 экз. Палеоиндейские группы перенесли в Америку обычай «одетых галек» и сохраняют его до настоящего времени.

К. Шустер и Э. Карпентер отмечают, что в Патагонии гравированные камни известны по местным названием *placas grabadas*. Несмотря на недостаток анатомических черт их антропоморфизм демонстрирует дизайн, характерный для различных предметов одежды, и они содержат полный комплект родовых (племенных) паттернов (Shuster K., Carpenter E., 1996, p. 254–265). Вероятно, нечто подобное объединяет гальки Торгажака и Этекшила. Если «оде-

тые» камни, как считал Карл Шустер, представляли первоначально духов предков, то их значения сфокусированы на социальном устройстве и могут являться эмблемой социума. Тогда мы можем допустить, что гравированные гальки содержат записанную «стенографически» базовую информацию, позволяющую сохранить необходимые представления о картине мира в целом.

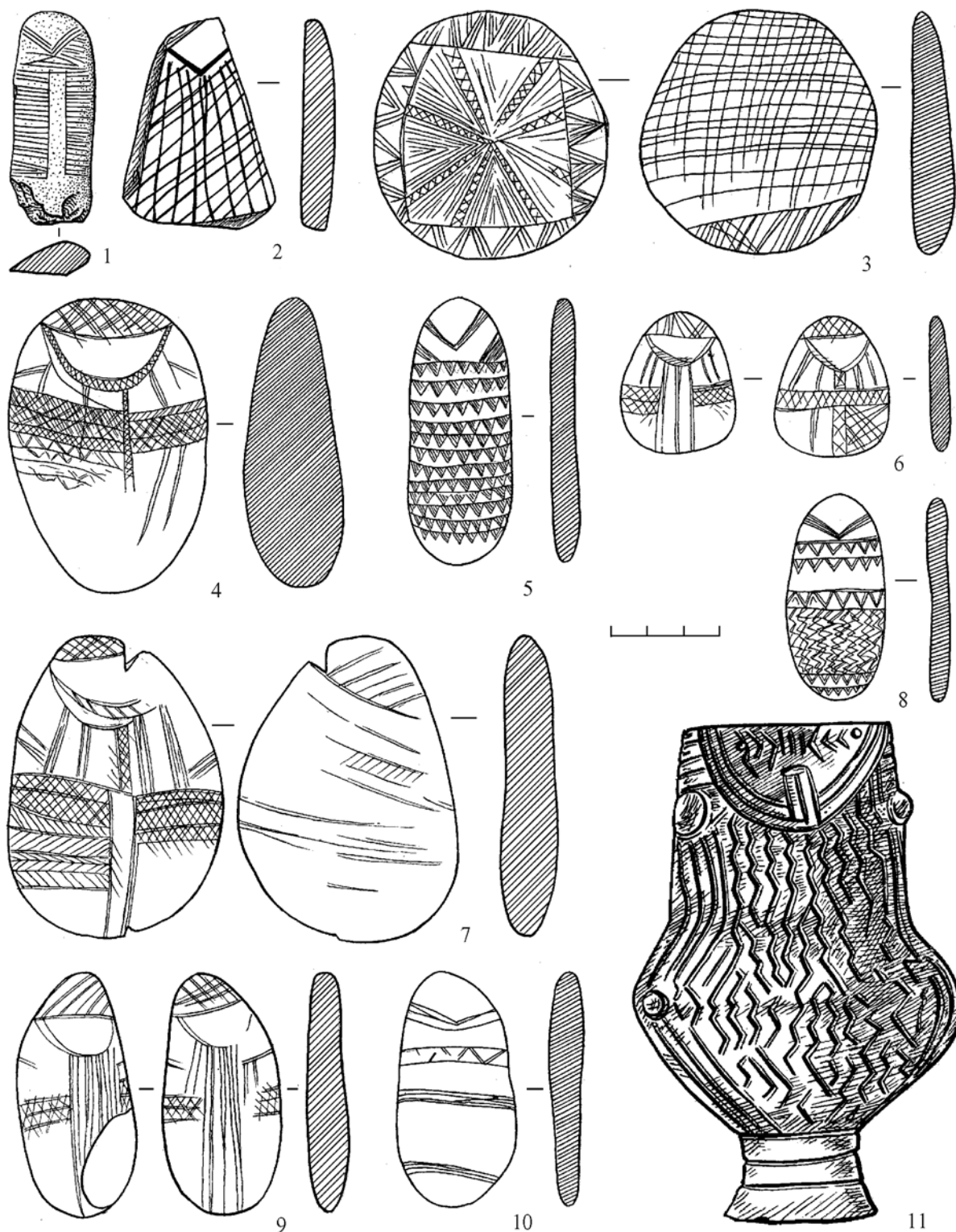

Рис. 1. Гравированные гальки из Тувы и их аналоги.
 1 – стоянка Хадынных-1 – гравированная галька; 2 – стоянка Тора-Даи,
 7 культурный слой – сланцевая плитка; 3–10 – стоянка Этекиил – гравированные гальки;
 11 – стоянка Кезенлё, Венгрия – керамический сосуд

Гравированные гальки могут содержать сведения, касающиеся как отдельного индивидуума (раскраска тела, дизайн одежды, татуировка или скарификация), так и всего мироздания. Антропоморфный глиняный сосуд из Кенезлэ (группа Тисадоб, Венгрия) демонстрирует принцип орнаментации, аналогичный тому, что мы встречаем в Центральной Азии и на Торгажаке (рис. 1.-11). Как считает М. Гимбутас, этот сосуд имитирует образ богини. Общим мотивом для подобной иконографии являются три вертикальные линии, соединенные с горизонтальной, которой показан рот богини. Ее лик обведен прямыми линиями, образующими полукруг. Сосуд декорирован меандрированными и зигзагообразными орнаментами (Gimbutas M., 2001, p. 94–95). Нечто подобное – две, три или больше линий – изображается на лицах антропоморфных галек из Торгажака, которые также могут рассматриваться как эманации, источаемые сверхъестественными существами, образы которых запечатлены в гравированных гальках.

И.Л. Симонова

*Омский областной музей изобразительных искусств имени М.А. Врубеля, Омск,
Россия*

ПОЛИЭЙКОНИЧЕСКИЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ В МОБИЛЬНОМ ИСКУССТВЕ (к вопросу изучения и интерпретации)

Полиэйконические композиционные построения в мобильной скульптуре долгое время не привлекали внимания исследователей – их не распознавали и, как следствие, не идентифицировали. Лишь в 60–70-е гг. XX в. появился ряд статей В.П. Алексеева, Д.А. Сергеева и Э.Е. Фрадкина, рассматривающих проблему полиэйконии в древнем искусстве. Э.Е. Фрадкин ввел в научный оборот сам термин «полиэйкония», согласно его определению, являющийся «особым приемом в изобразительном искусстве, в котором можно усмотреть идею единства противоположностей. В полиэйконических композициях можно увидеть, как правило, только один из образов в каждом отдельном ракурсе. Особенность этой скульптуры состоит в том, что у не нет ни верха, ни низа» (Сергеев Д.А., Фрадкин Э.Е., 1977, с. 156).

Полиэйкония как способ изображения была выявлена исследователями в 1969 г. на материалах из палеолитического памятника Костенки-1*. Ими же было установлено существование полиэйконических изображений и в других памятниках верхнего палеолита Европы: в пещерах Истриуриц, Ля Коломбер, и Ля Марш, а так же в пещере Хойт-Ценгир Агуй (Монголия). С полной очевидностью исследователи доказали наличие данного композиционного приема в неолитическом древнеберингоморском искусстве дальневосточных культур (Сергеев Д.А., 1970, с. 105–112; Сергеев Д.А., Фрадкин Э.Е., 1971, с. 115–116; Арутюнов С.А., Сергеев Д.А., 1975; Сергеев Д.А., Фрадкин Э.Е., 1975, с. 29; Алексеев В.П., Сергеев Д.А., Фрадкин Э.Е., 1976, с. 95–108; Сергеев Д.А., Фрадкин Э.Е., 1977, с. 155–156).

Продолжил исследования в этом направлении в искусстве неолита, энеолита, бронзы и раннего железа Дальневосточного региона Д.Л. Бродянский. Он описал ряд полиэйконических изображений, относящихся к зайсановской, кондонской и бойсманской культурам (Бродянский Д.Л., 1975, с. 179–185; 1978, с. 133–141; 1983, с. 133–141; 1987, с. 58–72; 1998, с. 92–101; 2006, с. 278–280; Бродянский Д.Л., Гарковик А.В., Крупяно А.А., 1998, с. 5–18).

В.Е. Медведев (2001, с. 77–84) в ходе культурно-исторического анализа скульптурных изображений, найденных на неолитическом поселении Сучу и ряде других, подтвердил,

* В настоящее время продолжила изучение кремневой скульптуры с палеолитической стоянки Костенки-1 С.А. Демещенко. Исследовательнице удалось выявить ряд новых полиэйконических изображений.

что в искусстве малых форм с раннего неолита присутствовали сложные полиэikonические изображения (осиповская, малышевская и вознесенская культуры). Данные исследования убедительно доказали, что полиэikonия – одна из характернейших черт ископаемого искусства в Приморье и в целом на Дальнем Востоке.

В Южной Сибири В.Е. Ларичев также обнаружил ряд полиэikonических скульптурных изображений (Малая Сья, Новая Сыда) (Ларичев В.Е., 1980, с. 8–35; 1978, с. 32–89; 1987, с. 44–63; Ларичев В.Е., Аннинский Е.С., 2005).

На территории Западной Сибири полиморфные многоракурсные изображения были зафиксированы автором данной статьи на материалах могильника Усть-Куренга (Симонова И.Л., 2005, с. 81–82). Аналогии данным произведениям мы можем увидеть в мобильной скульптуре Урала.

Большой вклад в изучение полиэikonических изображений в древнем искусстве Уральского региона в последние годы внес Ю.Б. Сериков. Основная часть исследованных им произведений представляет собой кремниевую скульптуру с изображениями животных, часть из которых можно отнести к полиморфным многоракурсным изображениям (Аятское, Юрьинское, Шайтанское озера Среднего Зауралья, Береговая стоянка-1 Горбуновского торфяника, мезолитические стоянки Горная Талица, Андреевка III) (Сериков Ю.Б., 2000, с. 214–215; 2005, с. 75–79).

Семантическое значение полиэikonической скульптуры, по мнению большинства исследователей, связано с мифологическими представлениями древних народов. Что же касается непосредственно интерпретации, здесь мнения расходятся. Полиэikonические статуэтки, сочетающие признаки мужского и женского пола долгое время интерпретировали как «каламбур с сексуальным содержанием». К мысли о преднамеренности соединения символов антропоморфного цикла в палеолите пришел А. Леруа-Гуран, но не развил ее, считая подобные документы малозначительными (цит. по: Столяр А.Д., 1985, с. 245–250). А.Д. Столяр полагал, что «комбинированные антропоморфные изображения, соединяющие мужские и женские атрибуты, при их внешних различиях, составляют единую семантическую группу. Сочетанием обозначений «женщины вообще» и «мужчины вообще» записывалось понятие о «человеке вообще», напоминающее переданный Платоном миф, по которому некогда мужчина и женщина составляли одно тело» (Столяр А.Д., 1985, с. 245–250). А.П. Окладников также связывал комбинированные мужские и женские изображения с культом плодородия, являющегося отражением представлений об андрогине. Сближение образов женщины и зверя, по мнению исследователя, являлось отражением тотемистических представлений (Столяр А.Д., 1985, с. 84).

С иной точки зрения подошли к интерпретации полиэikonических изображений В.П. Алексеев, Д.А. Сергеев и Э.Е. Фрадкин. Они полагали, что подобные композиции создавались в утилитарных, практических целях и являлись визуальным воплощением идеологических и ранних форм религиозных представлений. «Имея в руках камень с несколькими изображениями людей и животных, первобытный охотник мог легче и проще передавать свои знания, опыт или мифы во время различных обрядовых действий, в том числе и при обряде инициаций» (Сергеев Д.А., Фрадкин Э.Е., 1977, с. 155–156). Для дешифровки семантики изобразительных памятников древнего Берингоморья В.П. Алексеев, Д.А. Сергеев и Э.Е. Фрадкин использовали метод привлечения этнографического материала. Взаимное перевоплощение зверей: превращение зверя в человека и человека в зверя – зафиксировано ими во многих эскимосских легендах и сказках (Сергеев Д.А., 1970, с. 105–113). Таким образом, исследователи установили, что полиэikonические произведения сюжетны и их могли показывать, иллюстрируя тот или иной момент рассказа.

Такого же мнения в отношении полиэikonических изображений Дальневосточного региона придерживается и Д.Л. Бродянский. В них он видит персонажи берингийской мифологии. Согласно исследователю, «полиэikonические изображения в скульптуре и петроглифах – это своеобразные трансформеры – тексты, в работе с которыми строится билингва, где ключом к

прочтению могут стать записи мифов, этнографическое искусство, фольклор». Исследователь выделяет несколько источников мифов, связанных с взаимопревращениями различных персонажей. Основными ключами прочтения полиэikonических композиций служат сюжеты, зафиксированные в берингийской, эскимосской, нанайской, амурской мифологии: это изображения Хозяйки моря в сочетании с морскими животными, неоднократно повторяющаяся связка «волк-ворон», изображения полярных животных и птиц. Евразийские сюжеты представлены связкой олень-верх – кабан-низ, оленем-птицей, фигурками водоплавающих птиц. И, наконец, мощный пласт дальневосточной мифологии – корейской, китайской, японской связаны с изображением черепахи-женщины и Солнца – ее мужа (Бродянский Д.Л., 2006, с. 278–280).

Ю.Б. Сериков также полагает, что многоракурсные зооморфные изображения могли использоваться как иллюстрации к рассказу мифологического содержания, речитативу, пению и входили в число атрибутов шаманского культа, а отдельные персонажи, включенные в текст изображения, являлись своеобразными маркерами мира мифологического космоса (Сериков Ю.Б., 2000, с. 214–215).

В.Е. Ларичев, рассматривая данный художественный прием, отметил, что подобные композиции использовались в искусстве Двуречья при воплощении на печатях астрально-мифологических сцен. Они представляют идеи взаимодействия, борения и противопоставления мировых элементов, стихий или структур (Ларичев В.Е., 1987, с. 9, 58). По мнению В.Е. Ларичева (1978, с. 192), в основе полиэikonических зооморфных композиций лежат «космогонические идеи, связанные с представлениями верхнепалеолитического человека о природных стихиях, структурных частях мироздания в процессе возникновения Вселенной, как последствия невозможного в действительности соединения разнородных животных», таким образом являясь первыми протонаучными представлениями о мире, о его возникновении, развитии и гибели (Ларичев В.И., Аннинский Е.С., 2005, с. 51).

Таким образом, мы видим, что многоракурсные полиэikonические изображения в мобильном искусстве встречаются на всем Евразийском континенте на протяжении большого временного отрезка от палеолита до эпохи раннего железного века. Наибольшее их количество зафиксировано исследователями в мобильном искусстве Дальнего Востока, что позволяет сделать предположение о бытовании данного композиционного типа и на Северо-Американском континенте. Семантика полиэikonических изображений, по мнению большинства исследователей, тесным образом связана с предметом, содержащим подобные композиционные построения, что с большой степенью вероятности может свидетельствовать об обрядовых действиях, которые с данным предметом совершались. Не исключена возможность присутствия в ряде сюжетов визуальной проекции космогонических представлений древних людей.

О.С. Советова

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

МЕЛКАЯ ПЛАСТИКА И ПЕТРОГЛИФЫ ТАГАРСКОЙ ЭПОХИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Искусство скифской эпохи хорошо известно по великолепным образцам мелкой пластики и изображениям на предметах прикладного искусства, распространенных на обширной территории от Днестра на западе и до Тихого океана на востоке. Но оно имеет еще одну, пока недостаточно изученную категорию изобразительных источников – петроглифы. Богатейшую коллекцию изображений тагарской эпохи представляет наскальное

искусство Минусинского края, пережившее своеобразный расцвет в период с VII по III вв. до н.э. Из всего бесчисленного количества фигур людей и животных, оставленных древним населением края на скалах, погребальных камнях и других типах памятников, эти изображения выделяются особо. Узнаваемы они прежде всего по яркому, хорошо известному «скифо-сибирскому звериному стилю». Вместе с тем, их отличает не столь строгое следование канону, в некотором смысле им присуще большее творческое разнообразие, чем произведениям пластического искусства. Это находит объяснение прежде всего в том, что наскальные рисунки характеризует отсутствие объема, осязания, столь важных для прикладного искусства, поскольку наскальное искусство – это искусство плоскости. Здесь нет глубины, перспективы, присущих живописи, нет рамы, точных границ (за исключением небольших по размеру граней), что, безусловно, допускает не только искажение пропорций изображений, но и более свободное расположение фигур на «изобразительном поле». С другой стороны, известно, насколько разнообразны сюжеты прикладного искусства причерноморских скифов, саков, пазырыкцев и других народов, входящих в этот круг культур, чего нельзя сказать о прикладном искусстве тагарцев. И этот пробел «восполняют» петроглифы. Наскальные рисунки отличает особый репертуар, более разнообразный, нежели в пластике. Наряду с традиционными изображениями оленей, козлов, хищников, расцветают и другие образы, или не нашедшие широкого распространения в прикладном искусстве, или вовсе в нем не отраженные. Это прежде всего высокопородные *кони*, причем кони особенные, украшенные очевидно для ритуальных целей и других важных событий в жизни местного населения; это фантастические (синкретические) существа, разнообразные птицы и др. Если для пластики (особенно скифской, алтайской) характерно компактное соединение разных персонажей в одном предмете, то на скалах повествование может быть развернуто иначе: фигуры размещаются более свободно, их пропорции часто варьируют в зависимости, от замысла художника, размеров используемого поля и, возможно, эстетических представлений или способностей художника. Это же касается и количества персонажей, включаемых в сюжетные композиции, нередко достигающих нескольких десятков фигур (чего невозможно достичь в пластике). Но в то же время сами рисунки не были свободны от определенных условностей «жанра» и заложенного в них смысла. Чаще всего изображения выполнены по особым канонам, композиционно связаны друг с другом, для каждого из них отведено свое определенное место. Кроме этого, представляется, что в наскальных композициях нашло отражение определенной космологической модели, воплощенной в вертикальном и горизонтальном способе размещения фигур на плоскости (вертикальная и горизонтальная модели мира).

Еще одной важной особенностью петроглифов является неизвестный для пластики *образ человека*. В наскальных сценах разворачиваются батальные и ритуальные действия, охота и иного рода события, активным участником которых он является. И пеший, и всадник, и воин, и участник ритуалов, и нагой, и «одетый», в головном уборе и без него и т.д., он активный, разный, но узнаваемый «тагарский человечек». Причины отсутствия этого образа в пластике пока остается загадкой, но безусловно, что петроглифы и пластика, гармонично дополняя друг друга, объединены общим понятием «тагарское искусство», предоставляющее возможность судить не только об эстетических идеалах эпохи, но и о мировоззрении его создателей.

С.В. Сотникова

Тобольский педагогический институт, Тобольск, Россия

К ВОПРОСУ О ГРАВИРОВАННЫХ ГАЛЬКАХ ТОРГАЖАКА

Поселение Торгажак, расположенное на юге Минусинской котловины, было исследовано Д.Г. Савиновым, который относит материалы этого памятника к завершающему этапу карасукской культуры и датирует X–IX в. до н.э., рубежом карасукского и каменноложского этапов. На поселении Торгажак была открыта большая серия галек (более 220 экз.) с гравированными изображениями (Савинов Д.Г., 1996, с. 38, 46; 2003, с. 48–50).

По характеру нанесенных изображений Д.Г. Савинов (1996, с. 39–44) разделил гальки на два вида – антропоморфные и геометрические. В свою очередь, гальки с антропоморфными изображениями он делит на две группы – «одетые» и «запеленутые», а гальки с геометрическим рисунком – на пять групп.

Наибольший интерес исследователей вызвали гальки с антропоморфными изображениями. Было предложено несколько возможных интерпретаций. Д.Г. Савинов (2003, с. 65) в работах, посвященных антропоморфным изображениям на торгажакских гальках, отмечает, что «...изготовление и использование этих галек было связано с обрядами, обеспечивающими жизненный цикл женщин, благополучное рождение детей, сохранение “души” еще неродившегося (или умершего) ребенка». Он считает, что по своему функциональному назначению эти гальки сопоставимы с так называемыми онгонами, имевшими широкое распространение у народов Сибири. Среди сибирских онгонов ближе всего к торгажакским изделиям стоят нганасанские койка – материальные воплощения второстепенных духов–покровителей отдельного рода или семьи (Савинов Д.Г., 1995, с. 118; 2003, с. 65–66). Учитывая тот факт, что многие гальки были сломаны, затерты, использованы для нанесения новых изображений, исследователь полагает, что они не являлись объектами какого-то поклонения или долго хранимыми предметами культа. Эти изделия были связаны с исполнением каких-то сезонных обрядов, направленных на обеспечение плодородия, после чего они теряли свою «силу» (Савинов Д.Г., 2003, с. 64, 67–68).

С.Н. Леонтьев интерпретирует антропоморфный образ торгажакских гравировок как Богиню-мать. Он считает, что на них изображен «...главный женский персонаж пантеона карасукских племен». Исследователь полагает, что этот образ идентифицировался с землей, небесной влагой, растениями (в том числе – и мировым деревом) и одновременно выступал в мифологической модели в качестве доминанты, определяющей пространственную организацию вселенной (Леонтьев С.Н., 2001, с. 114–115). Д.А. Мачинский и К.В. Чугунов (1998, с. 183–188) также считают, что в основе изображений на торгажакских гальках лежит образ Великой богини-матери.

Таким образом, все исследователи сходятся во мнении, что гальки с антропоморфными изображениями представляют собой предметы культа и передают какой-то женский образ (прежде всего изображения первой группы). Однако они по-разному оценивают степень его значимости в жизни и ритуальной практике карасукского населения. Трактовка представленного на гальках женского образа как Богини-матери не вполне согласуется с недостаточно почтительным обращением с ними, на что уже обращалось внимание (Савинов Д.Г., 2003, с. 51).

Гальки первой группы имеют овально-подтреугольную форму с обращенной вверх вершиной. По характеру нанесенного изображения отчетливо выделяется лицевая и тыльная сторона. На лицевой стороне сверху находится изображение человеческого лица, в некоторых случаях показаны распущенные на две стороны волосы или округлая шапочка, заштрихованная косой сеткой. Ниже идет орнаментальное заполнение в виде «елочки» или геометричес-

ких фигур. Лицевая сторона узнаваема даже в том случае, если изображение лица отсутствует или передано крайне схематично. На тыльной стороне чаще всего представлена дугобразно изогнутая фигура, от которой вниз во внутреннюю сторону отходят многочисленные линии, иногда раздваивающиеся на концах или с ромбовидными окончаниями. В некоторых случаях линии имеются и с внешней стороны дуги. Трактовка данного изображения представляет определенную трудность, поэтому мнения исследователей имеют значительные расхождения. Д.Г. Савинов (1995, с. 116) считает, что это символический рисунок колыбели с вертикальной дужкой, к которой крепились подвески-обереги. В более поздней работе он высказывает еще одно предположение, что здесь представлены несохранившиеся детали женского костюма (Савинов Д.Г., 2003, с. 62). С.Н. Леонтьев (2001, с. 112) отмечает, что дугобразная фигура нередко опирается на горизонтальное основание и соответственно трактуется всю композицию как изображение небосвода и плоскости земли, нисходящие линии как изливающуюся на землю небесную влагу, линии с копьевидными окончаниями как молнии.

При сопоставлении изображений на лицевой и тыльной стороне галек обращает на себя внимание следующая особенность. Изображения на лицевой стороне отличаются более тщательной прорисовкой деталей, сложной композицией, они достаточно реалистично передают какой-то женский образ. Рисунок, представленный на тыльной стороне, сравнительно прост по композиции и больше напоминает знак, символ, чем реальное изображение. Для толкования смысла данного символа представляет интерес следующее наблюдение М.Ф. Косарева, который отмечает, что в древности изображать то, что не открыто взору живых считалось нежелательным, противоестественным. Так на шаманских бубнах изображался более или менее детально только видимый (Средний) мир. Нижний мир, поскольку он темен, или вообще не рисовали, или изображали лишь вход в него либо какой-нибудь символ. Например, у северных якутов и долган вход в Нижний мир рисовался в виде отверстия, проруби. На кетских шаманских бубнах изображался лишь вход в Нижний мир – в виде незамкнутой внизу окружности, ограничивающей земную сферу. У алтайцев символом Нижнего мира был рисунок ужа на внутренней стороне бубна (Косарев М.Ф., 1984, с. 200, 216–217; 1991, с. 173, 176). Опираясь на сибирские этнографические параллели, можно предположить, что на тыльной стороне торгожакских галек рисовался символ Нижнего мира или вход в него. В таком случае становится возможным наметить следующее противопоставление. Рисунок на тыльной стороне гальки тяготеет к отрицательному полюсу, тогда как на лицевой – к положительному. Другими словами здесь, вероятно, заданы какие-то важные оппозиции, связанные с понятиями «жизнь-смерть», «свет-тьма», «Верхний мир – Нижний мир» и т.п.

Вместе с тем, фигурка в целом передает какой-то единый образ. Таким амбивалентным образом в западносибирской традиции является образ Богини-матери, Матери-земли – Умай, Калтац, Анки-Пугос и т.д. (Сагалаев А.М., 1991; Балакин Ю.В., 1998, с. 208–220). Как отмечает Ю.В. Балакин (1998, с. 212), образ Матери-земли сосредоточил в себе представления о жизненной силе, о плодородии, но также о Нижнем мире, о смерти, о могильной яме.

Трактовка изображений на торгожакских гальках как образа Богини-матери не нова, и в этом случае вполне закономерен вопрос, почему многие гальки, передающие этот образ, сломаны, затерты, использованы для нанесения новых изображений. По-видимому, подобное обращение с ними, в первую очередь, было обусловлено той функцией, которая отводилась им в ритуале. Для определения функционального назначения галек достаточно значимыми представляются два обстоятельства. Во-первых, то, что изображения на лицевой и тыльной стороне фигурки противостоят по смыслу, во-вторых, что гальки имеют плоскую форму. С определенной долей вероятности можно предположить, что они использовались для гадания. Как отмечает О.М. Фрейденберг (1998, с. 138), «заставляя “говорить”... вещи, бросают (мечут) камни, деревяшки, кости...», которые могут обратиться жизнью (орел) или смертью (решка), лицом или изнанкой». В древности такое гадание представляло собой диалог с космическими силами или божес-

твом и поэтому было приурочено к наиболее важным праздникам и событиям (Фрейденберг О.М., 1936, с. 138). Вероятно, карасукское население в ходе ритуала, связанного с гаданием, обращалось прежде всего к женскому божеству (Матери-земле, Богине-матери). Божество, изображенное на гадальном камне, в прямом смысле слова давало им ответ на заданный вопрос.

По-видимому, гальки с антропоморфными изображениями второй группы имели то же назначение, но представляли другое значимое божество карасукского пантеона или являлись еще одной ипостасью женского божества. Гальки второй группы также имели овально-подтреугольную форму, но вершина треугольника была обращена вниз. На лицевой стороне находилось изображение человеческого лица и перекрещивающиеся орнаментированные полосы, на тыльной обычно проведена одна вертикальная линия, по обе стороны от которой располагалась косая штриховка, перекрещивающиеся линии и т.д. (см.: Савинов Д.Г., 1996, табл. XXVI). Некоторые гальки геометрическими рисунками (например, см.: Савинов Д.Г., 1996, табл. XXIX), могли быть символами каких-то космических сил или явлений и также использоваться при гадании. Выбор галек той или иной группы, видимо, был обусловлен конкретной ситуацией или приурочен к определенному празднику. Вместе с тем нельзя исключать и более сложной системы гадания, при которой подбрасывалось одновременно несколько галек разного вида.

Вероятно, «диалог с божеством» предполагал регулярное обновление предметов культа. Такое обновление включало не только изготовление новых галек, но и использование старых, на которых стиралось прежнее изображение и наносилось другое. Этим же целям могло служить и разбивание старых галек, причем некоторые обломки применялись повторно.

А.В. Табарев

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

КАМЕННЫЕ ФИГУРКИ РЫБ ПО МАТЕРИАЛАМ ФИНАЛЬНОПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ВЕРСИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ*

Каменные фигурки, выполненные в ретушной технике, известны по целому ряду археологических памятников Дальнего Востока России. Среди них выделяются группы антропоморфных, зооморфных и символических изображений, датировка которых укладывается в рамки финального палеолита – эпохи палеометалла. Особый интерес в этом ряду представляют изображения рыб и их возможная интерпретация.

В рамках проекта по изучению промысла лосося в архаических и традиционных культурах Северной Пасифики нами разрабатываются самые различные аспекты этого феномена, включая технологическую, социально-экономическую и ритуально-мифологическую составляющие (Гаврилова Е.А., Табарев А.В., 2004, 2006).

К числу наиболее эффектных артефактов этой группы относятся фигурки эпохи палеолита, найденные на памятниках устиновской культуры в бассейне р. Зеркальная (Приморье), осиповской культуры на Нижнем Амуре (Гончарка-1) и палеолитическом поселении Огоньки-V на Сахалине (рис. 1) (Василевский А.А., 2003; Гарковик А.В., 1981; Кононенко Н.А. и др., 2003; Крупяно А.А., Табарев А.В., 2004; Табарев А.В., 1996; Шевкомуд И.Я., 1996).

При определении места данных предметов в контексте культур следует учитывать несколько возможных направлений интерпретации – *технологическую, социально-экономическую и ритуальную*.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 06-01-00522а).

Технологически фигурки рыб представляют собой особое художественно-декоративное направление в обработке камня, которое мы в ряде публикаций предлагали именовать *палеоглиптикой* (Табарев А.В., 2001). При их изготовлении использовались физические и цветовые особенности сырья, соблюдался определенный канон изображения (профильно-плоскостная ориентация, характерные черты лососевых), выдерживались размерные пропорции (все фигурки небольшие, портативного характера), использовались определенные инструменты (ретушеры, отжимники).

Данные артефакты носят неутилитарный характер, их назначение не связано с использованием в качестве орудий. Они входят в круг изделий, являющихся предметами так называемой престижной экономики – одного из самых ранних механизмов социальной дифференциации в первобытном обществе. Факт их обнаружения в археологических контекстах свидетельствует о существовании специфических «престижных технологий» (Costin С.Л., 1991; Hayden В., 1998), экспонирования украшений и декоративных изделий членами коллектива, придания этим предметам особого социального и ритуального значения. Данные этнографического блока однозначно подтверждают, что наличие «престижных технологий» связано с обществами трансэгалитарного уровня, основанными на эксплуатации высокопродуктивных экологических ниш и эффективных технологиях (в нашем случае – с интенсивным лососевым рыболовством).

Ритуальное значение фигурок рыб связано со спецификой хозяйства, которое по археологическим данным в значительной степени было ориентировано на сезонный промысел лосося. Об этом свидетельствует и локализация стоянок в наиболее комфортных для рыболовства местах, и специфический каменный инвентарь (деревообрабатывающие инструменты для строительства запруд и ловушек, разделочные ножи и др.) (Табарев А.В., 2006). В рамках промыслового цикла особое значение имеют ритуалы, связанные с приходом лосося (например, в Северной Америке этот ритуал называется – First Salmon Ceremony), а также с праздником, знаменующим удачное завершение заготовочного сезона (благодарность духам моря и рек за обильный нерест) (Табарев А.В., 2000). Оба ритуала включают в себя праздник (Feast), во время которого имеют место обильные совместные пиршества, обмен подарками и (как очень важный элемент) экспонирование предметов «престижной экономики» – своеобразный смотр достижений технологий и демонстрация декоративных изделий. Именно в этом контексте и использовались, по нашему мнению, изображения лососей. Выполненные из «вечного» материала (камня или обсидиана) они могли символизировать веру и надежду древних рыболовов на стабильный (вечный) характер источника питания и духовный баланс (согласие) во взаимоотношениях с духами (хозяевами лососей).

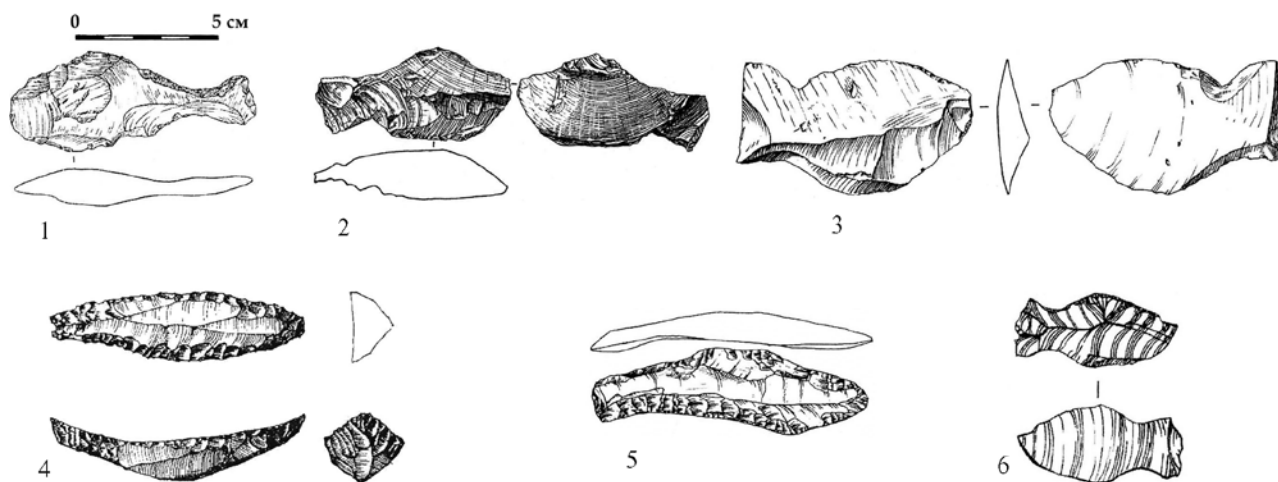

Рис. 1. Каменные фигурки рыб по памятникам Дальнего Востока России.
1 – Устиновка-III, 2–3 – Устиновка-I, 4 – Суворово-VI, 5 – Гончарка-I, 6 – Огоньки-V

С.С. Тихонов

Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН,
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия

КУЛЬТОВЫЕ БЛЯХИ И ВОИНСКИЕ ПОЯСА ИЗ СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ

В начале июля 1988 г. школьники д. Окунево Муромцевского района Омской области принесли в лагерь экспедиции, которой руководил В.И. Матющенко, прямоугольную бронзовую бляшку с закругленными углами. На ней были изображены медведи в жертвенной позе. Бляшка разделена на три вертикальные зоны. В центральной были изображения голов четырех медведей, расположенных одна над другой. В нижней части боковых зон бляшки располагались по одной голове животных. Композиционно построение было таково, что легко воспринималось как горизонтальное, так и вертикальное расположение голов. Лицевая сторона изделия была затерта, а с обратной имелись четыре петли для его крепления. Размеры бляшки 62x35 мм.

Ребята показали место, где нашли изделие, – в самой нижней точке мыса коренной террасы левого берега Тары, там, где мыс переходил в пойму. На песке у воды еще был виден отпечаток лицевой стороны бляшки. Оказалось, что в этом месте осыпался участок берега, подмытый рекой. На месте находки был заложен небольшой раскоп, в котором нашли бронзовую скобу, железные пластины, нож, ремennую пряжку, цепочки для подвешивания ножа и сосуд потчевашской культуры. Памятник получил название Окунево-Х.

Приехавший вскоре Владимир Иванович факт раскопок одобрил, а сам раскоп расширил, а затем копал памятник несколько лет. Основной комплекс поселения Окунево-Х относился к кротовской культуре, и ему (комплексу) было посвящено несколько статей В.И. Матющенко и его учеников.

В небольшой публикации средневековых материалов были указаны обстоятельства находки и дана интерпретация бляшки и сосуда с изображениями птиц (Тихонов С.С. 1995). В этой работе обратим внимание на связь бронзовой бляшки, предмета бесспорно имеющего отношение к культу медведя, и поясного набора (пряжка, звенья цепочки для подвешивания ножа).

В 1994 г. при раскопках могильника Алексеевка-I в урочище Темеряк (Муромцевский район Омской области) в могиле-2 кургана №19 было расчищено пять кучек жженных человеческих костей, сопровождавшихся инвентарем. Возле одного из сожжений найдена завернутая в бересту бронзовая фигурка всадника на рогатом коне или хвостатом лосе. Сохранилась плетеная веревочка, на которой носили это изделие, хранившееся в берестяном чехле. Рядом нашли остатки пояса (бронзовую щитковую пряжку с орнаментом, прямоугольные и подовальные пластины). Материалы опубликованы (Здор М.Ю., Татуров С.Ф., Тихомиров К.Н., 2000, рис. 46, с. 75; Татауров С.Ф., Тихонов С.С., Чудаков Д.В., рис. 5, с. 121). Бронзовое изображение всадника служит эмблемой семинара (с 2007 г. – симпозиума) «Интеграция археологических и этнографических исследований».

Но в данной работе не это самое важное, а то, что бронзовое изделия культового характера связано с поясом.

В 1998 г. Раскопки этого могильника были продолжены. В могиле-1 кургана №18 было расчищено погребение воина со следующим сопроводительным инвентарем: железный кельт, набор костяных стрел, бронзовая серьга, пряжка и бронзовые пластины пояса и бронзовая бляшка, располагавшаяся на пояснице.

Бляшка имела вид свернувшейся в полтора кольца змеи. Хорошо видны голова и рисунок на спине. В центре бляшки расположена личина с глазами и ртом.

Сама по себе бляшка весьма интересна, аналогии ей мне пока не известны. Исключение составляет похожее изделие, найденное где-то на Урале кем-то из кладоискателей (по другой терминологии – поисковиков, есть еще термин «черные археологи»). Обстоятельства находки не известны. Информация об изделии размещена на одном из специализированных сайтов в Internet. На могильнике же бляшка располагалась в районе пояса и была связана с поясным ремнем.

Итак, в двух местах в Муромцевском районе (на Таре и на Иртыше) были найдены три комплексы (два из них на Темеряке – закрытые), в которых бронзовое изделие культового характера (бляшка с медведями, изображения всадника и змеи) было связано с поясом. Нет смысла говорить еще раз о богатейшем пласте представлений, связанных с воинским поясом. Все предметы датируются достаточно узко – 2-й половиной VIII в.

Пока я не могу объяснить или предложить расшифровку символики сочетания пояса и бронзовых блях. Можно предполагать, что в указанное время существовала традиция (?) (или мода) ношения на украшенном пластинами поясе блях, относящихся к разным культурам.

Ю.С. Худяков

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

ИЗОБРАЖЕНИЯ ВОИНОВ НА ТОРЕВТИКЕ НОМАДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ*

В эпоху раннего средневековья кочевой мир степного пояса Евразии был впервые объединен усилиями древнетюркской правящей элиты в единую могущественную кочевую державу – Первый Тюркский каганат. Эти события способствовали росту престижа военной деятельности и укрепляли веру древних тюрков в покровительство верховного божества и свою непобедимость в войнах с многочисленными врагами. Расцвет военно-дружинных жизненных идеалов нашел свое адекватное воплощение и развитие в эпическом, изобразительном, монументальном и декоративно-прикладном искусстве номадов. Соответствующие им идейные и эстетические запросы могли быть воплощены, прежде всего, в образах героев-воинов. Родовая знать покоренных племен ориентировалась на престижные элементы военно-дружинной культуры древних тюрков, что способствовало их широкому распространению в степях Евразии. Важную роль в распространении предметного комплекса, в том числе престижных вещей

* Работа выполнена по программе Президиума РАН. «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям», проект №21.2.

древнетюркской культуры играли тесные торгово-экономические связи тюркской правящей элиты с согдийским населением, изделия которого были ориентированы на удовлетворение эстетических вкусов древнетюркской аристократии (Худяков Ю.С., 1998, с. 33).

Среди различных изображений древнетюркских воинов большой выразительностью отличаются портативные металлические литые фигурки всадников, служившие подвесными, или нашивными бляшками, которые относятся к числу предметов торевтики. По характеру и стилистическим особенностям изображений, набору реалий среди подобных бронзовых бляшек с изображением всадников, бытовавших в культурах средневековых кочевников евразийского пояса степей выделяется несколько групп, одна из которых относится ко времени Тюркских каганатов.

Среди бронзовых бляшек, передающих фигуры всадников, выделяется стилистическая группа, которая включает бляшки, изображающие легковооруженных всадников. Находки подобных бляшек происходят с поселения Дурены на р. Чикой в Забайкалье, из Южно-гобийского аймака Монголии, из культурных слоев согдийских городов Чач и Ходжент в Средней Азии, из Бирского могильника на Южном Урале, из Минусинской котловины (Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., 2002, с. 110–113; Буряков Ю.Ф., Филанович М.И., 1999, с. 86; Волков В.В., 1965, с. 286–288; Сунгатов Ф.А., Юсупов Р.М., 2006, с. 247; Худяков Ю.С., 1980, с. 144–146). Всадники изображены сидящими верхом на конях в профиль. Голова и корпус всадников развернута в пол-оборота или анфас. У них показаны головные уборы, или длинные распущенные волосы без какого-либо наголовья. Они одеты в длиннополые халаты с треугольными отворотами на груди и обуты в остроносые мягкие сапоги. На правом боку у воинов изображен, подвешенный к поясу колчан с длинным приемником. Лишь на чикойской бляшке изображен палаш с кольцевым навершием. На бляшках из Ходжента, Чача, Южной Гоби, Дурен и Бирского могильника за спиной у всадников показан изогнутый верхний конец налучья. Всадники сидят на длиннополых чепраках, спускающихся нижним краем до живота лошади, а на Бирской бляшке до уровня колен коня. Лошади показаны в профиль, идущими слева направо. У них выделена голова, шея, туловище, все четыре ноги и хвост. На большей части бляшек показана узда, начельный султан и подшейная кисть, поводья, нагрудный и подфейный ремни. У ходжентской бляшки нет поводьев и седельных ремней, на минусинской бляшке нет науза. При наличии сходных черт между бляшками данной группы имеются различия, на основании которых среди них можно выделить два типа.

К первому типу должны быть отнесены бляшки с изображением всадников, с оружием, едущих верхом на лошадях. К нему относится три бляшки из Дурен на р. Чикой, Чача и Ходжента. У всадников, воспроизведенных на бляшках данного типа, показаны черты лица, отвороты халата, обшлага на рукаве. На Чикойской находке выделена оторочка нижнего края подола халата и сапог с коротким голенищем. У всех трех находок из-за спины всадников выделяется верхний конец налучья с луком. У всадников из Чача и Ходжента с правого бока показаны колчаны, у Чикойского воина – палаш с кольцевым навершием. У всех трех фигур на голове лошади показан развевающийся по ветру пышный начельный султан, а под нижней челюстью подшейная кисть – науз. На лошадях, воспроизведенных на бляшках из Чача и Чикоя, выделена узда с поводьями, чепрак, нагрудный и подфейный ремни. На бляшке из Чача на нагрудном и подфейном ремнях подвешено по две кисти. Судя по степени детализации изображения, ходжентскую находку можно считать исходной заготовкой, а чачскую – полностью доработанной бляшкой. На чикойской находке, которая является репликой со среднеазиатских образцов согдийских ремесленных изделий внесены некоторые изменения, палаш вместо колчана, нет кистей на седельных ремнях, ноги лошади разъединены, длинный хвост развеивается по ветру.

К второму типу относятся бляшки с изображением всадников с оружием, едущие верхом на лошадях, ноги и хвост которых соединены сплошной горизонтальной линией. К

данному типу относятся четыре экземпляра находок: из Южной Гоби, из Бирского могильника и две бляшки из Минусинского музея. Всадники на южногобийской и бирской бляшках показаны с непокрытой головой и длинными, распущенными волосами. На южногобийской бляшке волосы всадника развеваются по ветру на уровне его плеч. У воина на бирской бляшке волосы спускаются до крупы лошади. У всадника на более крупной минусинской бляшке изображено вытянутое, европеоидное лицо, а на голове показана низкая, орнаментированная вертикальными черточками, шапочка, напоминающая тибетейку. У всадника с другой, меньшей по размерам, минусинской бляшки показана округлая голова и схематично нанесены черты лица. У бирского воина выделены узкие глаза, прямой нос, длинные усы и небольшой рот. Одежда и обувь всадников моделирована на более крупной минусинской и бирской бляшках. У минусинского всадника в головном уборе показаны отвороты халата, у бирского – обшлага рукавов и оторочка подола. У обоих всадников выделены остроносые сапоги с короткими голенищами. У трех всадников с правого бока показаны однотипные колчаны с расширяющимся книзу приемником, наклонно подвешенные к поясу. Воины держат ладонь правой руки на горловине колчана. У бирского всадника колчан не выделен, но какой-то похожий предмет, вероятно, был изображен в подобном положении, наклонно подвешенным к поясу, однако рука воина его касается. Но в этой части изображение реалий сохранилось не очень четко. У южногобийского и бирского всадников отчетливо изображены верхние концы луков в налучьях. У южногобийского воина налучье выступает из-за его локтя, у бирского – упирается в хвост лошади. Всадники сидят поверх чепраков. На южногобийской и крупной минусинской бляшках они показаны с оторочкой по краю. На бирской бляшке нижний край чепрака спускается ниже живота лошади. На головах у лошадей показаны начельные султаны. На южногобийской бляшке султан изображен развевающимся, подобно тому, как они показаны на бляшках первого типа. У трех других бляшек султаны изображены распущенными. На трех бляшках под нижней челюстью у лошадей показаны подшейные кисти. На южногобийской и бирской они крупные, свисающие вниз. На крупной минусинской бляшке кисть небольшая, прикреплена к подчелюстному ремню. На этой же бляшке хорошо выделена узда. На всех бляшках, кроме южногобийской имеются поводья. На груди и крупах лошадей показаны седельные ремни. Только на уменьшенной минусинской бляшке эти ремни украшены накладками. Наиболее детально проработанной является крупная минусинская бляшка, наиболее схематичной - уменьшенная бляшка из Минусинского музея. У всадников подчеркнута та же этнографически значимая черта, как длинные распущенные волосы. По этому признаку они очень схожи с бляшками первого типа. Наличие горизонтальной полосы, соединяющей ноги и хвост лошадей у бляшек второго типа является функционально обоснованным элементом, поскольку она должна препятствовать повреждению одежды тех, кто использовал такие бляшки в качестве украшения. На чачской бляшке одна из задних ног лошади обломана (Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., 2002, с. 110–113). Из всех, описанных выше находок, только одна была обнаружена в погребении подростка в Бирском могильнике. Бляшка находилась на плечевой кости погребенного. Могила датирована VIII в. н.э. (Сунгатов Ф.А., Юсупов Р.М., 2006, с. 247, 252). Бляшки из Чача и Ходжента были обнаружены в культурных слоях VII–VIII вв. на площади средневековых согдийских городов (Буряков Ю.Ф., Филанович М.И., 1999, с. 78–92). Хронология бытования подобных бляшек не выходит за пределы времени Тюркских каганатов. Эти бляшки относятся к древнетюркской культурной традиции. В свое время, Ю.А. Плотниковым на основании находки заготовки такой бляшки в Ходженте было высказано предположение о среднеазиатском происхождении этих предметов. В пользу этого предположения свидетельствуют, помимо ходжентской находки, близкие по манере изображения фигуры всадников на среднеазиатской чаше с хорезмийской надписью и схожие рисунки всадников на фресках Средней Азии, в частности, можно отметить рисунок всадника на фреске из Са-

марканда (Распопова В.И., Шишкина Г.В., 1999, с. 50–77). Среди рассмотренных бляшек к числу предметов согдийского ремесленного производства могут быть отнесены чачская и ходжентская, и вероятно, крупная минусинская бляшка. Более простые изделия этой группы можно считать изделиями древнетюркских мастеров. Распространение бронзовых бляшек с изображением всадников в период Тюркских каганатов можно считать одним из проявлений тюрко-согдийского культурного симбиоза.

О.П. Ченченкова

*Свердловский областной краеведческий музей, Екатеринбург,
Россия*

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ В ИСКУССТВЕ БОТАЙСКОЙ, ОКУНЕВСКОЙ И САМУСЬСКОЙ КУЛЬТУР

**(к вопросу о формировании нового мировоззрения у ранних скотоводов
лесостепной Евразии)**

Изобразительные памятники культур, перечисленных в названии статьи, изучены в разной степени. Наиболее полно опубликованы и разносторонне исследованы материалы окуневского искусства. Хорошо известны археологам художественные изделия из комплекса Самусь, новая информация о них своевременно вводится в научный оборот (Боброва А.И., 2000; По реке времени, 2004; Матюшенко В.И., Шерстобитова О.С., 2006). Не менее яркий феномен ботайского искусства (поселение Ботай, Северный Казахстан, рубеж IV–III тыс. до н.э.; Энеолит и бронзовый век..., 1985; Зайберт В.Ф., 1993), выделяющийся как по количеству, так и по выразительности изобразительных памятников, к сожалению, не нашел пока достойного отражения в литературе.

На сходство окуневского и самусьского искусства обращали внимание многие исследователи. Концептуальная основа окуневского искусства определена М.Л. Подольским. Ее суть состоит в возникновении мировоззренческой идеи о трехъярусном строении мира. Изобразительным эквивалентом таких представлений является трехчастная вертикальная композиция. В последующем это мировоззрение и изобразительная схема распространились на другие культуры скотоводов Евразии (Подольский М.Л., 1997).

Тысячелетием раньше чем в окуневских изображениях вертикальная композиция с выделением трех зон фиксируется в серии орнаментированных фаланг лошади с поселения Ботай. Данные изделия могут быть интерпретированы как антропоморфные изображения (Ченченкова О.П., 1995). Недавно опубликованная новая скульптурка из поселения Самусь-IV (По реке времени, 2004) имеет черты сходства с ботайскими орнаментированными фалангами и ботайской каменной антропоморфной фигуркой. Эта новая находка позволяет сопоставить памятники ботайского, самусьского и окуневского искусства.

Фигурка сидящего человека, обнаруженная на поселении Самусь-IV (раскопки Е.А. Васильева), хранится в музее г. Северска (Томская область). Она была найдена «...на краю поселения, где, по всей видимости, ее закопали в положении лицом вниз», и датируется XVII–XIII вв. до н.э. (По реке времени, 2004, с. 14, илл. 7). Изображение, выполненное из мягкого камня в технике резьбы и шлифовки, представляет сидящую антропоморфную фигуру: руки прижаты к туловищу; на груди, по бокам фигуры и на поясе выгравирован орнамент. На уровне коленей фигурка имеет скол (рис. 1). В опубликованном описании фигурки указано, что человек изображен стоящим на коленях, под коленями имеется отверстие для подвешивания. Отмечены также согбенная спина, отсутствие шеи («голова втянута в плечи») и твердый

выступающий подбородок. Авторы публикации считают, что фигурка, которую они назвали «молящий», альтернативна другим самусьским скульптурам (По реке времени, 2004).

Последнее замечание справедливо лишь отчасти, так как лицо «молящего» выполнено практически так же (скулы и нос плоские, глаза и губы переданы прямыми горизонтальными штрихами) как и на сапозковидном терочнике с антропоморфным изображением – случайной находке из поселка Дзержинский под Томском. Тот же тип лица (и способ его изображения) наблюдается на двух жезлах – случайных находках из Семипалатинской области (Ченченкова О.П., 2004, с. 178, 202, 204).

«Молящий» имеет и другие аналогии, среди которых можно выделить несколько групп. Одна из них – скульптуры сидящего человека. Наиболее близкой можно считать фигурку из поселения Ботай (Северный Казахстан, раскопки 1986 г., жилище 62; Зайберт В.Ф., 1999, с. 178, 179): человек изображен сидящим на коленях, руки сложены над поясом, верхняя часть скульптуры (голова, плечи) утрачена (рис. 2). Высота ботайской скульптурки 3,3 см (размер самусьской фигурки, судя по тому, что она могла быть подвеской, вероятно, также небольшой).

Существует около десятка других скульптур сидящего человека, сходных с самусьской и ботайской фигурками, а также наскальные изображения персонажей в той же позе (Подольский М.Л., 1997, с. 188). Это свидетельствует о широком распространении и семантической важности данной иконографической схемы. И хотя в большинстве случаев человек передан сидящим не на коленях, а с коленями, поднятыми вверх, устойчивость таких деталей как втянутая в плечи голова, горбатая спина и выступающий подбородок, дает основание включить самусьскую фигурку в общую серию изображений сидящего антропоморфного существа.

Исследователи окуневской культуры полагают, что таким образом изображался Трибог, хтоническое существо или возникший повозки (Леонтьев Н.В., 1997, с. 235, 233, 234; Савинов Д.Г., 1997, с. 210). Иконографически близкие североказахстанские скульптуры включают как минимум три пары противоположных значений: мужчина и женщина; зародыш и мертвец; существо, солярное и рождающее. Последняя антитеза направлена на разделение верхнего и нижнего миров, что перекликается с мировоззренческими представлениями «окуневцев». Это подтверждает идею М.Л. Подольского (1997, с. 175, 199) об эпохальном характере данной пространственной модели. Столь же общеизвестным у ранних скотоводов, вероятно, был и персонаж, которого было принято изображать в сидячей позе. Иконографическая и стилевая вариативность изображений этого существа (в том числе изображения «на корточках» и «на коленях»), при общем следовании иконографической схеме и повторяемости значимых деталей (горб, борода), может объясняться локальными различиями разных культур.

Гравировка на верхней части туловища скульптуры «молящего» позволяет выстроить еще один круг аналогов. Среди ботайских материалов существуют антропоморфные утюжок (Зайберт В.Ф., 1993, с. 78–79) и серия фаланг лошади (Зайберт В.Ф., 1993, с. 84–86, 132, 222; Ченченкова О.П., 1995), орнаментированных аналогичным образом (рис. 3). Фланги сопоставимы с самусьской скульптурой и по другим признакам. Три из них, найденные вне жилищ, имеют следы искусственного повреждения, что отчасти перекликается с условиями находки самусьской фигурки. Подобная ботайским фаланга из могильника Змеевка на Северном Алтае служила центральной подвеской ожерелья (Членова Н.Л., 1976, с. 76–77).

Орнаментированные фаланги, в свою очередь, имеют аналогии среди антропоморфных изображений с V-образным орнаментом на груди, которые были широко распространены от эпохи бронзы до средних веков в лесостепной и лесной полосе Евразии. При всем разнообразии стилей, материалов, культур эти изделия объединяет сходство идеи: фигурки с V-образным орнаментом принято интерпретировать как женские изображения (Савинов Д.Г. 2000, 2003).

На фотографии, приведенной в публикации, «молящий» вызывает ассоциации с энеолитическими женскими статуэтками из Средней Азии и Триполья (Энеолит СССР, 1982, с. 47, табл. XVI.-43; XXII.- 18; табл. LVI.- 11). Из близкого Триполью поселения Вулканшеты происходит фигурка сидящего мужчины (Энеолит СССР, 1982, с. 254, рис. 19.-7), что возвращает нас к уже намеченному кругу идей и персонажей. В сложении самусьской культуры участвовал южный компонент, поэтому и присутствие иконографии среднеазиатской скульптуры было бы объяснимо. Но более определенно об этом можно будет судить после публикации подробного изображения самусьской находки.

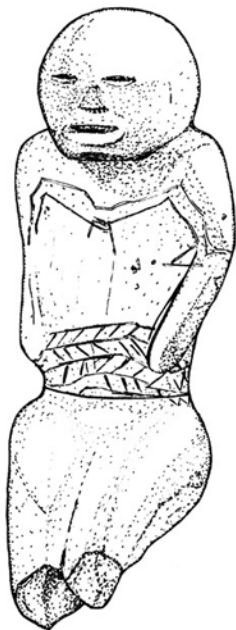

Рис. 1. Фигурка сидящего человека, обнаруженная на поселении Самусь-IV (раскопки Е.А. Васильева)

Интересно, что погребения в позе «стоя на коленях» распространены в ямной и майкопской культурах (Богданов С.В., 2004, с. 12, 92, 151–154). Существуют данные о ямной миграции на восток (Семенов В.А., 2002, с. 114). Все это может быть учтено при анализе источников самусьского искусства.

Таким образом, скульптура «молящего» из поселения Самусь-IV с одной стороны связана с женским (более древним, возможно южным) персонажем, на которого указывает V-образный орнамент; с другой стороны сопоставима с изображениями мужского (и андрогинного) существа, отражающего новую мировоззренческую концепцию, возникающую в лесостепи в эпоху энеолита и ранней бронзы. Скульптурка «молящего» находит аналогии среди окуневских и ботайских изображений, а также многочисленных случайных находок в лесостепной полосе. Это свидетельствует о распространении сходных мировоззренческих представлений на всем пространстве, освоенном ранними скотоводами. Эти представления включают, в частности, понятие о трехчастной вертикальной пространственной структуре, а также об антропоморфном (часто андрогинном) персонаже, который изображается сидящим. При этом окуневские, ботайские и самусьские материалы являются наиболее ранними свидетельствами появления таких представлений.

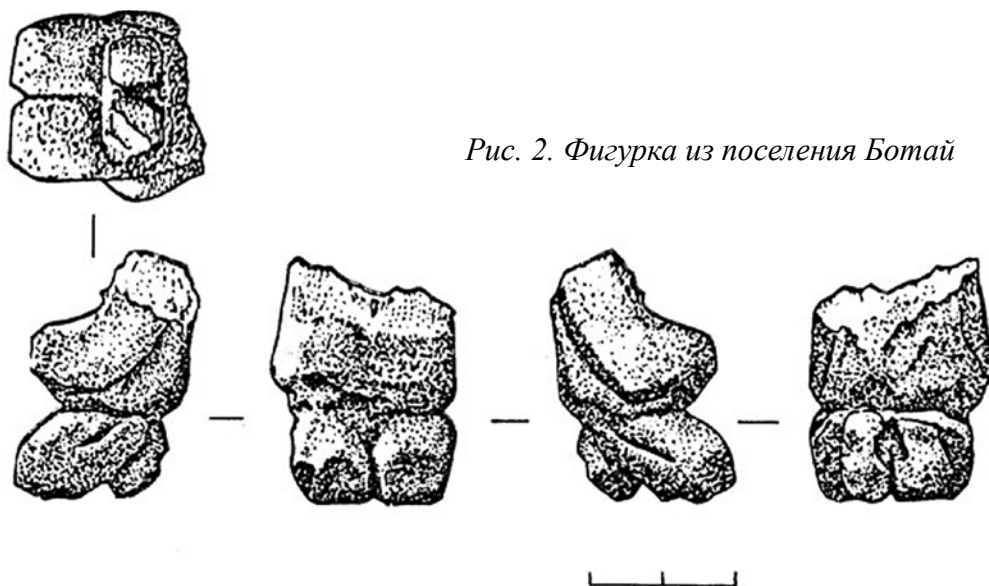

Рис. 2. Фигурка из поселения Ботай

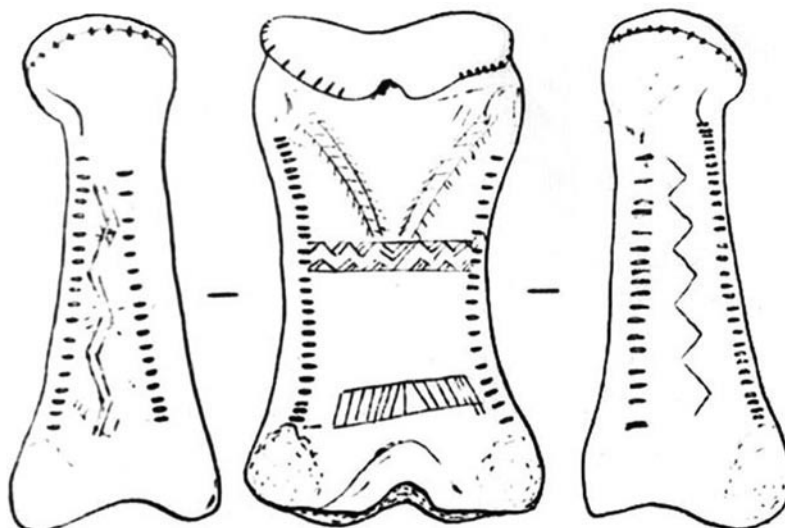

Рис. 3. Орнаментированная фаланга лошади с поселения Ботай

А.А. Чижевский

Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан, Казань, Россия

ПРЕДМЕТНЫЙ РЕПЕРТУАР АНАНЬИНСКИХ (ПОСТМАКЛАШЕЕВСКИХ) СТЕЛ

Рассматриваемые в данной статье каменные изваяния традиционно именуются ананьинскими стелами и связываются с ананьинской культурой Волго-Камья. Однако, работы исследователей конца XX в. выявили необходимость выделения в пределах данного региона четырех археологических культур (акозинской, ананьинской культуры шнуровой керамики, ананьинской культуры гребенчато-шнуровой керамики и постмаклашеевской), объединенных в рамках ананьинской культурно-исторической области (АКИО) (Кузьминых С.В., 1983, с. 6–8; Марков В.Н., 1994, с. 48–88; Чижевский А.А., 2002, с. 5–25). Территориально каменные изваяния концентрируются в низовьях Камы и прилегающих участках Волги, в границах распространения постмаклашеевской культуры (Чижевский А.А., 2005, рис. 1). Керамика последней имеет совсем немного шнуровых отпечатков и орнаментирована в основном ямками по горловине. Таким образом, каменные изваяния Волго-Камья правильнее называть постмаклашеевскими стелами. Морфологически ананьинские (постмаклашеевские) стелы подразделяются на два типа: 1 - стелы новомордовского типа (рис. 1.-1, 3–8) крупных размеров (78–256 см) с полукруглым завершением верхней части; 2 – стелы ильичевского типа (рис. 1.-2) небольших размеров (39–80 см) с подпрямоугольным завершением верхней части и клиновидным основанием (Чижевский А.А., Марков В.Н., 1999, с. 15–16).

Все известные к настоящему времени изображения зафиксированы на стелах первого типа. Рисунки на изваяниях выполнялись в технике рельефа, койланогрифа (контррельефа) и графито. Идентификация значительной части предметов на уровне категории вещи трудностей не вызывает, хотя здесь присутствуют определенные трудности, связанные с некоторым огрублением формы вещи во время изображения на пористом известняке.

На ананьинских (постмаклашеевских) стелах представлено восемь категорий изображений предметов. Строго говоря, арковидный бордюр (рис. 1.-1, 2, 6, 7) не относится к изображениям предметов, он оконтуривает камень по краю в виде полуовала и является границей

зоны изображений. Некоторые исследователи видят в нем изображения небесного свода, другие – голову человека (Халиков А.Х., 1963, с. 188; Членова Н.Л., 1988, с. 5; Чижевский А.А., 2005, с. 273). Данная категория встречается на всех хорошо сохранившихся поверхностях ананьинских (постмаклашеевских) стел (14 случаев) и может атрибутироваться как обязательный элемент оформления стел с изображениями. В 13 случаях его выполняли рельефом, в одном (Пустоморквашинский м-к стела №1) – гравировкой.

Кинжалы изображены на 12 стелах: Новомордовский I могильник (Н. I м-к) стелы №1–4, 6; Мурзихинский I могильник (М. I м-к) стела 1; Мурзихинский II могильник (М. II м-к) стелы №20, 22, 23, 30, 32; Тетюшский могильник (Т. м-к) стела №1 1980 г. (рис. 1.-1, 3, 4, 6–8). Все они располагались на лицевой стороне в середине или в левой половине наземной части стелы. Кинжалы выполнены наклонно, как бы заткнутыми за пояс (Членова Н.Л., 1988, с. 5), или подвешенными к нему, рукоятью они направлены вправо.

В пяти случаях кинжалы изображены в ножнах, индикатором последних служат закругленные окончания (рис. 1.-4, 8), иногда с дополнительными прочерченными или рельефными элементами. Подобные металлические окончания ножен известны в материалах позднего этапа черноморской культуры (Тереножкин А.И., 1976, рис. 49.-2; 50.-3, 4; Членова Н.Л., 1984, рис. 9.-1–3); известны подобные изображения и на стелах Северного Кавказа (Ольховский В.С., 2005, ил. 18.-1; 19.-1, 2). В двух случаях ножны показаны с приостренными окончаниями, об этом свидетельствуют дополнительные элементы, передающие рельеф металлических деталей наконечников ножен (рис. 1.-1, 2). По всей вероятности, и на остальных пяти стелах, содержащих изображения кинжалов, они изображены в ножнах с приостренными окончаниями, однако детали наконечников ножен в этих случаях не сохранились. Выявленные на стелах изображения кинжалов довольно хорошо атрибутируются, они относятся к двум типам ананьинских кинжалов (по А.Х. Халикову). К первому типу кинжалов (рис. 1.-1) с грибовидным навершием и прямым перекрестием, относятся два рисунка (стела №1 Н. I м-ка; стела №1 1980 г. Т. м-ка). Данные изображения наиболее близки к биметаллическим кинжалам кабардино-пятигорского типа, известного по многочисленным находкам на Северном Кавказе, в Поднепровье и Венгрии (Чижевский А.А., 2005, с. 268–300). Подобный меч изображен на «оленном» камне из Большого Гумаровского кургана (Членова Н.Л., 1988, рис. 2; Ковалев А.А., 2000, с. 162). Ко второму типу (рис. 1.-3, 4, 7, 8) принадлежат кинжалы с грибовидным навершием и изогнутым «луновидным» перекрестием (стелы №2, 3, 4, 6 Н. I м-ка; стела №1 М. I м-ка; стелы №20, 22, 23 М. II м-ка), они также относятся к кабардино-пятигорским (Чижевский, 2005, с. 268–300) и известны на могильниках АКЮ (Халиков А.Х., 1977, с. 165–166; Кузьминых С.В., 1983, с. 127–128).

Топоры изображены на пяти стелах: Н. I м-к стела №1–3; М. II м-к стела №12, 18 (рис. 1.-1, 6). Все они выполнены на лицевой поверхности. На четырех стелах топоры располагались в вертикальном положении рукоятью вниз, в одном топор изображен на правой половине наклонно рукоятью вниз. По большей части (три случая) топоры изображались вместе с кинжалами, они помещались ниже кинжала, либо выше него, может быть, зажатые в правой руке (Членова Н.Л., 1988, с. 5). На новомордовских стелах отмечены изображения топоров с новочеркасской розеткой (рис. 1.-1), с длинным, слегка опущенным лезвием и прямым или немного опущенным бойком. На рисунке со стелы №2 отмечена также переданная граффито оскаленная пасть животного. Подобный бронзовый топор выявлен в окрестностях с. Билярск Республики Татарстан (Халиков А.Х., 1977, с. 179), известны такие изделия и на Северном Кавказе (Тереножкин А.И., 1976, с. 174, рис. 92.-9). Явно металлическими являются и топоры со стел М. II м-ка. Топор со стелы №18 (рис. 1.-6) имеет вытянутые очертания, выпуклую спинку и ударный чекан с округлой площадкой в обуховой части. Он близок к железным топорам-чеканам АКЮ с выпуклой спинкой типа IA

(по А.Х. Халикову (1977, с. 177)). Топор со стелы №12 имеет два лезвия и достаточно отчетливо соотносится с двулезвийными топорами-секирами III типа АКЮ (по А.Х. Халикову (1977, с. 179)).

Боевые молоты (рис. 1.-3, 6) представлены на трех стелах: Н. I м-к стела №4, М. II м-к стелы №22, 32. Изображение на стеле №32, ранее отнесенное к кельтам (Чижевский А.А., 2005, табл. 1), сейчас я более склонен соотнести с каменным молотом. Во всех случаях изображения молота на стеле сочеталось с изображением кинжала. На стелах присутствуют изображения молотов двух типов: 1 – равноплечные молоты (Н. I м-к, стела №4; М. II м-к стела №22) (рис. 1.-3) и 2 – топор-молот с коническим обухом (рис. 1.-6). Равноплечные боевые молоты предскифского периода известны на памятниках эпохи раннего железа Причерноморья и Северного Кавказа (Тереножкин А.И., 1976, с. 41, рис. 14.-4, 5; с. 50, рис. 20.-9; с. 54, рис. 24.-15; Дударев С.Л., 1999, с. 258, 259, рис. 31, 32), один экземпляр происходит из М. II м-ка (Беговатов Е.А., Марков В.Н., 1992, с. 61, рис. 6.-11), известно подобное изображение и на киммерийской стеле из с. Целинного (Ольховский В.С., 2005, с. 61, ил. 27.-1). Каменные топоры-молоты с коническим обухом выявлены и в материалах погребений М. II м-ка и некрополях Северного Причерноморья (Тереножкин А.И., 1976, рис. 44.-2, рис. 84.-13). На одной стеле молот изображен на правой половине лицевой части (рис. 1.-3), в двух других – на боковой поверхности с правой стороны (рис. 1.-6). Все молоты представлены в вертикальном положении рукоятью вниз, вероятно, заткнутыми за пояс.

Пояс выявлен на одной стеле Н. I м-ка (стела №5). Он представляет собой выполненную в технике граффито полосу горизонтального зигзага, обрамленную двумя параллельными линиями (рис. 1.-5). Линии разнесены между собой, что свидетельствует, вероятно, о стремлении показать ширину пояса. Исследователи «оленных» камней доказали, что дополнительные рисунки на широких поясах являются отражением орнамента реальных боевых поясов, причем на азиатских изваяниях присутствует такой мотив, как горизонтальный зигзаг (Кубарев В.Д., 1979, с. 55–56; Новгородова Э.А., 1989, с. 190, 200; Ольховский В.С., 2005, с. 65–67).

Тамгообразные знаки отражают рисунки, не связанные с иконографией основного образа, и изображены на боковой поверхности. Это крест (стела №1 Н. I м-ка) и незаконченная восьмерка (стела №4 Н. I м-ка) (рис. 1.-3). Рисунки в виде креста выявлены на «оленных камнях» Восточного Алтая и отражают, по мнению В.Д. Кубарева (1979, с. 45, табл. IV.-4; XIII.-2), солярную символику. Аналогов рисунку в виде незаконченной восьмерки нет, но, вероятно, он сближается с алтайскими тамгообразными рисунками в виде неправильных восьмерок (Кубарев В.Д., 1979, табл. XIII.-1, 3).

Каплевидные (треугольные) фигуры (рис. 1.-1, 6, 7) представлены на пяти изваяниях: Н. I м-к стелы №1, 2; М. II м-к стелы №20, 22, 30; Т. м-к стела №1, 1980 г. Все они размещались вертикально в количестве от одного до трех экземпляров на стелах с изображениями кинжалов, под клинком. Несколько ранее я высказал предположение, что эти вдавления символизируют собой капающую с кинжалов кровь (Чижевский А.А., 2005, с. 281).

Итак, представленный на ананьинских (постмаклашеевских) стелах предметный репертуар достаточно разнообразен и может привлекаться для датирования изваяний. В то же время он позволяет говорить о некоторых этнографических особенностях АКЮ. Так, кинжалы носили, вероятно, на поясе в районе живота, рукоятью вправо, для удобства извлечения, топоры и молоты размещали подвешенными с правой стороны, что препятствовало быстрому извлечению данного оружия из-за пояса. Все предметы вооружения, отмеченные на стелах, имеют аналогии на «оленных» камнях, что свидетельствует, вероятно, о едином импульсе в формировании традиции изготовления ананьинских стел и «оленных» камней Евразии.

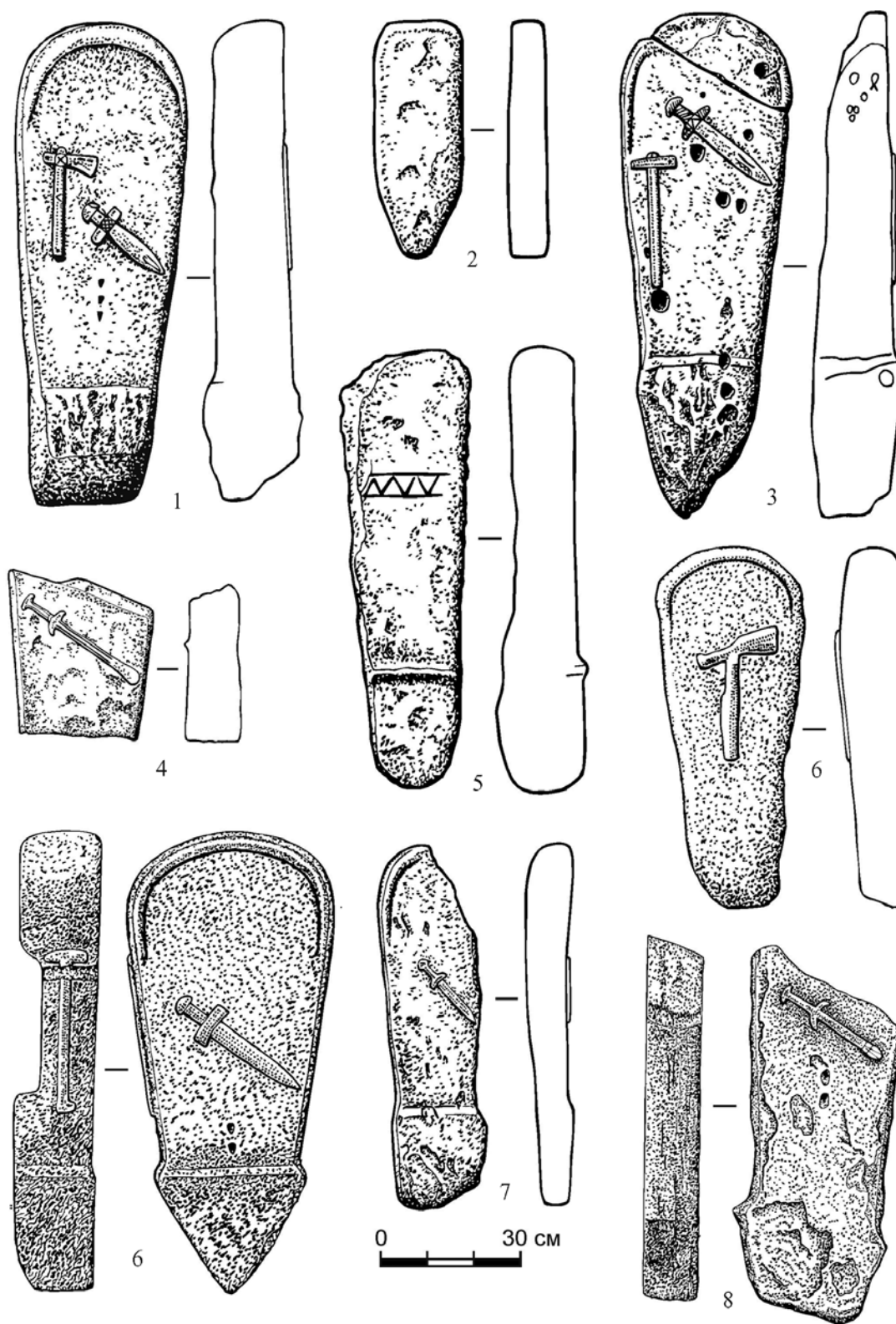

Рис. 1. 1 – Новомордовский I могильник, стела №1; 2 – Мурзихинский II могильник, стела №16; 3 – Новомордовский I могильник, стела №4; 4 – Мурзихинский I могильник, стела №1; 5 – Новомордовский I могильник, стела №5; 6 – Мурзихинский II могильник, стела №18; 7 – Новомордовский I могильник, стела №6; 8 – Мурзихинский II могильник, стела №20

«ОЛЕННЫЕ» КАМНИ

А.В. Варенов

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

О НЕОЛИТИЧЕСКИХ КОРНЯХ ОЛЕННЫХ КАМНЕЙ МОНГОЛО-ЗАБАЙКАЛЬСКОГО СТИЛЯ*

Вопрос о прототипах оленных камней с изображениями оленей монголо-забайкальского стиля является очень сложным. Непосредственных предшественников подобных изображений в предметных сериях, происходящих с территории Центральной Азии и Южной Сибири, известно не было. В этой ситуации Д.Г. Савинов (1994, с. 123) считает целесообразным «...расширить круг возможных параллелей стилизованным изображениям оленей на оленных камнях I типа – более далеких и опосредованных, выходящих за пределы их распространения». Подобные параллели исследователь усматривал «...преимущественно в круге западных культур» (Савинов Д.Г., 1994, с. 123). Действительно, на современной территории Китая оленных камней нет, за исключением крайнего северо-запада страны – Синьцзян-Уйгурского автономного района (Варенов А.В., 1998, с. 66–68).

Мы предположили, что изделия, способные быть потенциальными предшественниками оленных камней монголо-забайкальского стиля, должны обладать рядом следующих признаков: 1) иметь круглую поверхность; 2) хорошо сохраняться в условиях археологизации, иначе мы их просто не найдем; 3) обладать определенным антропоморфизмом, что впоследствии облегчит и хорошо объяснит переход к настоящим оленным камням. Желательно, чтобы в археологической культуре, где потенциальные предшественники оленных камней будут встречены, существовала и традиция резьбы по камню. В ходе поисков существенное внимание уделялось керамике, так как стенки керамического сосуда, как правило, представляют собой тот или иной вариант цилиндрической (конической) поверхности, способы декоративного оформления которой могли быть перенесены на оленные камни. Вдобавок, имплицитный антропоморфизм некоторых категорий керамических сосудов, свойственный и оленным камням, широко известен и может быть доказан для конкретных культур на археологическом материале.

Осенью 1985 г. в Китае при раскопках стоянки Сяошань в аймаке Аохань автономного района Внутренняя Монголия в заполнении жилища №2 был найден сосуд с изображениями в зверином стиле (рис. 1.-2) (Ян Ху, Чжу Яньпин, 1987, с. 491, 493, 495–496). На огибающем горшок *цзунь* орнаментальном поясе представлены три существа: крылатый олень с раскидистыми рогами и вынесенной в беге вперед ногой с копытцем; крупная хищная птица со слегка раскрытым изогнутым клювом, большим круглым глазом и гребнем на голове; фантастическое создание с кабаньей головой с вздернутым носом, торчащими клыками и хохолком на макушке (?), изогнутым S-видным змеиным телом и, возможно, крыльями, т.е. дракон (рис. 1.-1). Мы сопоставили образы животных на сосуде из Сяошань с изображениями хищных птиц, оленей и кабанов в скифо-сибирском зверином стиле, особенно в алтайском его варианте (Варенов А.В., 1989, с. 116). Чрезвычайно велико оказалось сходство сяошаньского «свинодракона» с изображением кабана-змея на изданном позже Кош-Пейском оленном камне из Тувы (Килуновская М.Е., Семенов В.А., 1993, с. 92, 95, 97–99).

Авторы раскопок в Сяошань выделили подобные памятники в новую археологическую культуру, названную по расположенной чуть западнее более крупной стоянке того же типа Чжаобаогу, и отнесли ее к неолиту (Ян Ху, Чжу Яньпин, 1987, с. 501). На основе типологии

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Рособразования (проект РНП 2.2.1.1.2183).

керамики Чжу Яньпин синхронизировал культуру Чжаобаогуо с поздним периодом культуры Хоуган, соответствующим позднему периоду варианта Баньпо культуры Яншао (рубеж V–IV тыс. до н.э.) (Чжу Яньпин, 1990). По данным отечественных исследований, культура Чжаобаогуо датируется рубежом VI–V – серединой V тыс. до н.э. (Алкин С.В., 2002, с. 10–11).

На другой стоянке культуры Чжаобаогуо – Наньтайди, что в аймаке Аохань автономного района Внутренняя Монголия, в жилище 3546F1 было обнаружено четыре сосуда *цзунь* с зооморфными изображениями (рис. 1.-2–5) (Шао Готянь, 1991, с. 2–10). На каждом из четырех сосудов Наньтайди резьбой нанесено по два существа с оленьей головой, извивающимся змееподобным туловищем, заканчивающимся рыбьим хвостом, и с крыльями. Расположенное почти на вершине холма, и потому развешенное ветром до уровня пола, жилище 3546F1 из Наньтайди с орнаментированными сосудами должно было принадлежать вождю родов данной общины, или являться местом, используемым всем коллективом для религиозных церемоний, т.е. храмом (Шао Готянь, 1991, с. 10).

Сходную с Наньтайди планиграфию имела и эпонимная для культуры Чжаобаогуо стоянка, расположенная тоже в аймаке Аохань автономного района Внутренняя Монголия (рис. 2.-1) (Аохань Чжаобаогуо, 1997). На поверхности стоянки Чжаобаогуо прослежено не менее 89 зольных пятен (т.е. остатков жилищ), расположенных в девять рядов по склону холма. И лишь в одном из жилищ, F6 (рис. 2.-2) был обнаружен один-единственный сосуд *цзунь* с зооморфным орнаментом. На сосуде из жилища F6 представлено драконоподобное существо с вполне змеиной головой, но при этом снабженной остроконечным «оленьим» ухом и неким рудиментом ветвистых рогов на макушке (рис. 1.-6, 7).

Итак, культура Чжаобаогуо дала целую серию сосудов с орнаментальными фризами, составленными из оленеподобных существ-драконов. Не их ли длинные гибкие туловища, обвивающие горшки *цзунь*, породили впоследствии невероятно вытянутые фигуры оленей монголо-забайкальского стиля? Что касается художественной резьбы по камню, то она широко представлена в сменившей Чжаобаогуо (а отчасти и синхронной ей) культуре Хуншань. Есть в Чжаобаогуо и настоящая антропоморфная скульптура, исполненная как в глине, так и в камне. Впрочем, небольшие каменные статуи, кажется, появляются еще в предшествующей Чжаобаогуо культуре Синлунва.

Что касается вопросов семантики, то, на наш взгляд, три существа на сосуде из Сяошань можно соотнести с небесным, земным и водно-подземным мирами, т.е. с тремя основными ярусами мироздания. Тогда сам сосуд *цзунь* будет олицетворять вселенную-макрокосм. Сосуды с изображениями двух оленей должны символизировать дуально-родовую организацию общества, которая выражена и в планиграфии эпонимного поселения культуры Чжаобаогуо. Там жилище F6, содержащее сосуд с зооморфным орнаментом, занимает центральное место в ряду из семи (или девяти) жилищ (рис. 2.-1).

Находка четырех сосудов с изображениями разных по облику оленей-драконов, по два фантастических существа на каждом сосуде, в жилище 3546F1 стоянки Наньтайди, видимо, отражает более сложную социальную структуру, с делением проживавшего на данном поселении древнего коллектива на четыре части (фратрии), каждая из которых строилась по принципу дуально-родовой организации. Аналогичные результаты были получены В.В. Евсюковым (1988, с. 70–72) на материалах расписной керамики синхронного культуре Чжаобаогуо варианта Баньпо культуры Яншао.

По данным В.В. Евсюкова (1988, с. 59–61), горизонтальное членение пространства на две (четыре) части в древних культурах генетически предшествовало его вертикальному членению на три части. Последнее изначально представляло собой вертикальную проекцию двух- или четырехчастного горизонтального членения пространства. В древних культурах с этим космологическим нововведением связан миф об отделении неба от земли. В роли разделителя космического масштаба нередко выступает первопредок, превращающийся при

этом в *axis mundi* и олицетворяющий собой (а зачастую и творящий из себя) всю Вселенную – макрокосм (Евсюков В.В., 1988, с. 37–43).

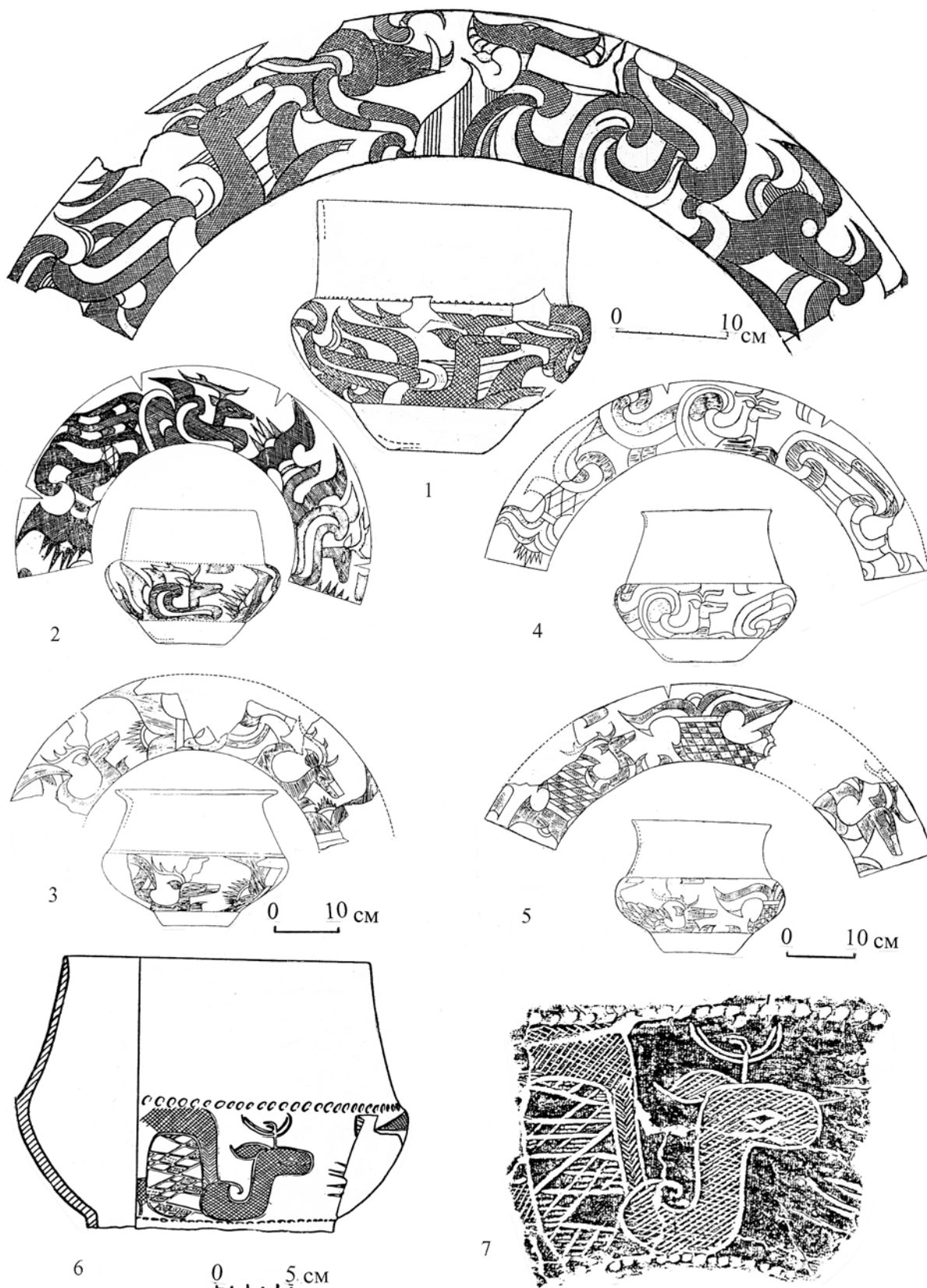

Рис. 1. Керамика культуры Чжаобаогуо с зооморфным орнаментом. 1 – со стоянки Сяошань, жилище №2. 2–5 – со стоянки Наньтайди, жилище 3546F1. 6, 7 – со стоянки Чжаобаогуо, жилище F6 (одно и то же изделие)

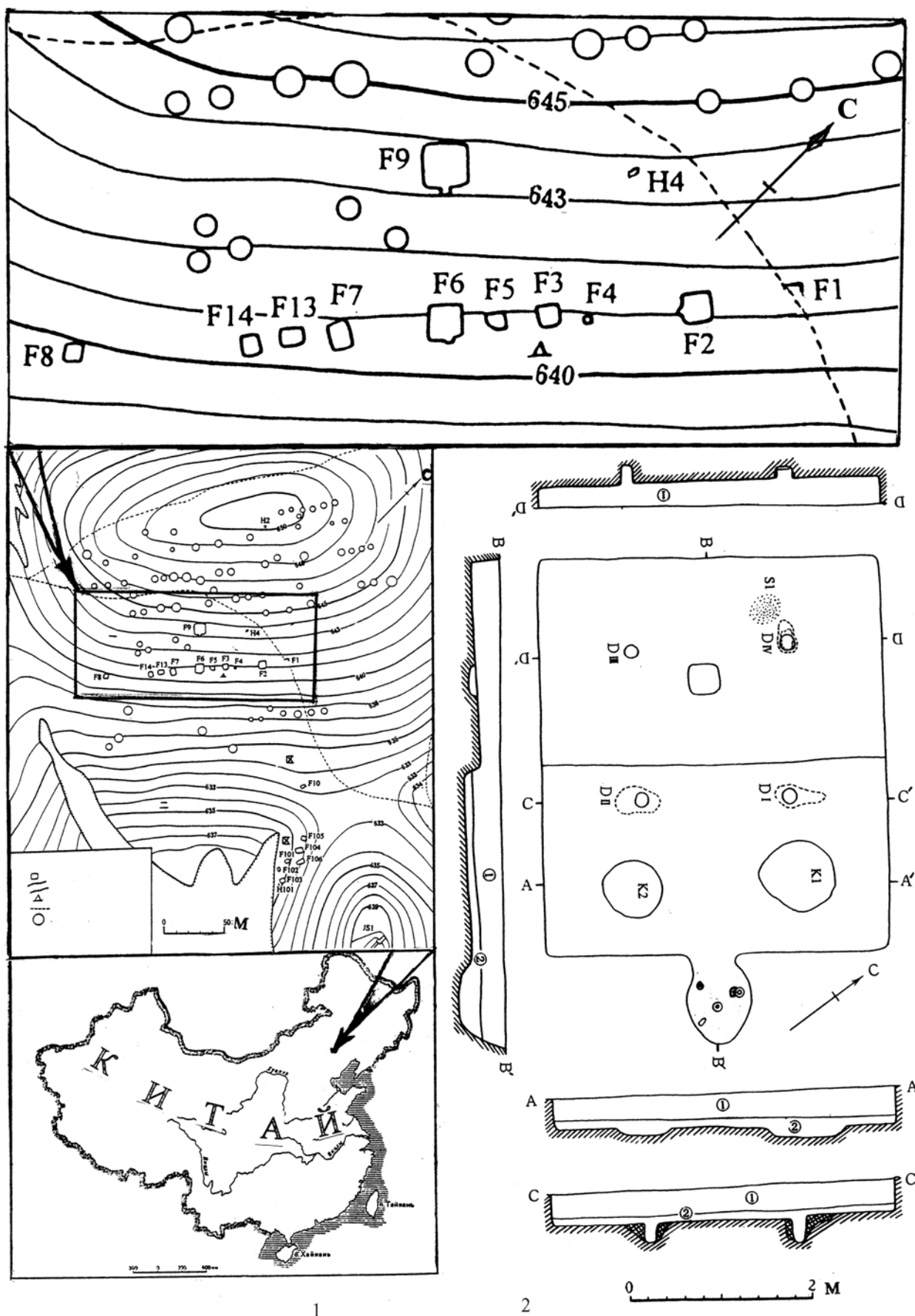

Рис. 2. План стоянки Чжаобаогу и жилища F6. 1 – план стоянки Чжаобаогу.
2 – план жилища F6

В керамике культуры Яншао данная мифологема фиксируется только в росписях ее северо-западного финального варианта Баньшань-Мачан, датируемого не ранее рубежа III–II тыс. до н.э. (Евсюков В.В., 1988, с. 47). В культуре Чжаобаогоу V тыс. до н.э. каменные скульптуры первопредка еще напрямую не связаны с орнаментированными парой олений-драконов сосудами – моделями вселенной. отождествление двух этих понятий, Вселенной и Первопредка, т.е. макрокосма и микрокосма, видимо, происходит позднее, а его конечным результатом являются оленные камни – антропоморфные скульптуры, трехчастное вертикальное членение которых по линиям ожерелья и пояса, и соотнесение трех выделенных зон с тремя ярусами мироздания общепризнанны.

Кстати, у Первопредка в процессе развития его образа от неолита к эпохе поздней бронзы произошла смена пола, очевидно, связанная с заменой матриархата патриархатом. Все чжаобаогоуские каменные скульптуры, равно как и баньшань-мачанские антропоморфные сосуды, представляют женщин, а оленные камни, как считается, изображали мужчин-воинов. Если предложенная нами генетическая линия развития верна, то каждый оленный камень монголо-забайкальского стиля олицетворяет первопредка того или иного древнего коллектива (племени?), а отдельные фигуры олений соответствуют входившим в данный коллектив социальным (скорее всего, родовым) группам. Тогда скопления оленных камней (если они не образованы за счет перемещения стел в более позднее, например, тюркское время) обозначали места межплеменных святилищ. Изучая их планиграфию, можно с известной долей вероятности реконструировать и древнюю социологию.

М.А. Дэвлет, Е.Г. Дэвлет

Институт археологии РАН, Москва, Россия

ИЗОБРАЖЕНИЯ ЩИТОВ НА ОЛЕННЫХ КАМНЯХ

Среди петроглифов Мозага-Хомужак в Саянском каньоне Енисея имеется изображение лучника, преследующего оленя. В одной руке человек держит натянутый лук с приготовленной к спуску стрелой, а другая находится на поясе. От туловища персонажа чуть ниже руки и почти соприкасаясь с ней, в сторону отходит линия, заканчивающаяся маленьким кружком. Этот загадочный предмет характерен для иконографии «танцующих человечков» эпохи поздней бронзы Центральной Азии. Фигура уникальна тем, что за спиной персонажа изображен предмет продолговатых очертаний, соединенный с туловищем тремя горизонтальными черточками, который находит аналогии среди казахстанских петроглифов урочища Сагыр в бассейне Верхнего Иртыша, на его правом берегу (Самашев З.С., 1992, рис. 25; 2006, с. 105).

На скалах памятника Сагыр-II представлены воины, сражающиеся боевыми палицами, а за их спинами обозначены вертикальные полосы, которые З.С. Самашев квалифицирует как изображения щитов. Короткие линии, соединяющие туловища людей со щитами, исследователь определяет как перекидные ремни для ношения этого вида защитного вооружения, подчеркивая, что профильное изображение щита не позволяет судить о его форме (Самашев З.С., 1992, с. 169). Если на скалах Мозага-Хомужак действительно представлен образец древнего защитного вооружения, а не какой-либо иной атрибут, то это единственное среди петроглифов Верхнего Енисея изображение антропоморфной фигуры со щитом.

В евразийских степях в эпоху бронзы и в раннем железном веке щиты были ведущим средством защиты воинов. Сведения о них почерпнуты на основании изображений на предметах тюркской культуры со сценами из скифской жизни, а также из свидетельств древних авторов, повествующих о том, что скифы покрывали свои щиты «воловьей косматой кожей» или шку-

рой животного таранда, который хребтом и величиной похож на быка (Черненко Е.В., 1968, с. 99). Щиты ранних кочевников евразийских степей были различных форм, размеров, изготовлялись из разных материалов. Экземпляры с металлическим покрытием в погребениях нередко сохраняются, сделанные из органических материалов, как правило, разрушались. Исследователи этого вида защитного вооружения подчеркивали, что причиной почти полного отсутствия щитов в погребениях скифов является не их малочисленность, а недолговечность материалов – дерева и кожи, из которых они были изготовлены.

В эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке в Центральной Азии от Саяно-Алтая до Забайкалья изображения щитов прямоугольной формы с приостренным верхним краем выбивались на оленных камнях, изредка на отдельных плитах и на скалах. В научной литературе в отношении идентификации этих атрибутов среди исследователей долго не было, да и до сегодняшнего дня нет единства мнений.

Представленные на оленных камнях украшения, оружие, орудия труда и элементы одежды копировали известные среди археологических материалов реальные предметы, которые были в употреблении в эпоху их создания. В отношении «решетчатых» фигур заполненных рядами косых линий, образующих «елочный» узор, высказывались самые разноречивые мнения. Первоначально исследователи даже не пытались сопоставлять эти воинские атрибуты, высеченные на оленных камнях, с конкретными реальными предметами, обнаруженными при раскопках погребальных памятников.

Опираясь на аналогии среди реалий из кожи и дерева из алтайских курганов с вечной мерзлотой, а также внешне сходных с ними атрибутов на итальянских петроглифах из Валь Камоники в Лигурийских Альпах, М.А. Дэвлет пришла к заключению, что эти пятиугольники являются изображениями щитов (Дэвлет М.А., 1976; Anati E., 1975; 1976). Э.А. Новгородова, пришла к такому же выводу. Монгольский археолог Д. Цэвэндорж независимо от М.А. Дэвлет и Э.А. Новгородовой также трактовал пятиугольные фигуры как изображения щитов, ссылаясь на их сходство с пазырыкскими образцами. Большинство специалистов, главным образом те, кто не был обременен грузом прежних суждений в отношении интерпретации загадочных пятиугольников, вслед за В.В. Волковым приняли предложенную трактовку. Со временем среди исследователей появлялись не только сторонники подобной интерпретации, но и новые оппоненты, излагающие собственные версии расшифровки изображений на оленных камнях или присоединяющиеся к ранее предлагавшимся трактовкам. Целесообразно вновь вернуться к рассмотрению решетчатых фигур, поскольку к настоящему времени, разброс мнений в отношении их идентификации продолжает увеличиваться, несмотря на то, что накоплены новые материалы – как реальные щиты из раскопок курганов, так и их изображения.

На Енисее в погребальных комплексах предскифского и скифского времени щиты не найдены. Высказывалось предположение, что в Туве щиты были известны, но не было обычая хоронить воина вместе со щитом. По всей вероятности, они просто не сохранились, поскольку делались из органических материалов. В материалах средневековых памятников лесной полосы Западной Сибири сами щиты или какие-либо их детали также не обнаружены (Соловьев А.И., 1987, с. 64).

Щиты являлись основным средством защиты пазырыкских воинов. В курганах пазырыкской культуры, благодаря вечной мерзлоте, хорошо сохранились щиты и их вотивные копии, изготовленные из органических материалов. Они имеют квадратную или прямоугольную форму, только у трех щитов из третьего Пазырыкского кургана верхний край дугообразный. Такие щиты по форме приближаются к пятиугольным щитам, изображавшимся на оленных камнях. Щиты прямоугольных очертаний, наиболее характерные для алтайских находок, встречаются на оленных камнях значительно реже. Пазырыкские щиты были составлены из отдельных, тщательно выструганных, округлых в сечении палочек или прутьев,

вертикально продетых в отверстия кожаной основы щита. Палочки вставлялись вертикально и плотно подгонялись друг к другу. Сверху и снизу они были соединены горизонтальными рейками, образующими каркасную основу. С наружной стороны щиты раскрашивались разными красками, образующими геометрические узоры. Расположение отверстий в коже позволило создать геометрический узор из рядов зубчатых полос, ромбов и т.д. Шейроны и зигзаги – основной элемент орнамента на внешней стороне пазырыкских щитов. Рисунок на щитах, изображенных на оленных камнях, представляет собою наиболее простой вариант подобной орнаментации. Орнамент на внешней поверхности алтайских щитов главным образом зависит от того, каким образом переплетены палочки с куском кожи. С тыльной стороны щиты имели поперечные планки, кожаные ремешки и петли – рукояти для укрепления на руке воина.

В памятниках пазырыкской культуры найдены и цельнодеревянные щиты с резной геометрической орнаментацией на внешней поверхности (Полосьмак Н.В., 1992). Высказывалось мнение, что это уменьшенные вотивные копии настоящих составных щитов.

Наблюдаются точные соответствия или близкое сходство в оформлении внешней стороны реальных щитов и их изображений (рис. 1). Можно надеяться, что приведенные аналогии не оставят сомнений у скептиков относительно того, что изображенные на оленных камнях атрибуты, это именно щиты.

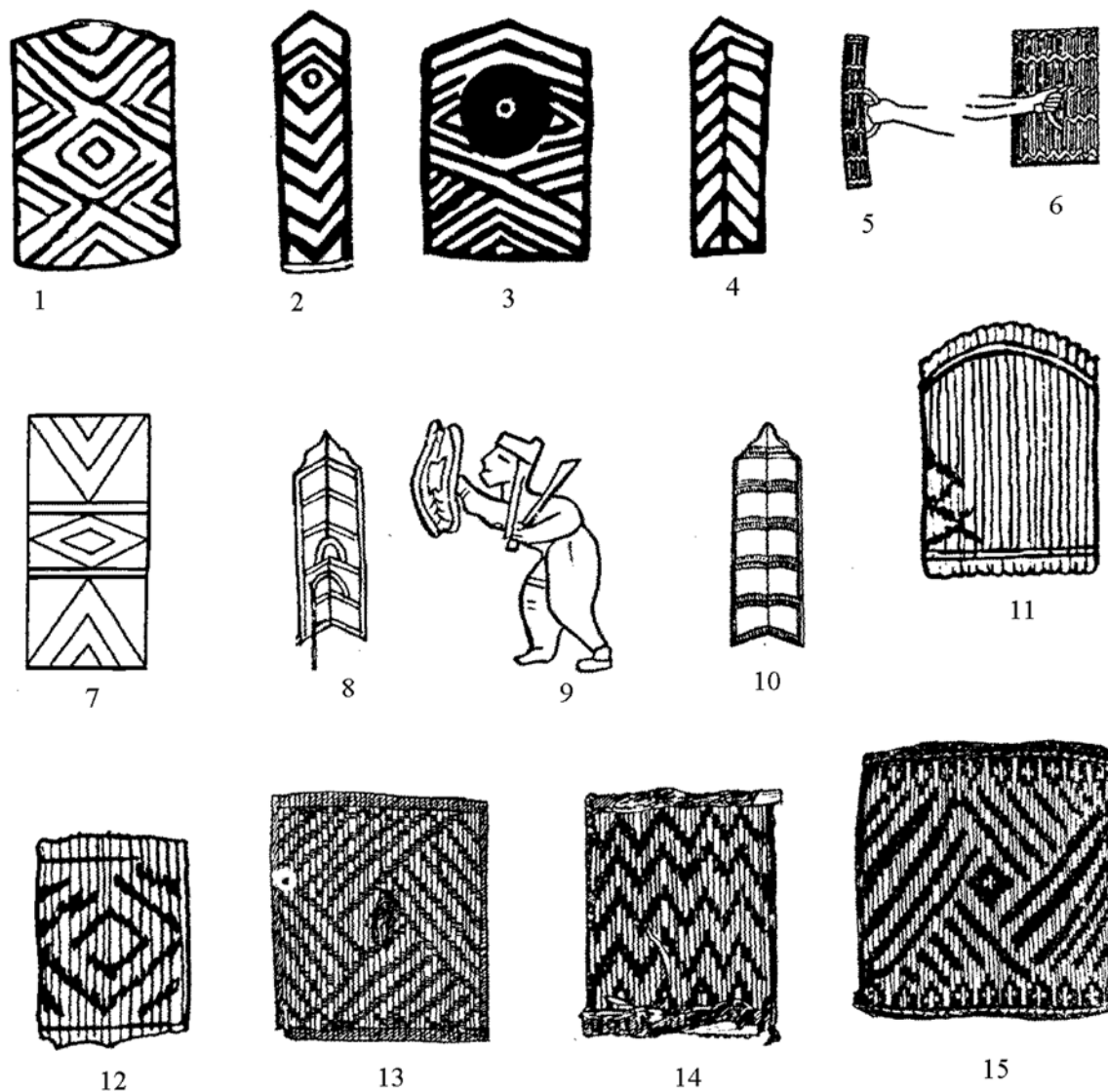

Рис. 1. Щиты и их изображения

Изображения реальных пазырыкских щитов и их деталей, а также реконструкции публиковались в работах многих авторов (Руденко С.И., 1953; 1960; Кубарев В.Д., 1987; Кочеев В.А., 1990; Полосьмак Н.В., 1994, 2001; Древние курганы Алтая, 1998; Мыльников В.П., 1999; Самашев З. и др., 2000; Соловьев А.И., 2003; и др.). Новые раскопки курганов приносят новые находки щитов. В 2006 г. в кургане №1 могильника Олон-Кургин-Гол-10 в Монгольском Алтае на границе с Российской Федерацией на первой уложенной в яму лошади находился прикрепленный к седлу деревянный резной щит (Молодин В.И., Парцингер Г., Цэвээндорж Д. и др., 2006, с. 432). В 2006 г. в кургане №7 могильника Ханкаринский дол в Северо-Западном Алтае под погребенным обнаружена «подстилка», которая, возможно, являлась остатками деревянного щита (Дашковский П.К., Тишкин А.А., Тур С.С., 2006, с. 315).

Количество реальных щитов, происходящих из погребений скифского времени, несопоставимо меньше, чем число их изображений на оленных камнях, хотя далеко не на каждом оленном камне имеется изображение такого атрибута как щит. Трудно найти объяснение, почему в погребениях пазырыкской культуры щиты в подавляющем большинстве прямоугольные, а на оленных камнях почти всегда пятиугольные. Только три щита из третьего Пазырыкского кургана по форме приближаются к пятиугольнику. Судя по размеру курганной насыпи, сложности конструкции погребального сооружения, количеству конских захоронений (14), сопровождающих одного мужчину, богатству инвентаря, сохранившегося после ограбления, в богатом и престижном третьем Пазырыкском кургане был погребен представитель элиты, высшего звена военной иерархии, скорее всего, военачальник. Возможно, прямоугольные деревянные и кожаные щиты, найденные в погребениях, маркируют в большинстве случаев среднюю прослойку кочевников скифской эпохи, среднее звено военной иерархии и рядовых общинников, тех, кто не мог рассчитывать на установку в память о своих воинских подвигах оленного камня. Может быть, поэтому на оленных камнях изображались, как правило, дорогостоящие щиты пятиугольных очертаний из кожи и прутьев, недоступные рядовым воинам? Пока что вопрос остается открытым.

А.А. Ковалев, Д. Эрдэнэбаатар

НИИ комплексных социальных исследований Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия; Улан-Баторский государственный университет, Институт истории АН Монголии, Улан-Батор, Монголия

ДВЕ ТРАДИЦИИ РИТУАЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОЛЕННЫХ КАМНЕЙ МОНГОЛИИ

Одной из ключевых проблем археологии бронзового и раннего железного веков Центральной Азии является вопрос об относительной и абсолютной хронологии оленных камней, относящихся к различным иконографическим традициям. Естественно, существенный вклад в разрешение этой проблемы могло бы внести установление корреляции отдельных типов оленных камней с определенными видами погребальных и ритуальных сооружений. К сожалению, на территории Монголии до начала работ Международной Центральноазиатской археологической экспедиции Санкт-Петербургского государственного университета, Института истории АН Монголии и Улан-Баторского государственного университета под руководством А.А. Ковалева и Д. Эрдэнэбаатара не было полностью исследовано ни одного такого сооружения. Имевшиеся на конец XX в. данные визуальных обследований местонахождений оленных камней и раскопок на этих местонахождениях носили отрывочный характер и не

могли быть признаны достоверными и верифицируемыми. В связи с этим нами была поставлена задача полного научного исследования ритуально-погребальных комплексов, связанных с оленными камнями, на территории Западной и Центральной Монголии, которые могли бы стать опорными, эталонными памятниками для решения поставленных задач.

В 2001 г. нами были предприняты раскопки погребально-ритуального комплекса Хар говь на территории Мунх-Хайрхан сомона Ховд аймака (Эрдэнэбаатар Д., Ковалев А., 2003), в 2003–2004 гг. – разведки местонахождений оленных камней Монгольского Алтая, в 2006 г. – раскопки ритуального комплекса Суртийн дэнж в Бурэнтогтох сомоне Хубсугульского аймака.

Херексур (представляется целесообразным впредь таким образом именовать только курганы с «лучами», отходящими от центральной насыпи к кольцевой ограде) Хар говь и два связанных с ним оленных камня: один – на вершине насыпи, другой – с изображениями оленей монголо-забайкальского типа – к востоку (а не к югу, как у В.В. Волкова!) от ограды, были 1970-е гг. описаны В.В. Волковым (2002, с. 94–95). К сожалению, В.В. Волков ошибочно отнес урочище Хар говь к территории Муст сомона, а не Мунх-Хайрхан сомона. В результате зачистки выяснилось, что от центральной насыпи херексура высотой около 2 м, диаметром около 11 м (по крепиде) к ограде диаметром около 23 м отходило 13 широких «лучей», выложенных из мелких камней в один слой. Насыпь кургана была сооружена вокруг цисты примерно той же высоты, сложенной из 8–9 слоев уплощенных глыб и плит на древней дневной поверхности, внутренними размерами около 3х4 м. Циста в древности перекрывалась плитами, выходящими заподлицо верху насыпи. В ходе разборки насыпи и заполнения гробницы были обнаружены еще два оленных камня. Один из них, с изображением круглой «серьги» зафиксирован у северной полы кургана. А второй, имеющий три косые черты на передней грани, изображения ожерелья, двух кольцеобразных серег, горита, кинжала и лошади, в свое время упал в склеп и оказался в наклонном положении в придонной части заполнения цисты. Кроме того, в двух метрах к югу от восточного оленного камня была выявлена яма глубиной 1,2 м, в которой, видимо, было ранее установлено утраченное в древности пятое изваяние. С западной стороны херексур огибала дуга из тринадцати каменных колец. В некоторых из них обнаружены древесные угольки и фрагменты кальцинированных костей. На дне гробницы были зачищены сохранившиеся *in situ* фрагменты костей ноги и руки человека, расположение которых дает основание предположить, что погребенный был уложен на левый бок в скорченном положении головой в западный сектор.

Разведки, предпринятые нами в 2003–2004 гг., выявили, что оленные камни Монгольского Алтая, для которых можно предположить сохранение первоначального положения, в абсолютном большинстве связаны именно с херексурами с «лучами». Они устанавливались около ограды, на вершине центральной насыпи и у полы насыпи. Ни одного случая планиграфической либо иной связи оленного камня с курганами монгун-тайгинского типа (представлявшими каменную платформу с крепидой и центральным погребением в узкой яме либо невысокой цисте), а также с курганами с четырехугольной крепидой (оградой) и угловыми камнями (насыпями) не зафиксировано. При этом надо учитывать, что наблюдения В.В. Волкова и других исследователей не могут быть достаточно корректными, поскольку «лучи» у многих херексуров без зачистки не выявляются, а курганы с каменной платформой и относительно мощной крепидой могут быть до раскопок приняты за объекты, окруженные каменным кольцом (более мелкие камни платформы занесены эоловыми отложениями). Наши наблюдения показали, что херексуры «с лучами» имеют в большинстве многослойную цисту, выведенную заподлицо верху центральной насыпи, и только такие херексуры могут быть окружены кольцом-стеной, наружные края которой сложены из крупных плит, а внутреннее пространство забито мелкими камнями. Эти наблюдения помогали нам в идентификации херексуров, «лучи» которых не просматривались. Приводим перечень осмотренных

нами комплексов херексуров с оленными камнями (специально оговариваются только изображения оленей монголо-забайкальского типа).

1. Хагийн ам (левый берег р. Бодончийн-гол, Муст сомон) – херексур с центральной насыпью диаметром около 28 м, кольцом диаметром около 58 м и четырьмя (пятью?) лучами. Один оленный камень лежит в западине над гробницей, два – соответственно у юго-восточной и северо-восточной полы насыпи (N – 46° 43.045'; E – 92° 08.247').

2. Левый берег реки Бодончийн-гол, в 2,5 км к северо-северо-западу от пос. Баянзурх, Муст сомон – два оленных камня монголо-забайкальского типа установлены по линии, выходящей в 90 м на юго-восток на центр херексура с насыпью диаметром 12 м, кольцевой оградой 33 м (координаты херексура: N – 46° 37.062', E 92° 14.905').

3. В 1 км к северо-западу от пос. Баянзурх, Муст сомон (неточное описание и рисунки оленных камней см.: Волков В.В., 2002, с. 109–110) Херексур с прослеживающимися с южной стороны «лучами» и типичной широкой оградой диаметром 32 м, с южной и юго-западной сторон которой установлены два оленных камня с изображениями монголо-забайкальского типа (N – 46° 36.809', E – 92° 16.498')

4. Мухар давааны ам, Баянзурх, Муст сомон (см.: Волков В.В., 2002, с. 107–108). Херексур с центральной насыпью диаметром около 30 м и оградой – около 70 м, с прослеживающимися с западной стороны лучами. У южной и западной полы кургана лежали по оленному камню. На ограде херексура с восточной стороны, по сообщению В.В. Волкова (2002, с. 108), лежал оленный камень (N – 46° 35.443', E – 92° 17.452').

Восемь оленных камней, по сведениям В.В. Волкова, были установлены «в 30 метрах южнее херексура» (на самом деле – в 100–150 м на запад-юго-запад от центра кургана), предположительно – двумя рядами с севера на юг. Раскопки, предпринятые В.В. Волковым, не выявили здесь никаких следов ритуальных сооружений. Камни 1, 2, 3, 4, 6, 7 (по нумерации В.В. Волкова) имеют изображения оленей в монголо-забайкальском стиле (Волков В.В., 2002, с. 102–107). В настоящее время на эту площадку установлены усилиями В.В. Волкова (?) в общей сложности 22 оленных камня.

5. Мухар хасагт, Бодончийн-гол, Муст сомон (Мухар асхат по: Волков В.В., 2002, с. 111). Херексур с 24 лучами, насыпью диаметром 20 м и оградой диаметром 35 м. Около южной полы кургана лежит оленный камень (N – 46° 27.102', E – 92° 27.903')

6. Нарийн бэлчээр, Уенчийн-гол, Уенч сомон (см.: Волков В.В., 2002, с. 112). На насыпи херексура диаметром 28 м, с оградой диаметром 50 м лежит оленный камень (N – 46° 32.741', E – 92° 03.452')

7. Левый берег реки Уенчийн-гол, Уенч сомон. Херексур с центральной насыпью диаметром 30 м, оградой диаметром 60 м и четырьмя «лучами». В 90 м к юго-юго-востоку от центра кургана лежит оленный камень. (N – 46° 32.405', E – 92° 03.696')

8. В 3 км к востоку-северо-востоку от оз. Шар-нур, Сагсай сомон (Баян-Ульгийский аймак). Херексур с центральной насыпью диаметром 20 м и четырехугольной (!) оградой, от углов которой к центру насыпи выложены четыре «луча». Под северо-западной полой кургана лежит оленный камень (N – 48° 47.803', E – 89° 55.942').

9. В 3 км к востоку-северо-востоку от оз. Онхотын-нур, Цэнгэл сомон (Баян-Ульгийский аймак). Херексур с насыпью диаметром 30 м, кольцом диаметром 66 м и четырьмя «лучами». Оленный камень лежит в центре, на вершине насыпи (N – 48° 42.259', E – 88° 38.511').

10. Там же. Херексур с насыпью диаметром около 30 м, кольцом диаметром 100 м и четырьмя «лучами». На насыпи лежит оленный камень (N – 48° 42.468', E – 88° 38.563').

11. Там же. Херексур с насыпью диаметром около 30 м, кольцом 60 м и четырьмя «лучами». С запада у внешней стороны ограды установлен оленный камень (N – 48° 42.790', E – 88° 38.680').

В.В. Волковым (2002, с. 49–50, 74–75, 93–94) указываются еще несколько случаев, в которых, судя по описанию, можно предположить планиграфическую связь оленных камней и херексуров с «лучами»: Пунцаг овоо (Богд сомон, Баянхногор) – два оленных камня лежали с восточной стороны от ограды херексура с четырьмя «лучами»; Ургун ширэг, (Хяргас сомон, Увс) – два оленных камня лежали на насыпи херексура с четырехугольной оградой и диагональными «лучами»; Чулуутын огтрох (Дарви сомон, Ховд) – оленный камень стоял «возле» херексура с пятью лучами, с восточной стороны.

Два огромных херексура «с лучами», на насыпи одного из которых лежат не менее трех оленных камней, а у восточной полы насыпи другого находятся два оленных камня, были обнаружены близ бригады Баян булаг, на левом берегу реки Буянт (Ховд сомон, Ховдский аймак) (Тишкин А.А. и др., 2006, с. 112). Еще один херексур с четырьмя лучами зафиксирован поблизости на памятнике Улаан худаг-I (Тишкин А.А. и др., 2006, с. 110). В 2007 г. в ходе работы Буянтской археологической экспедиции под руководством А.А. Тишкина и Д. Эрдэнэбаатара в 8 м от ограды этого херексура с восточной стороны найден лежавший оленный камень.

Два таких херексура с погребениями на горизонте были раскопаны А.Д. Грачом в Овьюрском кожууне Тувы (правда, исследователь не проследил каменные цисты в каменной насыпи): Ов-60-3 – херексур с «лучами» и оградой диаметром 40 м, два оленных камня были найдены «в южной части центрального сооружения»; Улуг-Хорум – херексур с кольцом диаметром 66 м и 32 «лучами», у юго-восточной полы лежал (в обломках) оленный камень (Грач А.Д., 1980, с. 120–121, Савинов Д.Г., 1994, с. 62–63). Еще один оленный камень был найден в 1970 г. в кургане №7 могильника Аргалыкты-ХIII (Улуг-Хемский кожуун), диаметром 6,5 м с цистой в 6–7 слоев, высотой 1,2 м и внутренними размерами 2,25x1,25 м, окруженном кольцом диаметром около 10,5x12,5 м (по данным из отчета Ю.А. Трифонова, предоставленным К.В. Чугуновым). Оленный камень лежал в цисте и, вероятно, упал туда с поверхности насыпи. Судя по описанию, центральное сооружение этого кургана аналогично по конструкции насыпям из херексуров «с лучами».

Наибольший из всех известных херексуров с насыпью диаметром 60 м, кольцом диаметром 210 м и четырьмя лучами находится на современной территории Китая, около оз. Шибар-куль в уезде Цинхэ (Чингиль) на западном склоне Монгольского Алтая. Один оленный камень стоял у западной полы насыпи, другой – с южной стороны у ограды. Еще четыре оленных камня, в том числе один с оленями в монголо-забайкальском стиле, были обнаружены «вблизи» от херексура. «В нескольких сотнях метров» к востоку от памятника обнаружена группа из трех стоящих и одного лежащего оленных камней (Hatakeyama Tei, 2003).

Как показали наши наблюдения в ходе работ в Центральной Монголии, нельзя сделать вывод об одновременности и связи оленных камней с какими-то находящимися рядом сооружениями, если эти камни расположены на территории могильников. Во-первых, в курганные могильники входят памятники различных эпох, во-вторых, оленные камни сопровождаются ритуальными выкладками и жертвенниками, которые образуют с изваяниями самостоятельные комплексы. Так, например, известнейший памятник Ушкийн увэр (Улаан ушиг) сам по себе представляет композицию из оленных камней и каменных выкладок, да еще «планиграфически» связан с погребальными памятниками двух типов: курганами с насыпями по углам четырехугольной ограды с цистой из уложенных по периметру захоронения каменных глыб на горизонте, а также с полусферическими курганами с многослойной цистой из камней, уложенных длинной осью по радиусу насыпи (монголо-японской экспедицией под руководством Д. Эрдэнэбаатара, Шу Такахама и Хаяши Тошио были раскопаны по одному памятнику каждого типа, см.: Preliminary report, 2003, 2004, 2005). Как показали наши исследования в Западной Монголии, «купольные» курганы относятся скорее к скифскому времени, а курганы с насыпями по углам – к эпохе поздней бронзы (Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., 2007).

Поэтому объединять в одно целое курганы и оленные камни на основании наблюдений типа: «В широкой озерной долине находится несколько херексуров (имеются в виду курганы с оградами – *Авт.*). Между ними плоские каменные наброски, на них два оленных камня» (Волков В.В., 2002, с. 62), представляется некорректным.

В июле 2006 г. в долине Суртийн дэнж на левом берегу р. Дэлгэр-Мурэн, в 10 км к западу от местонахождения Ушкийн увэр А.А. Ковалевым был обнаружен новый ритуальный комплекс с оленными камнями. Особую значимость этому сооружению придавало то, что ближайший к нему курган с оградой находился не менее чем в километре, и предположить какую бы то ни было связь с этим погребальным памятником было нереально. После зачистки (комплекс был полностью занесен лессом, вскрывался по всей площади) выяснилось, что его основу составлял ряд из восьми оленных камней, которые были установлены по линии север-юг, несколько выгнутой на восток. С восточной и западной сторон по столь же слабоизогнутым дугам вдоль линии оленных камней были выложены соответственно девять и четыре (пять?) колец диаметром в среднем около 3 м из одного-трех слоев камня, перекрытые небольшими округлыми каменными насыпями. В северном кольце восточного ряда была уложена нижняя челюсть лошади «мордой» на восток. На каменных набросках второго и пятого с севера в восточном ряду колец были собраны мелкие фрагменты, видимо, от одного сосуда баночной формы. С западной, северной и южной сторон комплекс ограничивался дугой из не менее 18 каменных колечек диаметром в среднем около одного метра. Семь из камней не имеют изображений оленей, на них изображены (в том числе) косые черты, а также предметы вооружения и височные кольца скифского типа; на одном из этих изваяний моделирована человеческая голова. Восьмой камень, перемещенный в недавнее время, вероятно, был установлен в ряд позднее всех, поскольку один из упавших в древности оленных камней оказался под его (?) каменной забутовкой. На этом «позднейшем» изваянии изображены в геральдической позе два оленя монголо-забайкальского типа и два хищника (собаки?), как бы преследующих оленей, а выше – две свернутые скифские «пантеры» – одна внутри другой. В общей сложности комплекс Суртийн дэнж простирается с севера на юг на 45 м, а с запада на восток – на 22 м.

Научные раскопки, проведенные в последние годы монгольско-японской и монгольско-американской экспедициями, показали, что аналогичные Суртийн дэнж каменные кольца с головами лошадей, направленными на восток, окружали и иные местонахождения оленных камней в Хубсугульском аймаке. Однако, к сожалению, ни одно из таких культовых мест, кроме Суртийн дэнж, не было раскопано полностью. Так, экспедиция Монгольского музея национальной истории и Смитсоновского института зачистила на комплексе Улаан толгой в Хубсугульском аймаке семь колечек с головами лошадей около одного из камней (Fitzhugh W., 2005, p. 21–23), а монгольско-японская экспедиция под руководством Д. Эрдэнэбаатара, Шу Такахама и Хаяши Тошио – пять колечек на комплексе Ушкийн увэр около оленного камня №7 (Preliminary report, 2005). На ряде ритуальных комплексов с оленными камнями проводил раскопки и В.В. Волков. Он сообщил о находках черепов лошадей «под каменными курганчиками», однако, видимо, не проследил каменные кольца, находившиеся под этими насыпями.

Каменные кольца с черепами лошадей, уложенными мордой на восток, перекрытые каменными насыпями – характерный атрибут центральномонгольских курганов эпохи поздней бронзы. У больших курганов с четырехугольной или круглой оградой таких курганчиков может быть несколько сотен. Наиболее изученными из таких памятников стали курган Kh-4 на памятнике Ушкийн увэр (Улаан ушиг), раскопанный полностью монгольско-японской экспедицией под руководством Д. Эрдэнэбаатара, Шу Такахама и Хаяши Тошио (Preliminary report, 2003, 2004) (двадцать одно кольцо под насыпями с востока от ограды) и курган Урт булагын в долине р. Хануй (Архангай). Этот последний курган имеет четырехугольную ог-

раду размерами в плане 390x390 м, сопровождающуюся с восточной и южной сторон более чем 1700 маленькими насыпями, раскопав девять из которых, исследователи обнаружили лошадиные черепа, окруженные кольцевидными выкладками; с внешней стороны курган окружает кольцо из более чем тысячи маленьких каменных колечек без насыпей с остатками кальцинированных костей (Erdenebaatar D., 2007, с. 202).

Нетрудно заметить, что единственный полностью исследованный ритуальный комплекс с оленными камнями в Монголии – Суртийн дэнж – имеет такую же планировочную структуру, как и центрально-монгольские курганы, однако здесь между «западной» дугой из каменных колечек и «восточной» дугой из двух рядов каменных колец, перекрытых насыпями, отсутствует погребение человека. Вместо него мы видим ряд оленных камней, схематично воспроизводящих индивидуальные человеческие фигуры. В результате комплекс оказался как бы «сжат» и утратил округлую форму. Вероятно, обычай установки оленных камней в Центральной Монголии был генетически связан с погребальной практикой строителей курганов эпохи бронзы и оленные камни замещали в таких комплексах реальное погребение. То, что оленные камни здесь не сопровождают стоящие рядом курганы, а являются продолжением погребальных обычаев их строителей на следующем этапе, подтверждается и уникальным случаем прямой стратиграфии: в ходе зачистки сооружений комплекса Ушкийн увэр было выявлено, что каменное кольцо с головой лошади перекрывает прямоугольную каменную выкладку. Такие выкладки сопровождают курганы эпохи поздней бронзы с оградями и на платформах (Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., 2007), в частности – курганы с четырьмя насыпями по углам типа того, что был раскопан там же монгольско-японской экспедицией (см. Preliminary report, 2003, 2004, 2005, pl.7; Коновалов П.Б., Наваан Д., Волков В.В., Санджмятав Г., 1995, с. 47–53).

Необходимо отметить, что курганы-херексуры «с лучами», с которыми связаны оленные камни в Западной Монголии, не имеют подобных насыпей с головами лошадей, не обнаружено также никаких ритуальных выкладок и при раскопках двух рядов из 11 оленных камней в Баянзурхе, о чем упоминалось выше.

Итак, мы выявили две традиции установки оленных камней, которые не могут быть сведены к общему истоку. С западно-монгольской традицией связаны в большинстве оленные камни «евразийского» типа, а с центрально-монгольской – «монголо-забайкальского». Однако в Западной Монголии, как уже отмечалось выше, обнаружено немало оленных камней «монголо-забайкальского» типа, связанных с херексурами с «лучами», а в Центральной Монголии – оленных камней «саяно-алтайского» и «евразийского» типов, стоящих на вышеописанных культовых местах (в том числе семь из восьми в Суртийн дэнж). В «царских» курганах раннескифского времени в Туве – Аржан и Аржан-2 – оказалась проявлена именно центрально-монгольская традиция. С восточной стороны от этих грандиозных курганов исследователи обнаружили десятки каменных колец с черепами лошадей, перекрытых каменными насыпями. К сожалению, раскопана была лишь часть этих сооружений. В кургане Аржан-2 К.В. Чугунов при этом предполагает нахождение трех оленных камней по линии север-юг через центр кургана (см. статью К.В. Чугунова в настоящем сборнике. – *Прим. отв. ред.*). С курганами раннескифского времени Алтая каменные кольца с головами лошадей не связаны. Однако многие оленные камни «евразийского» и «саяно-алтайского типов» на севере Западной Монголии и на Алтае обнаружены стоящими рядами с севера на юг. В частности, таковы оленные камни, установленные двумя рядами (по 7 и 13 камней в ряду) у кургана, несомненно, «аржанского» типа Ак-Алаха-2 на Укоке (Молодин В.И. и др., 2004, с. 68–69). Таким образом, можно сделать вывод о существенном вкладе центрально-монгольского населения в формирование круга памятников аржанского типа Саяно-Алтая. В то же время носители бийкенской культуры, для которой была характерна установка одиночных оленных камней и стел

над погребением, с восточной и западной сторон от кургана (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 57–58), очевидно входили в сферу влияния западно-монгольской традиции.

Для памятников центрально-монгольской традиции имеются калиброванные радиоуглеродные даты по пяти черепам лошадей с комплекса Улаан Толгой (оленные камни монголо-забайкальского типа), полученные американскими исследователями: В-193738 – 2750–2740 ВР; В-193739 – 3240–2970 ВР; В-193740 – 2990–2800 ВР; В-207205 – 3220–2800; В-207206 – 3150–2780 (все – с вероятностью 95,4%) (Fitzhugh W., 2005, p. 25). Курган Аржан был построен в самом конце IX в. до н.э. В то же время курган Аржан-2, где были также устроены по центрально-монгольской традиции кольца с головами лошадей, датируется по методу «wiggle matching» с вероятностью 95,4% 671–609 гг. до н.э. (Евразия в скифскую эпоху, 2005). Раскопанный нами западно-монгольский комплекс Хар говь с камнями «саяно-алтайского типа» можно датировать по радиоуглеродной дате, полученной в лаборатории ИИМК РАН по костям погребенного человека: с вероятностью 68,2% – 980–800 л. до н.э., с вероятностью 95,4% – 1200–750 л. до н.э. (Le-6931). Курган №1 памятника Адууг-II, содержащий высокую цисту по типу обнаруживаемых в херексурах с «лучами», датирован по костям погребенного в лаборатории ИИМК РАН (с вероятностью 95,4%) – 800–360 л. до н.э. (Le-6940). Таким образом, обе традиции установки оленных камней бытовали на соседних территориях параллельно как минимум с X по VII вв. до н.э.

Д.Г. Савинов

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

ОБ ОЛЕННЫХ КАМНЯХ «СМЕШАННОГО» ТИПА

Классификация оленных камней, основанная на стилистических особенностях изображенных на них животных, была предложена Н.Н. Диковым, выделившим оленные камни с орнаментально-стилизированными изображениями оленей и натуралистическими изображениями оленей и лошадей (Диков Н.Н., 1958, с. 45–46). Эта классификация была дополнена В.В. Волковым, выделившим третий тип оленных камней, без изображений животных, но со всеми атрибутами, присущими оленным камням (Волков В.В., 1964, с. 59–60). Все три типа оленных камней получили соответствующие наименования (монголо-забайкальский, саяно-алтайский и общеевразийский); были определены ареалы их распространения и приблизительное время существования (Волков В.В., 1981, с. 99–121). В таком виде классификация оленных камней, предложенная В.В. Волковым, стала общепринятой.

Полностью соглашаясь с таким делением оленных камней (Савинов Д.Г., 1994, с. 70–83), следует отметить, что внутри каждого из этих типов можно выделить несколько групп, определяемых обычно как «переходные» или «атипичные», а на самом деле представляющие региональные группы памятников, отличительные особенности которых объясняются не только принадлежностью к тому или иному из трех основных выделенных типов, но и какими-то другими причинами – хронологического, территориального или семантического характера.

Первым из таких оленных камней, на который обратили внимание исследователи, где одновременно нанесены стилизованные изображения (монголо-забайкальского типа) и реалистические (саяно-алтайского типа) был оленный камень из с. Сушь Пий-Хемского района Тувы. На одной стороне Сушинского камня нанесены три фигуры «летающих» стилизованных оленей; на другой – расположенные по вертикали изображения трех выполненных вполне реалистически лошадей. Другой оленный камень, относящийся к этой же группе – замечательный обелиск с горы Кош-Пей (Уюкская котловина), на котором изображены шесть стилизованных оленей, с

одной стороны; фигурка лежащей лошади с подогнутыми ногами, с другой; вписанные изображения свернувшихся хищников в верхней части камня; рельефная фигурка стоящего кабана ниже линии пояса (Килуновская М.Е., Семенов Вл.А., 1998, рис. 2). Сюда же следует отнести Сайгынскую плиту с изображением крупной фигуры стилизованного оленя, между отростков рогов которого расположены несколько фигурок стоящих лошадей. М.Е. Килуновская и Вл.А. Семенов (1998, с. 151–152) относят к этой группе также стелы из Элегеста и Самагалтая и определяют этот тип оленных камней в Туве как «переходный» или «сушинский».

На Южном Алтае, соседнем с Северной Монголией и Западной Тувой, найдено несколько подобных камней. Один из них – оленный камень, ограничивающий с севера ряд камней Юсдынского комплекса (Кубарев В.Д., 1979, табл. VI). При раскопках В.Д. Кубаревым в ур. Кара-Дюргун рядом с оленным камнем с изображением лежащей лошади* были обнаружены фрагменты других оленных камней со стилизованными изображениями оленей. По мнению В.Д. Кубарева (1979, табл. X.-3, с. 26–27), они одновременны.

Аналогичные памятники с изображениями животных, выполненных в различном стиле, в большем количестве представлены в Монголии. Благодаря монографической публикации В.В. Волкова (1981, 2002), о них можно судить вполне определенно. Как минимум семь из них происходят из Архангайского аймака, шесть – из Завхана, пять – из Баян-Хонгора, четыре – из Хубсугола, четыре – из Ховда, два – из аймака Увс (Волков В.В., 2002, табл. 2.-2; 3.-1; 4.-1; 5.-3; 6.-2 и сл.). Конечно, эти подсчеты носят весьма приблизительный характер, но все же они достаточно показательны. Все названные аймаки — это районы Центральной и Северной Монголии. Основное их количество найдено в трех аймаках Центральной Монголии, соседних с территорией Саяно-Алтайского нагорья. Далее на запад количество их идет по «убывающей». В крайних западных и крайних восточных аймаках Монголии таких оленных камней нет. На всех монгольских оленных камнях, относящихся к этому типу, изображены стилизованные, иногда крупные, как на Сайгынской плите, фигуры «летающих» оленей и рядом с ними, обычно в нижней части камня, явно занимающие подчиненное положение фигурки стоящих или лежащих лошадей. Рядом с ними находятся предметы вооружения (лук с натянутой тетивой, топор, кинжал); возможно, орудия для жертвоприношения. Значительно реже встречаются изображения кабанов и горных козлов; еще реже – фигуры свернувшихся хищников.

Представляется немаловажным, что подобные оленные камни ни разу не были использованы при сооружении плиточных могил, откуда происходят только «классические» стелы с изображениями монголо-забайкальского типа. Если считать вторичное использование оленных камней одним из свидетельств завоевания Хангая носителями культуры плиточных могил (Цыбиктаров А.Д., 2003, с. 85–94, рис. 1), то это обстоятельство может иметь хронологическое значение. Оленные камни «смешанного» типа появились в Центральной Монголии позже, чем эта территория была завоевана носителями культуры плиточных могил.

Обращает на себя внимание, что территория распространения оленных камней «смешанного» типа охватывала Центральную и Северную Монголию, соседние горно-степные районы Западной Тувы и Южного Алтая. С точки зрения культурно-исторических процессов, это одна крупная историко-культурная область, где наиболее интенсивно происходило смешение двух традиций – оленных камней монголо-забайкальского и саяно-алтайского типов (Новгородова Э.А., 1989; Цыбиктаров А.Д., 2003). В этом плане рассмотренные выше оленные камни можно рассматривать как «переходные» в том смысле, что они сочетают в

* Этот оленный камень был обнаружен нами около дер. Кокорю и опубликован (Савинов Д.Г., 1972, с. 286). Комплекс, в который входил этот камень, был позже раскопан В.Д. Кубаревым, давшим ему название Кара-Дюргун. Сделанные нами прорисовки изображения лежащей лошади отличаются в деталях. Вряд ли на это стоило обращать внимание, если бы в литературе уже не появилась искаженная информация. В статье Н.Л. Членовой (1999, рис. 3.-3, 4) приведены оба изображения лежащей лошади, как принадлежащие разным оленным камням. На самом деле это один и тот же камень.

себе характерные особенности двух основных типов оленных камней. Однако, это не означает, что оленные камни саяно-алтайского типа следует считать производными от камней монголо-забайкальского типа. Удивительно законченный изящный стиль оленных камней монголо-забайкальского типа не преобразуется в нанесенный на тех же камнях реалистические изображения животных, главным образом, лошадей. Последние, в свою очередь, больше напоминают не рисунки различных животных на оленных камнях саяно-алтайского типа, а изображения их в ордосских бронзах (на рукоятках ножей, кинжалов и т.д.). Поскольку те и другие рисунки – стилизованные и реалистические – нанесены на одних и тех же камнях, можно считать их практически, не уточняя абсолютной даты, одновременными.

Основная причина появления разностильных изображений на оленных камнях «смешанного» типа видится нам не в трансформации стиля, не в хронологии и даже не во взаимном влиянии двух культурных традиций (условно – западной и восточной), а в смене господствовавшей парадигмы. На смену великолепному образу «летающего» оленя с ветвистыми рогами и птицеобразной мордой (в данном случае даже не важно, какое он имел значение – тотемическое, мифологическое или представлял собой «посвященное» животное) приходят значительно более скромные реалистические рисунки стоящих лошадей, расположенных друг над другом, по вертикали, и, скорее всего, отражающих идею жертвоприношения. Показательно, что фигуры лошадей чаще всего изображаются парами, что, возможно, следует рассматривать как символ множественности. Фигуры же стилизованных оленей, наоборот, часто становятся более крупными и уже не образуют тот «ковровый» узор, который отличает «классические» оленные камни со стилизованными изображениями оленей.

Появление оленных камней «смешанного» типа, отражающих какие-то изменения в ритуальной практике, по всей вероятности, было связано с расширением коневодства, повышением роли коня в общественной жизни и соответствующих этому ритуальным жертвоприношениям. В этом отношении «пограничное» значение оленных камней «смешанного» типа представляется наиболее вероятным.

Нельзя не отметить ситуацию, зафиксированную В.В. Волковым при раскопках ритуальных сооружений, связанных с оленными камнями в Монголии (Шивертын ам), когда в каждом из семи (выборочно) раскопанных «курганчиков» был обнаружен череп лошади, обращенный к востоку (Волков В.В., 2001, с. 350). В других местонахождениях визуально отмечены сотни таких же, еще не раскопанных «курганчиков». Можно предполагать, что и там находилось нечто подобное. Следующий шаг в осмыслении роли коня – 160 сопроводительных конских захоронений в деревянных камерах Аржана-1 (Грязнов М.П., 1980, с. 49). Это все памятники одной эпохи и, очевидно, одного и того же мировоззрения.

В дальнейшем изображение жертвенной лошади на лицевой части камня, показанной лежащей с подогнутыми ногами рядом с орудиями для жертвоприношения (иногда на этом месте показан только кинжал) составляют еще одну отдельную группу оленных камней, которую также условно можно назвать «смешанной» (между камнями саяно-алтайского и евразийского типов). Такие оленные камни с фигуркой лежащей лошади на лицевой стороне известны в Туве (Грач А.Д., 1980, рис. 54), в Монголии (Волков В.В., 2002, табл. 34.-1; 88.-1), на Горном Алтае (Савинов Д.Г., 1972, с. 286). Иногда их заменяют одиночные изображения кабана или оленя (Кубарев В.Д., 1979, табл. IX), но смысловое значение памятников, по-видимому, от этого не меняется. Время появления оленных камней этой группы определяется достаточно точно по стилистическим особенностям изображения лошади – с плавно очерченным абрисом туловища, подогнутыми, но не сомкнутыми ногами и слегка опущенной головой. Таким же образом представлены изображения лошадей на золотых пластинках из Келермеса, на что уже раньше обратила внимание Н.Л. Членова (1999, рис. 3.-5) и золотых фигурных бляхах из кургана Аржан-2 (Чугунов К.В., Парцингер Г., Наглер А., 2002, рис. 15). Это характерный стиль раннескифского времени, к которому относятся оленные камни саяно-алтайского типа.

Очевидно, что выделение отдельных групп оленных камней (хронологических, территориальных, семантических) внутри основных уже выделенных типов (монголо-забайкальского, саяно-алтайского и евразийского) – это наиболее перспективный путь дальнейшего исследования этих интереснейших и во многом еще загадочных памятников.

Д.В. Черемисин

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск,
Россия*

К ИЗУЧЕНИЮ СТЕЛ АЛТАЯ И ПЕТРОГЛИФОВ В СТИЛЕ ОЛЕННЫХ КАМНЕЙ

Проблемы, связанные с исследованием антропоморфных стел разных эпох, становлением и развитием статуарной традиции на Алтае очень актуальны и представляют очевидный интерес. Д.Г. Савинов (1990) определил особенности наскальных изображений «в стиле оленных камней». На Алтае петроглифы в стиле оленных камней представляют многочисленную группу, по стилю четко отличающуюся своеобразной трактовкой изображенных животных, чаще всего, оленей. Вопросы, связанные с датировкой, культурной принадлежностью, стилистикой и семантикой петроглифов данного пласта обсуждались в работах М.П. Грязнова, В.Д. Кубарева, Д.Г. Савинова, Н.Л. Членовой, Я.А. Шера и З.С. Самашева и других археологов.

Следует отметить, что под стилем оленных камней понимается стиль или манера изображения животных на камнях так называемого «монголо-забайкальского» типа с «орнаментальными» или вычурными «летающими клювовидными» оленями. При этом среди оленных камней Алтая этот тип изваяний наименее распространен – среди чуть более ста оленных камней (согласно новейшей сводке В.Д. Кубарева) подобные изваяния единичны.

В докладе обсуждается данная ситуация, приводятся сведения об оленных камнях и петроглифах Синьцзяна, о соотношении памятников разных типов внутри традиции, дискуссии вокруг петроглифов в стиле оленных камней в Монгольском Алтае.

Рис. 1. Наскальные изображения в стиле оленных камней (Соок-Тыт)

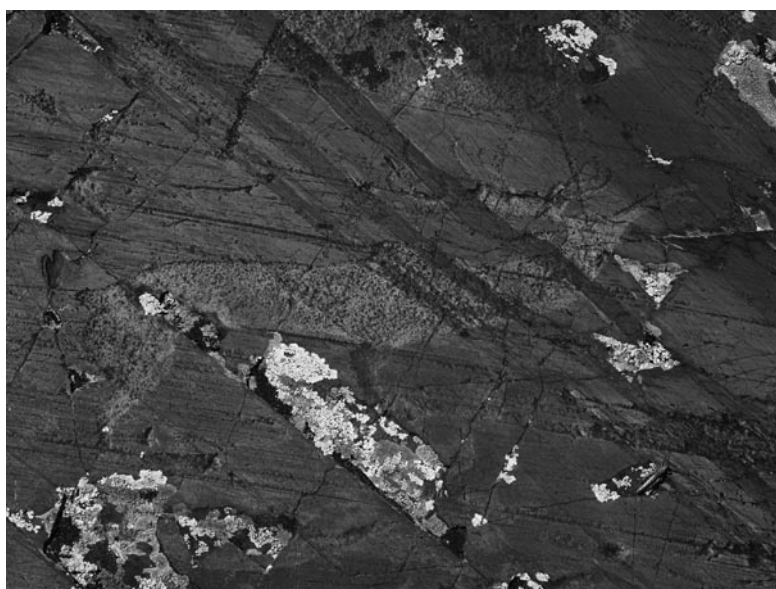
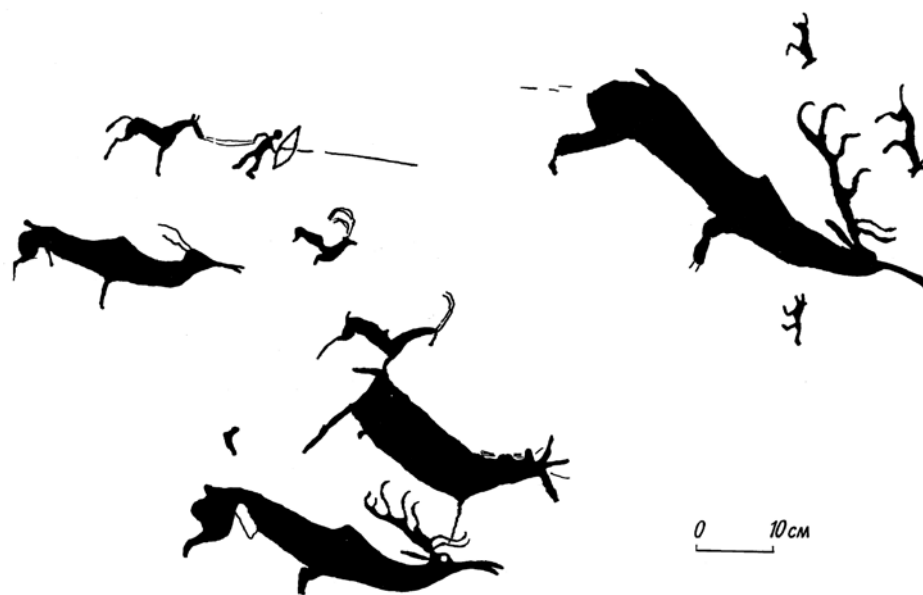

Рис. 2. Изображение в стиле оленных камней в многофигурных наскальных композициях (Кара-Оюк)

К.В. Чугунов

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

ОЛЕННЫЕ КАМНИ И СТЕЛЫ В КОНТЕКСТЕ ЭЛИТНЫХ КОМПЛЕКСОВ САЯНО-АЛТАЯ*

Соотношение оленных камней с конкретными культурными образованиями древности, также как их хронологическое определение, не смотря на разработку этого вопроса многими исследователями (Кубарев В.Д., 1979; Волков В.В., 1981; Членова Н.Л., 1984; Ковалев А.А., 1987; Савинов Д.Г., 1994; Килуновская М.Е., Семенов Вл.А., 1998; и др.), продолжает оставаться актуальной задачей археологии. Между тем, комплексов, включающих оленные камни

* Работа выполнена при финансовой поддержке INTAS (проект 03-51-4445).

как преднамеренный компонент погребально-поминального ритуала, полностью исследованных раскопками, в пределах ареала их распространения не так много.

На территории Монголии, где эти памятники представлены наиболее широко, производились, в основном, только визуально-планиграфические обследования местонахождений. Опубликованные планы позволяют выделить два основных варианта расположения оленных камней:

- 1) стелы группируются в цепочки, ориентированные по оси С-Ю и сопровождаются выкладками и оградками различных форм;
- 2) оленные камни взаимосвязаны с наземными сооружениями курганов-херексуров.

Первый вариант расположения иногда совмещается со вторым в пределах одного памятника. Однако, раскопки так называемых жертвенников с оленными камнями пока не позволяют безусловно связать их херексурами. Необходимо также принимать во внимание, что второй вариант местонахождения оленных камней связан, в основном, с сооружениями определенного вида – с херексурами, имеющими между курганом и оградой выкладки-«лучи», что специально было отмечено В.В. Волковым (2004, с. 10). Два таких памятника исследованы раскопками в Монголии и Туве.

А.А. Ковалевым был раскопан один херексур в местности Хар-Говь (Мунх-Хайрхан сомон, Ховд аймак). Центральная насыпь памятника имела диаметр 13 м, высоту 2 м, и была соединена с внешним кольцом (диаметром 23 м) тринадцатью вымостками-«лучами». Под насыпью находилась циста высотой 2 м. Два оленных камня найдены на насыпи, еще два были установлены к востоку от херексура. С запада от него расчищены 13 кольцевых оградок (Эрдэнэбаатар Д., Ковалев А., 2003, с. 150 – 157, рис. 1).

Еще один исследованный херексур – Улуг-Хорум – имел центральное сооружение диаметром 22 м, соединенным с внешним кольцом (диаметром 66 м) тридцатью двумя «лучами». Оленный камень найден у подножия центрального сооружения, в пределах юго-восточного сектора (Грач А.Д., 1980, с. 121, рис. 73). На то, что циста в этом памятнике, вероятно, была, хотя и не прослежена, указывает обнаруженное захоронение двух человек на уровне горизонта.

В Монгун-Тайгинском районе Тувы Вл.А. Семеновым исследован большой курган Холаш (диаметр 36 м, высота более 1 м). Под каменной насыпью найдены два оленных камня к юго-востоку от центра. В центре обнаружена яма 4,6х4,2 м, глубиной 2,3 м, окруженная наземными камерами-цистами (Семенов Вл.А., 1997, с. 22–26, р. 45, 46). Учитывая, что погребальных конструкций в яме не обнаружено, выкида из нее на погребенной почве нет, а грабительские перекопы очевидны, эта яма может быть не связана с древним сооружением. Таким образом, не исключено, что и в этом случае оленные камни сочетаются с наземным способом погребения.

Одной из самых известных находок оленного камня при раскопках погребального памятника остается фрагмент стелы, обнаруженный в заполнении камеры 34а кургана Аржан. Соотношение камня с комплексом памятника, имеющего абсолютную дату в узком интервале 822–781 гг. до н.э. (Зайцева Г.И., Чугунов К.В., Алексеев А.Ю. и др., 2007, с. 251–262), имеет принципиально важное значение. К сожалению, в публикацию материалов раскопок кургана было помещено очень незначительное количество чертежей и фотографий (Грязнов М.П., 1980). При работе в научном архиве ИИМК РАН были обнаружены данные, имеющие непосредственное отношение к рассматриваемой теме: два вкопанных деревянных столба в камерах 29 и 31 (рис. 1). Эти камеры расположены одна за другой к северо-востоку от центрального сруба, при этом в клетке 31 кроме лошадей найдены две колоды с погребенными людьми – могилы 15 и 16. Представляется, что вертикальные столбы, вкопанные один за другим радиально относительно центра, могли являться стелами, аналогичными по смысловой нагрузке оленным камням. Если допустить, что круглый в сечении оленный камень стоял в центре над основной погребальной камерой, то картина радиального ряда стел будет полной.

Памятник, при раскопках которого было найдено самое большое количество оленных камней, был исследован Н.В. Полосьмак в Горном Алтае – одиночный курган Ак-Алаха-2. К сожалению, материалы этих раскопок полностью не опубликованы и в нашем распоряжении имеются только обобщенные описания и рисунки нескольких стел и вещей (Полосьмак Н.В., 1993, с. 20–27; Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Новиков А.В. и др., 2004, с. 68, 206). Памятник представлял собой плоскую вымостку, под которой зафиксирована ограда диаметром 24 м. Два параллельных ряда оленных камней, ориентированных по оси С–Ю, проходили рядом с оградой и были частично перекрыты развалом сооружения. С восточной стороны кургана располагался ряд из 13 стел, с западной – из семи. В центре располагалась погребальная камера – четырехугольная ограда 8х6,5 м на уровне горизонта. Над ней найден оленный камень высотой 0,43 м, овальный в сечении, с изображениями пояса, ножа, чекана и серег. Предметы, обнаруженные в разграбленной наземной гробнице, совершенно справедливо сопоставляются автором раскопок с материалами кургана Аржан. Это важно еще и тем, что подтверждает синхронность оленного камня из Аржана остальному комплексу, поставив точку в старой дискуссии.

Центрально-Азиатской экспедицией Государственного Эрмитажа исследован погребально-поминальный комплекс Аржан-2 (диаметр наземного сооружения 75 м, высота 2 м). На основании раскопок реконструируются этапы строительства, согласно которым существовало первичное сооружение в центре диаметром 45 м. В пределах комплекса обнаружены стела, встроенная в северную точку ограды, а также четыре оленных камня. Местоположение двух из них устанавливается достаточно определенно. Рассмотрим эти находки. Стела из продолговатого зеленого камня сохранила свое первоначальное положение. Она была прислонена к горизонтальной кладке стены сразу за оградой в самой северной ее части. У ее основания, заваленного крупными обломками скальной породы, зафиксировано скопление костей овцы. Нижняя часть большого оленного камня обнаружена в верхней части выкида из грабительской воронки в юго-западной части кургана. Камень сломан чуть выше изображения пояса с подвешенными к нему атрибутами – кинжалом, горитом, плетью и чеканом (?). Кроме этих рисунков на одной из граней выбита пятиугольная заштрихованная фигура и животное, выполненное очень схематично. Нижняя часть стелы имеет клиновидные очертания и без следов подработки. Местонахождение этой находки в грабительском отвале позволяет предположить первоначальное расположение оленного камня в центральной части кургана. В 20 м к югу от центра памятника при разборке кладки найден оленный камень, наклонно лежащий среди плит в нижней части наземной конструкции кургана. Стела общей длиной 120 см, имеет подпрямоугольное сечение, слегка скошенный верх с выделенной полосой-«диадемой». Все углы камня на 70 см от верха тщательно обработаны и скруглены. Нижняя часть, предназначенная для вкапывания, почти не обработана и несет следы лишь грубой оббивки. На одной из сторон – две выбитых одна под другой профильных фигуры: горный козел и кабан. Расположение этой стелы наклонно, нижней частью к земле позволяет предполагать нахождение ее на первоначальном месте. По-видимому, она была заложена камнями при возведении окончательного наземного сооружения. Место ее находки точно совпадает с линией окружности реконструированной первичной насыпи и границей глиняной радиальной «дорожки» от края кургана к центру. Таким образом, два оленных камня и стела образуют меридионально ориентированный ряд, делящий площадь кургана на две равные половины. При этом, представляется важным, что в данном случае ни одна из стел не связана непосредственно с погребениями, так как в центре кургана не было могильной ямы. Кроме того, после завершения определенного цикла погребально-поминальной церемонии камень, вероятно, утрачивал свое значение и мог быть перекрыт кладкой или переиспользован как строительный материал. Так, один из найденных камней обнаружен в одной из окружающих курган кольцевых оград с кальцинированными костями, где он был использован явно вторично. На этой стеле изображена серьга

с конусовидной подвеской (с противоположной стороны камень сколот) и три косые черты. Серия таких сережек найдена в могилах Аржана-2, что не позволяет сильно разнести по времени изготовление изображений на оленном камне и комплекс кургана.

Описанные выше памятники можно отнести к категории элитных погребально-поминальных комплексов. Они либо выделяются своими размерами из окружающих курганов, либо расположены достаточно изолированно и доминируют в ландшафте. Почти в каждом зафиксированы не один камень, а серии стел, в расположении которых обнаруживается определенная закономерность. Абсолютно преобладают находки оленных камней в восточных секторах памятников или к востоку от них. В Ак-Алахе-2 и Аржане-2 отчетливо выражена линейность установки стел, ориентированная меридионально. При условии первоначального местонахождения оленного камня в центре и с учетом деревянных столбов, не исключена она и в Аржане. Такое расположение коррелируется с «жертвенниками» Монголии (типа Ушкийн-Увэра), что едва ли может быть случайным.

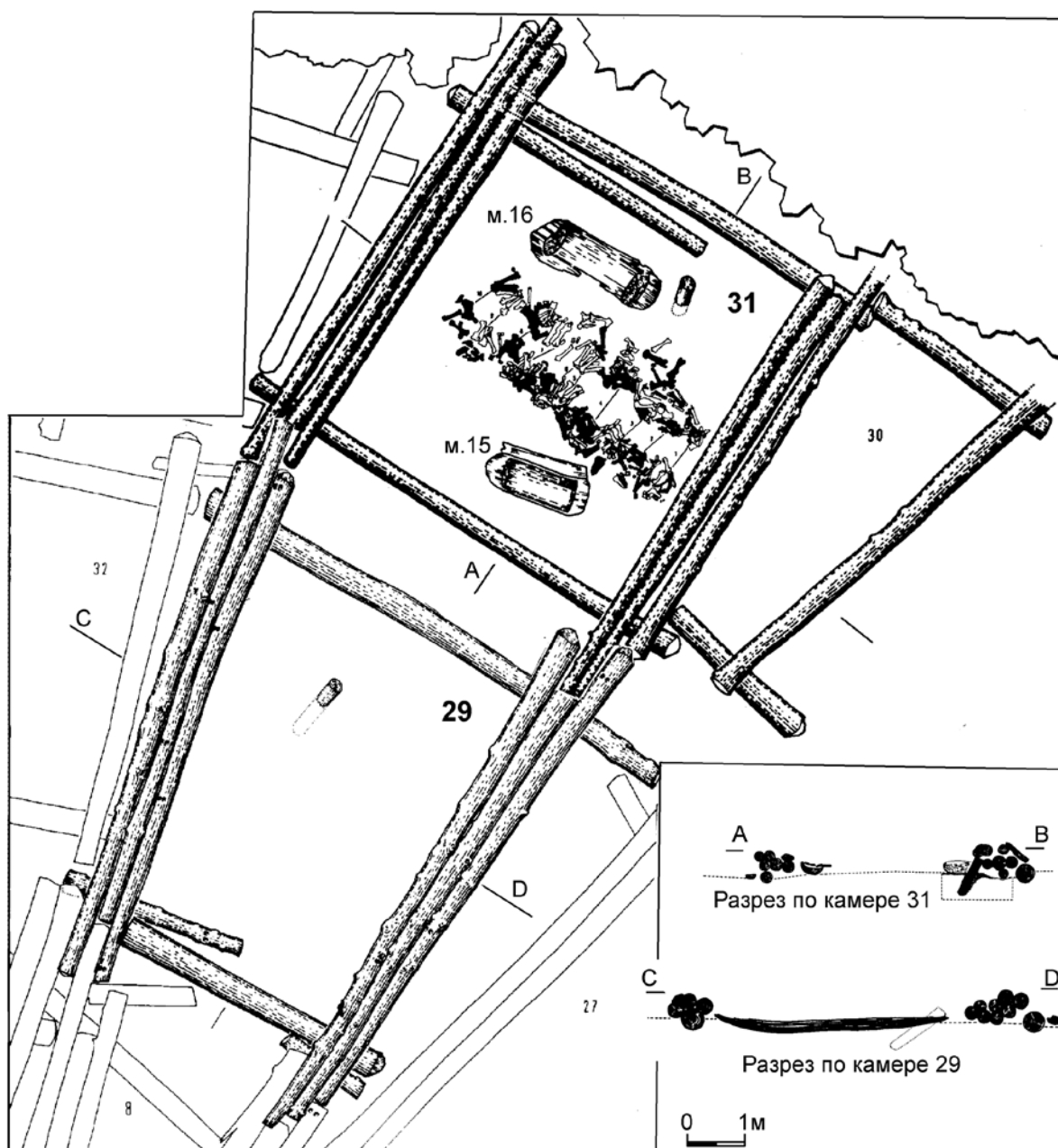

Рис. 1. Курган Аржан.
План и разрезы камер 29 и 31 из Научного архива ИИМК РАН

Оленные камни почти во всех рассмотренных комплексах относятся к саяно-алтайскому или общеевразийскому типу по В.В. Волкову, или к типам II и III по Д.Г. Савинову. Под насыпью кургана Холаш найдены стелы с изображениями оленей в манере монголо-забайкальских камней (подтип 2 типа I по Д.Г. Савинову), а у херексура Хар Говь один из оленных камней смешанного типа. Попутно можно отметить, что изображения на холашских стелах дошли до нас только благодаря тому, что были скрыты под насыпью, так как рисунки, выполненные на граните, практически не углублены и выделяются только более светлой поверхностью камня. Если бы они находились на открытом пространстве, выветривание и пустынный загар, несомненно, уничтожили бы их. Это наблюдение косвенно указывает на сравнительно небольшой промежуток времени между нанесением изображений и закрытие стел наземным сооружением кургана.

В хронологическом отношении пока только два из рассмотренных памятников имеют достаточно твердые датировки – Аржан и Аржан-2. В рядовых курганах аржанского (шанчигского) типа и алды-бельской культуры также не редки находки стел и оленных камней (Савинов Д.Г., 1994, с. 63–69). Курган Ак-Алаха-2 датирован по аналогии с материалами Аржана. На основании планиграфии оленных камней, напоминающей «жертвенные» комплексы Монголии, не исключена даже более ранняя хронологическая позиция этого памятника, уходящая в самое начало I тыс. до н.э. Традиция оленных камней и стел ярко выражена и в рядовых комплексах бийкенской культуры Алтая (Тишкин А.А., 1996, с. 20–52), элитным захоронением которой, по-видимому, является Ак-Алаха-2. Датировка херексуров с «лучами» началом раннескифского времени, вероятно, может рассматриваться пока только в качестве гипотезы, но то, что эти памятники необходимо выделять из числа всей массы планиграфически сложных погребально-поминальных комплексов – несомненно.

Е.В. Шелепова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

К ВОПРОСУ О «ПЕРЕИСПОЛЬЗОВАНИИ» «ОЛЕННЫХ» КАМНЕЙ В ПАМЯТНИКАХ ТЮРКСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Монументальная каменная скульптура является одним из важных источников для реконструкции социальной организации, мировоззрения древних и средневековых кочевников евразийских степей.

Особое место среди данного круга памятников занимают «оленные» камни, назначению которых в составе погребальных и ритуальных сооружений, а также семантике посвящена многочисленная литература.

На настоящий момент актуальными продолжают оставаться следующие проблемы:

- определение хронологических рамок бытования «оленных» камней;
- выявление их назначения в составе разных конструкций (погребальных, жертвенных и т.д.).

Данная работа является продолжением ранее предпринятых исследований (Шелепова Е.В., 2004, с. 65–67).

Одним из аспектов обозначенного комплекса вопросов является переиспользование «оленных» камней в составе разнотипных и разнокультурных памятников кочевников. Речь идет об установлении синхронности/асинхронности изваяния комплексу, в пределах которого оно найдено (Ольховский В.С., 2005, с. 17). Асинхронным изваяние становится в том

случае, если оно переиспользовано (для сооружения определенной конструкции) или переформлено (для моделирования новой скульптуры).

Произведенный подсчет показал, что количество «оленных» камней, использованных для тюркских изваяний на территории Алтая, Монголии и Тувы доходит до 50 экз. Также известно об изваяниях, выполненных на «оленных» камнях и установленных одиночно (территория Синьцзяна) (Худяков Ю.С., 1998, с. 217). Очевидно, дальнейшие исследования выявят новые памятники подобного рода.

В порядке размещения «переиспользованных» «оленных» камней в тюркских комплексах нами выделено четыре варианта:

1. Внутри оградки (один или два камня) (20 стел в 12 оградках) (Кубарев В.Д., 1980, с. 79; Марсадоллов Л.С., 1991, с. 53–54; Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., 1997, с. 95–96; Могильников В.А., 1992, с. 178, 188; Могильников В.А., Елин В.Н., 1983, с. 131; Волков В.В., 1981, с. 35, 36; 2002, с. 50–51, табл. 35.-1; Позднеев А.В., 1896, с. 217; Грач А.Д., 1961, с. 28, 50)

2. С восточной стороны оградки (25 изваяний и 25 оградок) (Кубарев В.Д., 1977, с. 211; 1979, с. 23–25, табл. VII.-3, 8; IX.-1, X.-1; 1980, с. 86–87; 1984, с. 175–176, табл. XLVII.-243; Савинов Д.Г., 1972, с. 286; Потанин Г.Н., 1885, с. 55; Волков В.В., 1981, с. 35, 111, табл. 129.-2–4; 2002, с. 50, 71–73, табл. 67.-1; Ольховский В.С., 1989, с. 52; Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д., Якобсон Е., 1998, с. 261; Борисенко А.Ю., Бямбодорж Ц., Худяков Ю.С., 2000, с. 245, 247, 249; Грач А.Д., 1961, с. 30–31; Евтюхова Л.А., 1952, с. 85, рис. 22.-1).

3. С северной стороны оградки (один случай) (Ожередов Ю.И., 2003, с. 144–152).

4. С южной стороны оградки (один случай) (Волков В.В., 1981, с. 76)

5. Использование в качестве балбалов (два случая) (Кубарев В.Д., 1979, с. 24–25; табл. X.-2).

6. «Оленный камень», зафиксированный в пределах памятника тюркской знати (Унгету, Монголия) (Боровка Г.И., 1927, с. 56–63; Волков В.В., 2002, с. 73–74, табл. 110; Войтов В.Е., 1987, с. 328; Ольховский В.С., 1989, с. 52, рис. 4.-2; Войтов В.Е., Волков В.В., Корневский С.Н., Новгородова Э.А., 1977, с. 587).

Факт использования «оленных» камней для тюркских изваяний объясняется одними исследователями с позиции близости идеологических представлений их создателей, другими – с точки зрения значимости «оленного» камня как строительного материала.

Отмечается несколько признаков сходства «оленных камней» и тюркских изваяний:

1. Совпадение карты нахождения: центральноазиатский регион (Монголия, Тува, Алтай, Восточный Казахстан) (Новгородова Э.А., 1981, с. 206).

2. Использование для изваяний камней из гранита, песчаника, сланца, определенных форм: подчетырехугольных, овальных, удлиненных (Шер Я.А., 1966, с. 11; Кубарев В.Д., 1979, с. 3, 92; 1984, с. 19–20; Волков В.В., 2002, с. 72;).

3. Установка в ряды. Ярким примером являются комплексы Ушкийн-Увер (Монголия) и Ак-Алаха-II (Республика Алтай) (Волков В.В., 1981, с. 62–66; Полосьмак Н.В., 1993, с. 21–28; Кубарев В.Д., 2004, с. 282–283). По мнению Д.Г. Савинова (1997, с. 127), подобные факты свидетельствуют о зарождении традиции установки вертикальных камней (изваяний, «балбалов») в памятниках скифского, хуннского и тюркского времени.

4. Восточная ориентировка и установка с внешней стороны разнообразных сооружений (тюркской оградки или плиточной могилы) (Савинов Д.Г., 1981, с. 234–236; 1987, с. 99; Кубарев В.Д., 1979, с. 92; Новгородова Э.А., 1981, с. 203; Марсадоллов Л.С., 1991, с. 57).

5. Являются важнейшим элементом ритуальной практики, связаны с обрядом жертвоприношений (Волков В.В., 1981, с. 83; Кубарев В.Д., 1979, с. 92; Савинов Д.Г., 1994, с. 139; 1997, с. 234–236)

6. Ряд общих атрибутов: гривны, пояса, оружие, головные уборы, серьги и др.) (Кубарев В.Д., 1979, с. 93; Новгородова Э.А., 1981, с. 206–207).

7. Антропоморфный характер (изображение лица, переданное схематично на большинстве «оленных» камней и реалистично на тюркских изваяниях) (Савинов Д.Г., 1981, с. 233–234; Кубарев В.Д., 1979, с. 3).

Датировка «оленных» камней осуществляется в основном по предметам вооружения и укладывается в период с X по V–IV вв. до н.э. (Новгородова Э.А., 1975, с. 291; 1989, с. 173–235; Цыбиктаров А.Д., 2002, с. 87–95; Марсадолов, 2000, с. 16; Ковалев А.А., 2001, с. 160–165). Н.Л. Членова (1998, с. 155–156, 162–164) полагает, что создатели «оленных» камней были знакомы с изображениями «скифских оленей»; по убедительным аналогиям – предметам изображенным на них (ножи, серьги, характерные для тагарской культуры) камни монголо-забайкальского типа они могут датироваться в более узких пределах VII–IV вв. до н.э.

Идея построения эволюционных рядов зарождения и развития кочевнической скульптуры выглядит, на первый взгляд, весьма привлекательной. Тогда необходимо выявление конкретных «рядов преемственности», которые бы демонстрировали наличие генетических «кодов».

По мнению Д.Г. Савинова (1994, с. 89–90; 1997, с. 127), зарождение традиции возведения поминальной скульптуры приходится на окуневское время и раннескифский период («оленные камни»). С распространением пазырыкского влияния на рубеже VI–V вв. до н.э. монументальная скульптура не возводится, но идея ряда и установки вертикальных камней не исчезает («балбалы» и стелы пазырыкских могильников) (Савинов Д.Г., 1978, с. 49; 1987, с. 100; Могильников В.А., Елин В.Н., 1983, с. 140). Точка зрения Э.А. Новгородовой (1989, с. 215) близка: необработанные стелы скифской эпохи могли стать прообразом тюркских балбалов.

Действительно, обнаруживается определенное сходство в приемах оформления окуневских стел и «оленных камней»: доминирование солярных знаков, наличие признаков антропоморфности (на окуневских стелах это своеобразные маркеры органов чувств), установка рядами, ориентировка в восточном направлении, сопровождение жертвоприношениями (Ольховский В.С., 1989, с. 60; Подольский М.Л., 1987, с. 127–133; Савинов Д.Г., 1994, с. 88–89, 142–143).

В то же время, важным отличием в изображениях является помещение личины в разных частях камня (на окуневских стелах – как правило, в средней части и только в верхней части на «оленных камнях»), присутствие оружия на «оленных» камнях и его отсутствие на окуневских стелах и др. (Подольский М.Л., 1985, с. 112; 1987, с. 131). Такое различие в космогонических представлениях исключает их «близкородственность» (Ольховский В.С., 1989, с. 60). Окуневские изваяния связаны с мифологическими сюжетами и образами (Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А., 1980, с. 72–73; Савинов Д.Г., 1994, с. 89).

В период сооружения «оленных» камней они устанавливались в конструкции с разнотипными и разнокультурными сооружениями. Так, на территории Центральной Азии такие изваяния территориально и хронологически близки херексурам и плиточным могилам (Цыбиктаров А.Д., 2000, с. 101). Тогда же «оленные» камни использовались «вторично».

Так, в оградах плиточных могил и на жертвенниках они устанавливались в перевернутом положении (Савинов Д.Г., 1994, с. 160; Членова Н.Л., 1998, с. 151–152; Цыбиктаров А.Д., 2000, с. 98; Цыбиктаров А.Д., Данилов С.В., 2000, с. 105; Ольховский В.С., 2005, с. 90). В данном случае «оленные» камни были адаптированы в новом смысле (Коновалов П.Б., 1992, с. 113).

Промежуточным звеном между «оленными» камнями и тюркскими изваяниями можно рассматривать стелы таштыкской культуры, которые в семантическом плане обнаруживают

черты сходства как с первыми, так и со вторыми (Савинов Д.Г., 1981, с. 239–240; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 1994, с. 100). В конструкции ритуальных сооружений «гунно-сарматской» эпохи (булан-кобинская культура на Алтае и таштыкская в Туве и Хакасско-Минусинской котловине) и тюркской культуры имеется ряд принципиально близких моментов. На некрополях «гунно-сарматской» эпохи (II в. до н.э. – V в. н.э.) это разнообразные каменные столбики и обелиски, установленные в головах погребенных мужчин или рядами за пределами кургана, сооружения наподобие ящичков, в своей основе приближающиеся к тюркским оградкам, ямки с сосудами (Матренин С.С., Шелепова Е.В., 2007, с. 86–87).

На основе антропологических материалов и результатов археологических исследований установлено, что формирование тюркской культуры на территории Алтая происходило на фоне ассимиляции ряда компонентов местной булан-кобинской культуры (Могильников В.А., 1995, с. 143–144; Поздняков Д.В., 2001, с. 142–153).

В скифское время на территории Северо-Западной Монголии, Алтая и в Туве известны случаи использования «оленных» камней для перекрытия каменных ящиков погребений V–III вв. до н.э. (пазырыкская и саглынская культуры), в качестве «балбалов» у курганов скифского времени (Могильников В.А., 1980, с. 70; Волков В.В., 1981, с. 25, 58–59, 82; Савинов Д.Г., 1994, с. 31; Кубарев В.Д., 1997, с. 145; Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д., Якобсон Е., 1998, с. 261). Это свидетельствует о существовании групп населения, не знакомого с традициями возведения памятников типа «оленных» камней, несмотря на то, что последние могли в какой-то отрезок времени сосуществовать с обозначенными культурами.

В хуннское время с помощью «оленных» камней производилась забутовка и укрепление погребений (Новгородова Э.Б., 1981, с. 206). Также они устанавливались у тюркских и уйгурских погребений (Савинов Д.Г., 1994, с. 41, 47).

Отсутствие «промежуточных рядов» исключает наличие «преемственности» между «оленными» камнями и тюркскими изваяниями. «Оленные камни» не являлись объектами особого почитания тюрок и использовались лишь как подходящий строительный материал.

Стелы более раннего времени могли привлекать тюркских мастеров формой, размерами и, прежде всего, как целостная заготовка для будущей скульптуры (Плотников Ю.А., Худяков Ю.С., 1987б, с. 111). Подбирались камни относительно хорошей сохранности, из прочной и твердой породы, не носившие следов значительных повреждений (Кубарев В.Д., 1979, с. 27). Это могли быть и окуневские стелы (Кубарев В.Д., 1984, с. 125).

Для нанесения реалий выбиралась относительно «чистая» поверхность, нередко противоположная той, на которой были помещены изображения более раннего времени. Использовались также боковые, узкие грани «оленного камня» (Плотников Ю.А., Худяков Ю.С., 1987а, с. 19, 193, рис. 1.-10; Волков, 2002, с. 71–73, табл. 67.-1). Иногда тюркские изображения «перекрывают» реалии «оленных камней» (Волков В.В., 1981, с. 21, 36; 2002, с. 51; табл. 35.-1), «забивались» также фигурки животных (оленей) (Ожередов Ю.И., 2003, с. 147, рис. 2.-б, с. 150).

Некоторые «оленные» камни использовались тюрками без дополнительной обработки (Кубарев В.Д., 1979, с. 22–25; 1980, с. 86–87; Савинов Д.Г., 1971, с. 286; Эрдейи И., 1978, с. 143; Грач А.Д., 1961, с. 50; Бородовский А.П., 1994, с. 76, рис. 6.-5; Марсадолов Л.С., 1991, с. 53). Данный факт может объясняться трудностями в обработке камня либо отсутствием необходимости для нанесения соответствующих реалий, значимости камня прежде всего как символа вертикальной оси.

«Оленные камни» не всегда помещались «лицевой» стороной на восток, как тюркские изваяния. К примеру, юстыдский «оленный камень» установлен иначе: на юго-запад, что «свидетельствует об утрате понимания символики и традиции их установки, о вторичном использовании камня в качестве каменной стелы или изваяния» (Кубарев В.Д., 1979, с. 24; Марсадолов Л.С., 1991, с. 57).

К тому же редко встречающиеся изображения человеческого лица на «оленных камнях» имеют явно не монголоидные очертания (Эрдей И., 1979, с. 138). Результаты недавних исследований социальной организации, мировоззрения населения раннескифского времени показали его принципиальное отличие от пазырыкской и, тем более, от тюркской (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003, с. 167).

Приведенные наблюдения дополнительно подтверждают отсутствие у тюрков четких представлений о символике и смысле изваяний скифского времени. Необходимо учитывать также конкретное расположение скульптуры в пределах погребально-поминального комплекса.

Подтверждением отсутствия понимания символики «оленных» камней тюрками является случай их использования в качестве стенок оградки (Волков В.В., 2002, с. 108).

Очевидное сходство в содержании некоторых атрибутов (изображение символов воина, героя и т.д.) и порядке их размещения на камне объясняется некоторыми мировоззренческими схемами, которые отражают специфику существования кочевых сообществ. Исследователями давно установлена важная роль военного дела для кочевых обществ на протяжении длительного промежутка времени (Худяков Ю.С., 1997, с. 9–11; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003, с. 202).

«Оленные» камни и тюркские изваяния следует рассматривать, прежде всего, как феномен воинской скульптуры. Так, Ю.С. Худяков (1987, 158–160) интерпретирует символику «оленных камней» как изображения воинов-колесничих. Другие исследователи видят в них модификацию общераспространенного культа предков (Новгородова Э.Б., 1980, с. 123). На это указывают изображения косых линий, которые, по мнению Д.Г. Савинова (1994, с. 91), являются символической границей между миром живых и миром мертвых.

При расчленении антропоморфного образца тюркской скульптуры важны такие элементы как сосуд, орнаментированный пояс, оружие, элементы одежды, в ряде случаев форма прически, тип головного убора, украшения (серьги, гривны, браслеты и ожерелья) и др. Большинство названных атрибутов относится к военным, отражающим особое отношение тюрков к военному делу (Ермоленко Л.Н., 1998, с. 65). Они также являлись показателем знатности, высокого социального статуса и богатства воина или представителя кочевой аристократии (Шер Я.А., 1966, с. 57–58; Волков В.В., 1981, с. 96; Кубарев В.Д., 1984, с. 22–29, 39).

«Оленные» камни не изображают воина как такового, а только маркируют его некоторыми выбитыми на камне предметами воинской атрибутики. Если «оленные» камни являются семантическим эквивалентом мирового древа, столба, фаллоса, то есть связаны с космическими силами и законами природы (принцип деления камня на три зоны), то тюркские изваяния представляют собой образец антропоморфной изобразительной схемы (Раевский Д.С., 1983, с. 52; Мелетинский Е.М., 1976, с. 213–214; Ольховский В.С., 2005, с. 86).

Символика изображений на «оленных камнях» несет в себе двойное значение, с одной стороны отражая представления о строении мироздания, а с другой – являясь воплощением (зачастую схематичным и идеальным) антропоморфного образа (Новгородова Э.Б., 1989, с. 216; Савинов Д.Г., 1994, с. 84; Могильников В.А., 1980, с. 68–72). Изображения животных (оленей, лошадей, лосей, кабанов), нанесенные на поверхность «оленного» камня, отражают различного рода этнические представления, тотемистические и анимистические верования (Новгородова Э.Б., 1989, с. 219; Килуновская М.Е., 1993, с. 97–98).

Сюжеты на «оленных камнях» связаны также с поклонением силам и стихиям природы (культ солнца) (Волков В.В., 1981, с. 96; Маннай-Оол М.Х., 1970, с. 27; Килуновская М.Е., 1987, с. 104).

Важным, на наш взгляд, аспектом при сравнении символики изваяний скифского и тюркского времени является их социальноопределяющая функция.

Среди образцов тюркской скульптуры представляется возможным обозначить «рядовые» комплексы и памятники знати (типа орхонских) (Бичурин Н.Я., 1950, с. 230; Войтов В.Е., 1985, с. 117; Кляшторный С.Г., Лившиц В.А., 1978, с. 41; Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., 2000, с. 12).

«Оленные» камни семантически полиморфны, хотя ряд исследователей в редких изображениях личины на них видят социальный маркер. Этим, по их мнению, объясняется немногочисленность подобного рода изображений (Могильников В.А., 1980, с. 71).

Таким образом, проведенное исследование показало, что верхняя граница времени сооружения «оленных» камней ограничивается появлением памятников пазырыкского типа. Уже в эпоху поздней бронзы и раннескифское время зафиксированы случаи их переиспользования. В скифское время они использовались как строительный материал и устанавливались в качестве «балбалов». В период существования тюркской культуры «оленные» камни использовались для моделирования изваяний, а также балбалов, то есть служили удобным строительным материалом.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ

В.В. Горбунов, А.А. Тишкин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ ТЮРКСКОГО ВРЕМЕНИ НА ЯЛОМАНСКОМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ*

Территория Горного Алтая – один из регионов Азии, где сосредоточены поминальные комплексы тюркской культуры. Их количество в несколько раз превышает известное число погребальных сооружений (курганов). Основными элементами тюркских поминальников являются: оградка, изваяние, балбалы. Самым заметным объектом, несомненно, выступает каменное изваяние. Публикации изваяний, найденных в Горном Алтае насчитывают десятки заметок, статей, разделов в книгах, монографию и каталог (наиболее полные списки см.: Кубарев В.Д., 1984, 2001; Худяков Ю.С., 2002). Практически каждый полевой сезон приносит новые находки такого рода, и оперативное введение их в научный оборот сохраняет свою актуальность.

С 2001 г. экспедициями Алтайского государственного университета ведутся работы на Яломанском археологическом микрорайоне (Онгудайский район Республики Алтай), где наряду с многочисленными погребальными памятниками (от энеолита до средневековья) выявлено шесть групп тюркских поминальников (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Матренин С.С., 2004). Они компактно расположены на участке четвертой надпойменной террасы в устье р. Большой Яломан и включают 85 оградок, 40 изваяний и 31 балбал. Тахеометрическая съемка дала возможность установить особенности их планиграфии и сохранившиеся внешние параметры, а выборочные раскопки ряда объектов позволили получить данные об устройстве и изначальных размерах (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003). Не останавливаясь подробно на характеристике оградок, вполне стандартных для Горного Алтая, обратим основное внимание на анализ вертикально установленных камней: изваяний и балбалов.

На памятнике **Яломан-II** интересующая нас группа объектов состоит из восьми оградок, расположенных на северо-западной окраине могильника булан-кобинской культуры. Две оградки (№1–2) являются смежными, с одной общей стенкой. У северных стенок установлено три изваяния, от двух из которых, более крупных, отходит по ряду из трех балбалов. Эти объекты были исследованы единым раскопом. *Изваяние оградки №1* сделано из обработанного камня близкого по объему к параллелепипеду. Оно было вертикально установлено в яму овальной формы, размерами 0,45х0,4 м, углубленную в материк на 0,35 м, в 0,2 м от стенки оградки. Его размеры такие: длина 90 см, наибольшая ширина 31 см, наибольшая толщина 20 см. Верхняя часть изваяния приострена, посередине с «лицевой» стороны имеется четко выбитый уступ-поясок, нижняя часть заужена. Изваяние «лицевой» частью обращено к северу. *Первый балбал* вкопан на расстоянии 1,15 м севернее изваяния и сделан из обработанного камня размерами 0,58х0,21х0,2 м. Верхняя часть балбала имеет Г-образную форму, посередине с «лицевой» стороны есть выступ-поясок, нижняя часть немного скошена. Он вертикально установлен в яму овальной формы размерами 0,25х0,2 м, углубленную в материк на 0,25 м. *Второй балбал* вкопан на расстоянии 1,15 м севернее первого и сделан из обработанного камня размерами 0,65х0,44х0,18 м. Он вертикально установлен в яму овальной формы размерами 0,3х0,2 м, углубленную в материк на 0,25 м. Верхняя часть имеет форму выделенного треугольника, нижняя заострена. *Третий балбал* вкопан на расстоянии 1,6 м севернее второго и сделан из обработанного камня размерами 0,39х0,18х0,1 м. Он вертикально установлен в яму овальной формы размерами 0,25х0,12 м, углубленную в материк на 0,35 м. Верхняя часть заострена,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №06–01–60105а/Т).

а нижняя округлена. *Первое изваяние оградки №2* вкопано на расстоянии 0,1 м от стенки и обращено «лицевой» частью к северу. Оно сделано из обработанного каменного параллелепипеда и было вертикально установлено в яму округлой формы, размерами 0,25x0,25 м, углубленную в материк на 0,4 м. Размеры изваяния такие: 95x23x25 см. Верхняя часть его закруглена и имеет заметное расширение, придающее шаровидную форму с более сильным выступом «лицевой» части. Посередине «лицевой» стороны имеется выступ-поясок. Нижняя часть изваяния прямая. *Второе изваяние оградки №2* вкопано на расстоянии 0,2 м от стенки и в 0,3 м восточнее первого. Оно сделано из обработанного камня и было вертикально установлено в яму овальной формы, размерами 0,22x0,15 м, углубленную в материк на 0,22 м. Размеры изваяния следующие: 53x21x12 см. Верхняя часть имеет Г-образную форму, посередине «лицевой» стороны (ближе к низу) фиксируется выступ-поясок, нижняя часть заострена. Изваяние «лицевой» частью обращено к северу. *Первый балбал* вкопан на расстоянии 1,4 м севернее изваяния-1 и сделан из обработанного камня размерами 0,68x0,3x0,15 м. Верхняя часть балбала имеет неправильно Т-образную форму, посередине «лицевой» стороны есть выемка-поясок, нижняя часть заострена. Он находился в наклонном положении в яме овальной формы размерами 0,3x0,18 м, углубленной в материк на 0,2 м. *Второй балбал* вкопан на расстоянии 1,1 м севернее первого и сделан из обработанного камня размерами 0,55x0,16x0,11 м. Верхняя часть его имеет шаровидную форму, нижняя округлена, посередине «лицевой» стороны есть выступ-поясок. Балбал находился в наклонном положении в яме овальной формы размерами 0,35x0,14 м, углубленной в материк на 0,2 м. *Третий балбал* вкопан на расстоянии 1,75 м севернее второго и сделан из обработанного камня размерами 0,46x0,16x0,18 м. Верхняя часть балбала имеет Г-образную форму, нижняя заострена. Балбал вертикально установлен в яму овальной формы размерами 0,25x0,2 м, углубленную в материк на 0,2 м. Описанный комплекс после раскопок полностью восстановлен и представляет собой своеобразную музеефицированную площадку.

Четыре следующие оградки (№6–9) памятника Яломан-II образуют две рядом стоящие пары. Объекты расположены параллельно друг другу на близком (менее 1 м) расстоянии. Все они у северных стенок имеют вкопанные изваяния (фиксируемая высота 0,29–0,39 м), от двух из которых (№7–8) отходят ряды балбалов. У оградки №7 – три балбала (высотой 0,11–0,23 м), у оградки №8 – 11 балбалов (высотой 0,05–0,26 м). В последнем ряду есть существенные пробелы, а его общая длина составляет 44,5 м.

Еще две оградки (№3–4) являются одиночными, т.е. не имеющие с другими объектами прямой архитектурной связи. Оградка №3 была раскопана, а затем полностью восстановлена и музеефицирована. У восточной стенки (посередине) установлено изваяние из обработанного камня. Оно находилось в полуповаленном положении в яме овальной формы, размерами 0,3x0,25 м, углубленной в материк на 0,15 м. Размеры изваяния такие: 98x25x20 см. Верхняя часть имеет Г-образную форму, нижняя слегка приострена. Изваяние «лицевой» частью обращено к востоку. Оградка №4 также у восточной стенки имела изваяние (0,56 м). Это настоящая скульптура с выбитой головой, глазами, носом и намеченными плечами. Фотография этого нераскопанного комплекса опубликована (Тишкин А.А., 2006, с. 11).

На памятнике **Яломан-IV** насчитывается семь одиночных оградок, составляющих самостоятельный комплекс. У западных стенок пяти объектов (№1–5) установлены изваяния (высотой 0,22–0,82 м).

На **Яломане-V** зафиксировано 29 оградок, расположенных вокруг цепочки курганов пазырыкской культуры. Из них 21 объект представляет одиночные сооружения (№1, 18, 21, 23–31, 37–38, 40–45, 48), а восемь образуют четыре смежные пары (№10–11, 19–20, 35–36, 46–47). Особо крупными размерами выделяется оградка №1, у южной стенки которой пристроен большой ящик, а у восточной располагались два изваяния. Одно стоит на месте (высотой 0,8 м). Другое повалено и сломано на две части, его общая длина 1,8 м. Верхняя часть имеет Г-образную форму. У оградки №19 изваяние стоит у северной стенки, его высота 0,62 м.

Оградки №10 и №25 имеют с севера по одному изваянию (высотой 0,8 и 0,67 м) и балбалу (высотой 0,62 и 0,38 м соответственно). У оградок №37 и 41 с запада обнаружено по одному изваянию (высотой 0,43 и 0,32 м) и балбалу (высотой 0,36 м и 0,18 м). У западной стенки оградка №42 находится изваяние высотой 0,42 м над современной поверхностью.

На памятнике **Яломан-VI** насчитывается 23 оградки, сосредоточенных вокруг двух цепочек курганов пазырыкской культуры. 16 объектов представлены одиночными сооружениями (№1–6, 9, 20, 32–35, 37, 39, 60–61), четыре составляют две смежные пары (№7–8, 38а–38б), а три – смежный ряд (№57–59). Оградки №4, 57 и 58 имеют с востока по одному изваянию (высотой 0,19, 0,52 и 0,77 м соответственно). У оградок №7, 20, 34 и 61 расположены с востока по одному изваянию (высотой 0,73, 0,7, 0,48 и 0,59 м) и балбалу (высотой 0,2, 0,53, 0,43 и 0,19 м). У оградка №38б с запада находится одно изваяние высотой 0,37 м. У оградка №60 к северу обнаружено одно скульптурное изваяние (0,34 м), у которого оказалась отбита голова, но сохранилась остальная часть.

Группа **Яломан-VII** представлена 15 оградками, образующими самостоятельный комплекс. Семь объектов являются одиночными сооружениями (№1–2, 8, 11–13, 16), четыре оградки расположены рядом в параллельной линии (№4–7), две оградки смежные (№9–10) и еще две рядом стоящие (№14–15). Оградки №4–7 исследованы единым раскопом. У трех из них с востока зафиксированы изваяния. *Изваяние оградки №4* (рис. 1.-1) было вкопано посередине и вплотную к стенке. Его верхняя треть оказалась отбита и лежала на оградке (Тишкин А.А., 2006, с. 11). Изваяние сделано из плоской каменной плиты со следами обработки и было вертикально установлено в яму овальной формы, размерами 0,4х0,2 м, углубленную в материк на 0,5 м, плоскостью параллельно стенке оградки. Его размеры такие: 150х43х19 см. В верхней трети изваяния выбито изображение лица человека (рис. 2). Оно каплевидной формы, размерами 38х33 см. Глубокими канавками передан общий контур и глаза, рельефными линиями изображен Т-образный нос и рот, неглубокой выбивкой (возможно, вытиранием) проработана поверхность под глазами, вокруг носа и рта, в этой же технике показаны усы. Изваяние первоначально лицом было обращено к востоку. *Изваяние оградки №6* (рис. 1.-2) вкопано также посередине и вплотную к стенке. Оно сделано из обработанной плоской каменной плиты и было вертикально установлено (впоследствии сильно наклонилось вперед) в яму овальной формы, размерами 0,35х0,2 м, углубленную в материк на 0,25 м. Его размеры следующие: 78х43х22 см. В верхней части изваяния выбито изображение лица человека (рис. 3 и 4). Оно каплевидной формы, размерами 33х28 см. Широкой и более глубокой канавкой передан общий контур лица. В той же технике, но более мелко проработаны глаза, Т-образный нос и рот. Изваяние лицом обращено к востоку. *Изваяние оградки №7* вкопано посередине и вплотную к стенке, сделано из плоской каменной плиты со следами обработки. Оно было вертикально (впоследствии слегка отклонилось назад) установлено в яму овальной формы, размерами 0,45х0,18 м, углубленную в материк на 0,25 м. Его размеры: 92х42х18 см. Изображения на изваянии не зафиксировано. Вероятно, они не сохранились, так как поверхность каменной плиты имеет очень плохую сохранность. В этой же оградке найдены железные удила, типологические особенности которых позволяют датировать данный объект не позднее середины VII в. н.э. (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003, с. 492–493).

Еще у трех оградок Яломана-VII зафиксированы вертикально вкопанные камни у восточных стенок. У оградки №8 – изваяние (0,28 м), возле оградки №11 – изваяние (0,53 м) и балбал (0,47 м), а у оградки №12 – изваяние (0,32 м) и два балбала (0,16–0,22 м).

Группа оградок на памятнике **Яломан-VIII** состоит из трех объектов, расположенных поблизости от цепочки курганов пазырыкской культуры. Две оградки (№7–8) имеют смежную конструкцию, оградка №10 одиночная. Возле западной стенки каждой оградки находится по одному изваянию (высотой 0,43 м, 0,39 м и 0,6 м).

В целом обследованный участок террасы представлял собой крупное культовое место, весьма долго функционировавшее в тюркское время. Количество выявленных там объектов,

особенно в отношении изваяний и балбалов нельзя считать окончательным, так как все группы поминальников, кроме Яломана-II, находятся на поле, которое подвергалось интенсивной распашке в советский период. Многие сооружения имеют следы разрушений, а значительная часть изваяний и балбалов могла быть смещена со своих мест и утрачена. Тем не менее почти половина яломанских оградок снабжена изваяниями, а отдельные объекты имеют по два изваяния (Яломан-II, оградка №2; Яломан-V, оградка №1). Обращает на себя внимание тот факт, что из 40 обследованных изваяний, только четыре изображают человека. Из них два камня представляют собой скульптуры (Яломан-II, оградка №4; Яломан-VI, оградка №60), а еще два – только личины, выбитые на специально подготовленных плоских камнях (Яломан-VII, оградки №4 и №6). Остальные камни по виду являются обычными стелами, но их внимательный осмотр и особенно полное изучение в процессе раскопок, показывает наличие определенных антропоморфных черт, например: выступа-пояска, приостренного, закругленного или Г-образного навершия. Эти же черты в определенной мере присущи и балбалам.

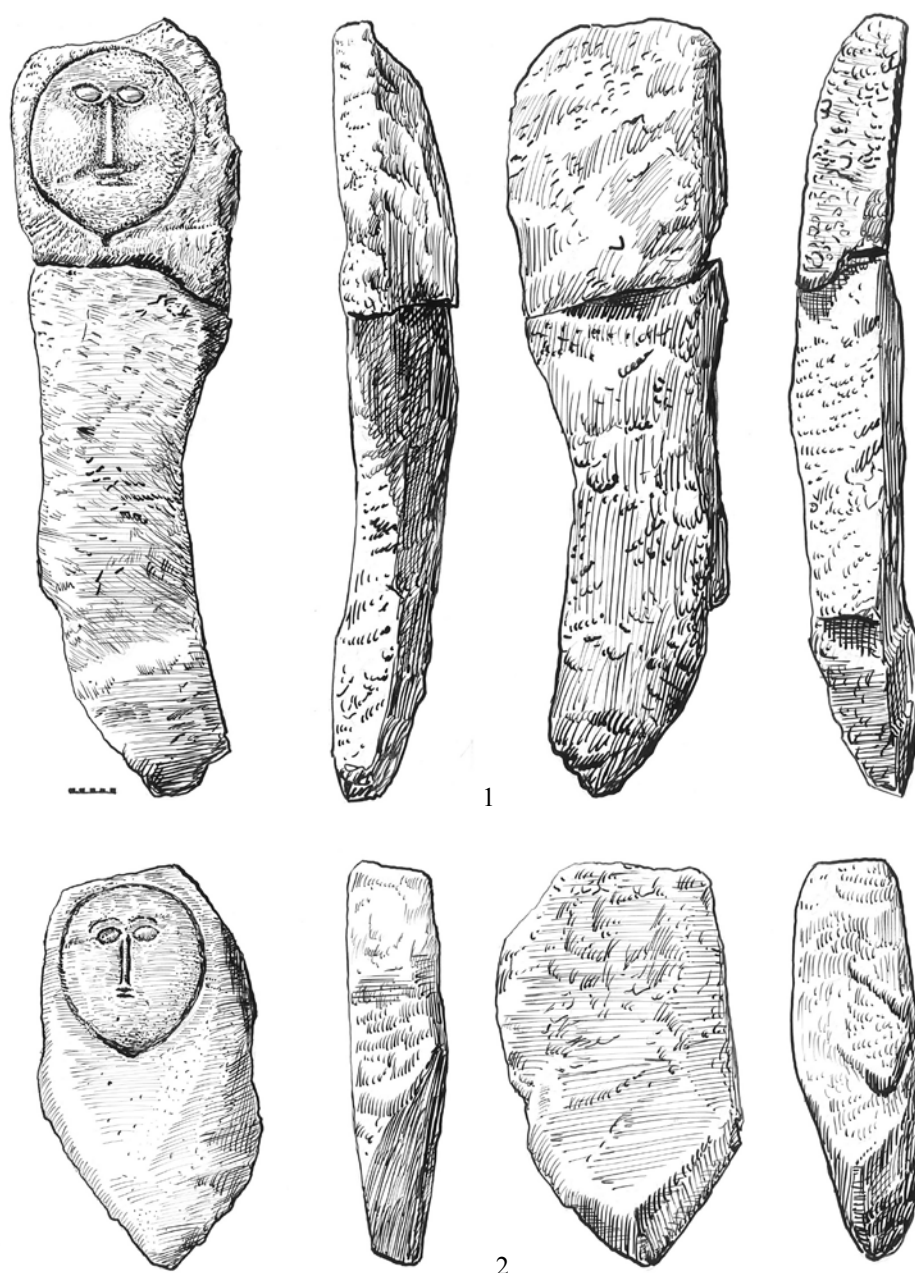

Рис. 1. Яломан-VII. Изваяния, обнаруженные у оградок №4 (1) и №6 (2)

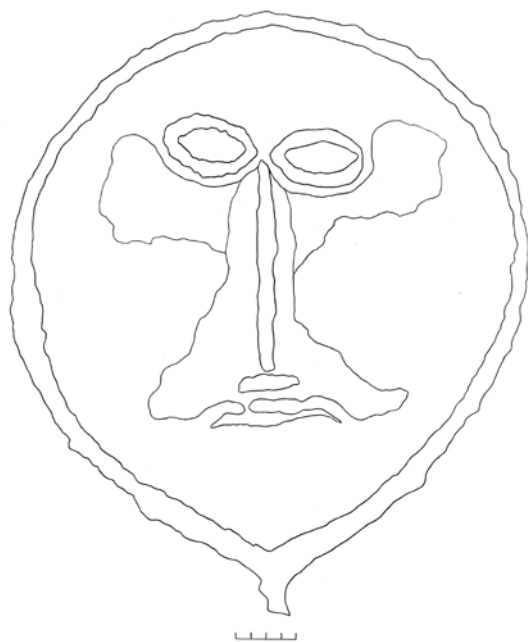

Рис. 2. Яломан-VII. Прорисовка лица человека с изваяния у оградки №4

Рис. 3. Яломан-VII. Прорисовка лица человека с изваяния у оградки №6

Рис. 4. Яломан-VII. Изображение лица человека на изваянии, стоящей у оградки №6 (фото)

Интересную информацию дает планиграфическое соотношение изваяний и балбалов с оградками. Так из 38 объектов с данными элементами, только у 16 оградок зафиксировано классическое расположение изваяний и балбалов с востока, 10 оградок имеют такие камни

с северной стороны, а 12 оградок – с западной. Встречаются группы с «чистой» ориентацией: Яломан-VII – только восточная, Яломан-IV и Яломан-VIII – только западная. На Яломане-II присутствует две ориентации восточная и северная, при явном преобладании последней. В группах Яломана-V и Яломана-VI есть все три разновидности, причем в первой их них преобладают север и запад, а во второй восток. Большое количество оградок с разной ориентацией изваяний и балбалов в пределах одного комплекса, безусловно требует серьезных объяснений, тем более что такая ситуация встречается и на других тюркских поминальниках Горного Алтая и за его пределами (Кубарев В.Д., 2001, с. 28). Этот факт может свидетельствовать как о хронологических, так и внутрикультурных различиях. Его успешное решение нам видится в систематических раскопках в пределах таких поминальных комплексов. Большие перспективы в этом отношении содержат тюркские оградки, изваяния и балбалы Яломана.

Б.Б. Дашибалов

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ,
Россия*

К АРХЕОЛОГИИ КЫПЧАКОВ: КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ КУЛЬТУРАХ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ*

Летом 1992 г. Байкальской археологической экспедицией проводились раскопки на юге Бурятии, недалеко от села Усть-Кяхта. На одном из отрогов горы Черной исследовано три кургана саянтуйской культуры. Совершенно новой традицией, ранее не известной для нашего региона, стала находка каменной стелы, установленной возле одного из захоронений. После полной зачистки камня стало ясно, что мы имеем дело с примитивно обработанной, но вполне узнаваемой антропоморфной «скульптурой». Первоначально она, очевидно, стояла вертикально, а уже потом упала или ее уронили – сказать трудно. Чуть в стороне расчищено несколько камней, где две большие плиты лежали с зазором, куда могло бы войти основание изваяния. Вполне возможно, что это и есть камни крепиды.

Изваяние выполнено из мощной плиты гнейса прямоугольной формы длиной 105, шириной 50 и толщиной 18 см. Средневековый мастер отколол камень и обозначил плечи и голову скульптуры. На то, что плита является изваянием, указывает и расположение ее с восточной стороны кургана. Именно на этой стороне устанавливались тюркские и кимакские статуи (Могильников В.А., 1981, с. 44).

В дальнейшем сходная стела была обнаружена при исследовании саянтуйских захоронений Суджинского могильника в Ильмовой пади. Итак, две антропоморфные скульптуры, получены при изучении кочевнических могил на юге Бурятии. Расстояние между этими могильниками в пределах 10–15 км.

В раннем средневековье традиция установки каменной скульптуры характерна для тюрков Южной Сибири, Центральной и Западной Монголии, а позднее она продолжается у кимако-кыпчаков и половцев (Чариков А.А., 1980). Для археологии Восточной Сибири каменные изваяния не присущи, хотя якуты в память умершего вырезали из дерева человеческое изображение и ставили ему куски пищи и мазали рот маслом (Приклонский В.Л., 1890, с. 169). Отмечены у якутов случаи установки на могилах *баалбаах* – человеческих

* Выполнено при поддержке грантов РФФИ (проекты №№ 05-06-80183; 06-06-88011); и в рамках Программы Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям». Проект 21.1.

истуканов из навоза (Антонов Н.К., 1971, с. 159). Интересна попытка сопоставления стилистики якутских женских фигурок из кости с иконографией половецких «баб» юга России (Якунина Л.И., 1960).

Рассмотрим еще одну традицию, появившуюся в Юго-Восточной Сибири в первой половине II тысячелетия н.э. Это обычай установки в надмогильной насыпи вертикально стоящего камня. Этот камень не так часто встречается, но характерен для могил саянградской культуры. Даже во время разведки обнаружение этого вертикально стоящего камня на кургане позволяет без раскопок относить памятник к захоронениям саянградской типа. Камень устанавливался или в центре кладки, или в северо-восточной части, то есть там, где находилась голова умершего, можно говорить, что он ставился в изголовье. Камень не обрабатывался, это естественные рваные плиты гнейса вытянутых удлиненных форм. Меньшая часть камня углублялась в насыпь и заставлялась со всех сторон плитами так, чтобы камень не шатался и не упал, а длинная сторона, даже при сильной задернованности кургана, все равно была видна на поверхности.

В исторической литературе такая традиция отмечена в китайской летописи «Бэй ши», повествующей о тюрках. В ней говорится, что после похорон тюрки устанавливают на могиле каменный столб (по Кызласову Л.Р., 1964, с. 28). В.А. Грач в Туве раскопал два погребения – Хемчик-Бом, VI (3 и 4). В обеих насыпях в центре установлена четырехгранная стела (Грач В.А., 1975).

Традиция установки столба в голове погребенного сохранилась у тюркоязычных народов Южной Сибири (тувинцы, различные группы хакасов: койбалы, бельтиры, качинцы) до XVIII–XIX вв. (Худяков Ю.С., 1993, с. 159–160). Л. Р. Кызласовым при раскопках могил поздних кочевников Казахстана выявлен обычай, который выражался в обязательно торчмя установленной плите, врывающейся в северо-западном конце казахских могил, обложенных камнями. Причем на плите изображается тамга, указывающая родовую принадлежность умершего. По мнению ученого, эта стела восходит к древнетюркскому обычаю установки у кургана каменного изваяния (Кызласов Л.Р., 1951, с. 62). Казахским исследователем С.Е. Ажигали (2002, с. 419–425) вертикальные стелы на поздних казахских захоронениях семантически связываются с ритуальными коновязями и оленными камнями, установленными для высшего солярного божества.

Одной из особенностей могил саянградской культуры является положение вместе с умершим ноги барана. Е.В. Ковычевым и С.В. Даниловым было высказано мнение, что положение в могилу именно ноги барана не случайно и что данная кость является вместилищем души умершего (Ковычев Е.В., 1984; Данилов С.В., 1985). Н.В. Именокоев (1992, с. 35), отмечая сакральное значение этого действия, подчеркнул, что «...нельзя отрицать и меркантильную сторону данного ритуала, вероятность положения бедренной части ноги барана в качестве хорошего куска мяса – заупокойной пищи». Соглашаясь с исследователем, что ногу барана можно рассматривать как напутственную пищу, отметим, что в могилах находится все-таки не бедренная кость, а берцовая, на которой мяса практически нет.

Выясняется, что положение в могилу ноги барана свойственно многим кочевым культурам средневековой эпохи в евразийских степях. Этот обряд отмечен у восточноевропейских кочевников (Плетнева С.А., 1973, с. 89; 1990, с. 23). Кыпчакские захоронения в Средней Азии сопровождаются ногами барана (Заднепровский Ю.А., 1975). За последнее время киргизскими археологами изучено несколько могильников, где берцовая кость барана находится в тюркских захоронениях с конем, а также и в более поздних могилах XI–XII вв. без лошадей (Табалдиев К.Ш., 1991, с. 103–105).

Изучение традиции положения с умершим ноги барана показывает, что она имеет древние истоки в степной зоне и была широко распространена в гунно-сарматское время.

По мнению О. В. Обельченко, нога овцы – мясной рацион заупокойной пищи и, как правило, кости барана находят в погребениях II в. до н. э. – I в. н. э. В соответствии с сарматским погребальным ритуалом в могилу чаще всего клали переднюю ногу овцы. Обычай класть в могилу заупокойную пищу связан, с одной стороны, с желанием обеспечить покойника всем необходимым на том свете, с другой – желанием умиловать его, оказать ему внимание и уважение. Данный обычай практиковали сарматы Поднепровья и Крыма, юежжи Средней Азии, кочевники Бактрии (Обельченко О.В., 1992, с. 125, 126).

Материал показывает, что традиции установки вертикального камня на насыпи и положения в могилу ноги барана, а также единичные случаи находок антропоморфных каменных стел можно увязать между собой, и эти обычаи уходят корнями в мир кочевников ирано-тюркского происхождения, не исключено, что они оставлены кимако-кыпчаками (Дашибалов Б.Б., 2001).

Л.Н. Ермоленко

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ВИДЕ КАМЕННЫХ КОЧЕВНИЧЕСКИХ ИЗВАЯНИЙ

В 60–80-е гг. XX в. исследователи скульптуры средневековых кочевников степей Евразии (Л.Р. Кызласов, С.А. Плетнева, Г.А. Федоров-Давыдов, В.Д. Кубарев) высказывали предположения о том, что некоторые изваяния первоначально облакались в натуральную одежду или расцвечивались красками. Попытки обосновать возможность раскрашивания и одевания древнетюркских и кыпчакских изваяний были предприняты автором данной статьи, исходя из анализа изобразительных особенностей, специфики создания антропоморфного образа в традиционном искусстве и его восприятия (Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К., 2002, с. 85–87; Ермоленко Л.Н., 2003; 2004, с. 41–43; и др.). Находки новых памятников и переосмысление известного материала привели к необходимости вновь обратиться к вопросу о внешнем виде кочевнических изваяний в аспекте реконструкции натуральных компонентов, дополнявших скульптурное изображение (одежда и пр.).

Ранее нами было отмечено, что одежда могла надеваться на изваяния, характеризующиеся некой «недостаточностью» значимых признаков антропоморфного существа и его неизменных атрибутов. К памятникам такого рода относятся:

1. Погрудные изваяния, существовавшие в различных художественных традициях средневековой кочевнической скульптуры (древнетюркской, кыпчакской, половецкой). Данные изваяния представляют собой изображения человеческой головы (лица) вверху каменного столба, то есть они созданы по принципу традиционного антропоморфного изображения – «куклы» с туловищем-стержнем, служащим основой для одевания.

2. «Безрукие» кыпчакские статуи с обозначенными на торсе признаками пола (рис. 1.-7). На примере трипольских статуэток М.П. Грязнов (1964, с. 77) убедительно доказал, что безрукость подобных скульптурных изображений компенсировалась «приставными руками» или рукавами надетой на них одежды.

3. Кыпчакские изваяния, очертания верха головы которых напоминают головной убор (рис. 1.-7). Форма «убора» воспроизведена в общем, нижний край, как правило, не детализирован. Нередко «головной убор» выполнен грубой отеской, имеет неровный, асимметричный абрис и пр. (Арсланова Ф.Х., Чариков А.А., 1974, рис. 6; Чариков А.А., 1980а, рис. 8; Ермо-

ленко Л.Н., 2004, рис. 13.-26, 48.-80, 49.-82, 50.-84–85, 63.-107 и др.). По всей видимости, верхушка изваяния служила «болванкой», на которую надевался реальный головной убор и потому не требовала тщательной обработки.

На материале половецкой скульптуры было установлено, что облачать могли даже реалистично исполненные полнофигурные изваяния. Об этом свидетельствуют находки аналогичных каменным деревянным статуям в «скрытых» святилищах. Остатки ткани сохранились на двух изваяниях – из святилищ, устроенных в кургане №12 Новоаксайского и кургане №7 Тузлуковского могильников (Гуркин С.В., 1998, с. 36). Одежда (покрывало?), облекавшая женское изваяние, найденное в Новоаксайском могильнике, вероятно, заслоняла изображение сосуда и державших его рук, на кончиках пальцев которых аппликацией из серебряной фольги были имитированы ногти (Гуркин С.В., 1998, с. 29).

Среди древнетюркских изваяний тоже обнаружены экземпляры, обладающие приметам того, что некогда они были снабжены «накладными» атрибутами (детальями), выполненными из других материалов.

Рассмотрим два изваяния, которые найдены лежащими около древнетюркских оградок на могильнике Шили узек (Актогайский р-н Карагандинской обл.) (Ермоленко Л.Н., 2004, рис. 61, 62). На тыльной стороне головы каждого изваяния (на уровне верха шейного отдела) выбит поперечный желобок (рис. 1.-1–2). В обоих случаях длина желобка примерно наполовину меньше ширины «шеи», причем желобок расположен посередине. Оба изваяния изображают мужчин с сосудом в правой руке и оружием в левой. Одно из них (№105) воспроизводит сидящего со скрещенными ногами человека, левая нога которого положена на правую; перед «пирующим» на «полу» стоит сосуд. В нижней части передней грани другого изваяния (№106) выбивкой нанесена непонятная деталь. Оба персонажа изображены в халатах с двусторонними лацканами, в ушах показаны серьги с каплевидными или шаровидными подвесками. Элементы прически переданы только на изваянии №106 – разделенные на пробор волосы, зачесанные за уши. Продолжением такой прически сзади могли быть волосы, собранные в жгут (Шер Я.А., 1966, табл. VII.-35) или несколько кос, спускающихся на спину (Шер Я.А., 1966, табл. XI.-50; Чариков А.А., 1980, рис. 1.-1) (рис. 1.-4). Именно для прикрепления (приклеивания?) кос или жгута, сплетенных из волос, и служил желобок на тыльной стороне данного изваяния. Остальная часть прически в этом случае, по-видимому, раскрашивалась. Что касается изваяния №105, то ни в фас ни в профиль элементы прически не видны. Мы уже отмечали, что в иконографии древнетюркских изваяний распространен прием изображения прически в виде отдельной детали – кос на спине, тогда как контур волос на лбу отсутствует (рис. 1.-3). Данный факт был трактован нами как косвенное свидетельство раскрашивания волос на голове скульптуры (Ермоленко Л.Н., 2003, с. 238). Ввиду этой аналогии и с учетом того, что жгут сам по себе не изображался, желобок на задней грани изваяния №105, очевидно, предназначался для крепления кос. Поскольку желобки, высеченные на обоих изваяниях, сходны, то «накладная» часть прически была аналогичной, то есть и на изваянии №106 она представляла собой косы, а не редко встречающийся в скульптуре западных тюрков жгут. Характерно, что на двух древнетюркских изваяниях, одно из которых хранится в Кунсткамере, другое, осмотренное нами, – в музее пос. Аксу-Аюлы Шетского р-на Карагандинской обл. (Шер Я.А., 1966, табл. II.-9; Маргулан А.Х., 2003, рис. 63.-2), ширина пучка кос в области шеи составляет примерно половину ширины шейного отдела.

«Накладной» атрибут мог использоваться также в иконографии двух изваяний с «посохом» – из местности Май-Узек и из долины р. Жинишке (Актогайский р-н Караган-

динской обл.) (Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К., Баяр Д., 2005, рис. 2, 3) (рис. 1.-5–6). На май-узекском и жинишкинском изваяниях изображен мужчина, держащий в одной руке какой-то предмет; позиция другой руки ассоциируется с жестом опоры. В обоих случаях атрибут, на который опирается изваянный персонаж, воспроизведен желобком, хотя руки выполнены барельефом. Этот атрибут определяется нами как посох. Вернее, желобок является своего рода «отпечатком» посоха, поскольку в него вкладывался (и закреплялся в вертикальном положении) настоящий предмет. Причем посох жинишкинского изваяния, по всей видимости, имел изогнутую рукоятку. Воспроизведение посоха на изваяниях из Май-узeka и долины р. Жинишке способом прикладывания (наложения) могло быть, на наш взгляд, обусловлено также нетипичностью этого атрибута для древнетюркской скульптуры.

Представляется, что одевание антропоморфных изваяний практиковали не только средневековые, но и древние кочевники, в частности, скифы. Доказательством того, что причерноморские скифы придавали важное значение воспроизведению одежды, являются образцы греко-скифского искусства, датирующиеся в основном IV в. до н.э. Характерно, что греческие мастера избегали изображать обнаженное тело, изготавливая вещи для скифов. Действительно, в произведениях, созданных эллинами для «варваров» или «варварами» – на основе образцов эллинского искусства, примеров воплощения «героической наготы» немного (Русяева М.В., 2001, табл. II–III; Онайко Н.А., 1970, с. 63; Баллонов Ф.Р., 1988, рис. 1). В основном это изображения Геракла – отдыхающего (Бабина Могила), борющегося со львом, удушающего змей (несущего яблоки Гесперид?), умиряющего лань (Пруссы) – на предметах конской упряжи. Напротив, на однотипных обкладках горитов и ножен мечей (Чертомлык, Восьмой Пятибратний курган и др.) гениталии обнаженных эллинских персонажей тщательно прикрыты драпировкой. Этот элемент, по мнению Н.А. Онайко, отвечал мировоззренческим запросам скифов (Онайко Н.А., 1970, с. 28). Отметим, что скифы в произведениях греко-скифской торевтики никогда не изображаются обнаженными. В редких случаях (обкладка горита из Солохи, пектораль из Толстой могилы) показаны раздетые по пояс мужчины. В изделиях местных мастеров персонажи скифского облика – воины и охотники – также одеты (курганы Курджипский, Гермесов и др.). Наконец, в греко-скифской торевтике имеются изображения одетых мужчин, атрибуты и положение рук которых имеют соответствия в иконографии скифской скульптуры. Например, пьющий из ритона скиф, предстоящий богине с зеркалом, стоящий скиф с сосудом в руке и горитом (Куль-Оба). Однако сами изваяния, соорудившиеся в эпоху классической Скифии как будто свидетельствуют о том, что скифам не был чужд идеал «героической наготы». Речь идет о фаллических изваяниях. В Степной Скифии (Причерноморье) они создавались преимущественно в VI–V вв. до н. э. С учетом сказанного выше, вполне возможно, что на скульптурные изображения обнаженных скифов надевалась одежда. Большинство причерноморских скифских изваяний, датирующихся IV в. до н.э., составляют антропоморфные изображения без атрибутов – «бюсты» и «силуэты» (по терминологии В.С. Ольховского). Среди них имеются экземпляры, напоминающие безрукие «манекены»: у них четко выделены плечи, нередко – талия (Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994, илл. 19, 24, 29, 31 и др.). Кроме того, на тыльной стороне одного изваяния-«бюста» воспроизведены признаки обнаженной фигуры (лопатки, позвоночник, ягодицы) (Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994, илл. 12) (рис. 1.-8). По нашему мнению, «бюсты» и «силуэты», подобно погрудным изваяниям средневековых кочевников, тоже должны были облекаться в одежду.

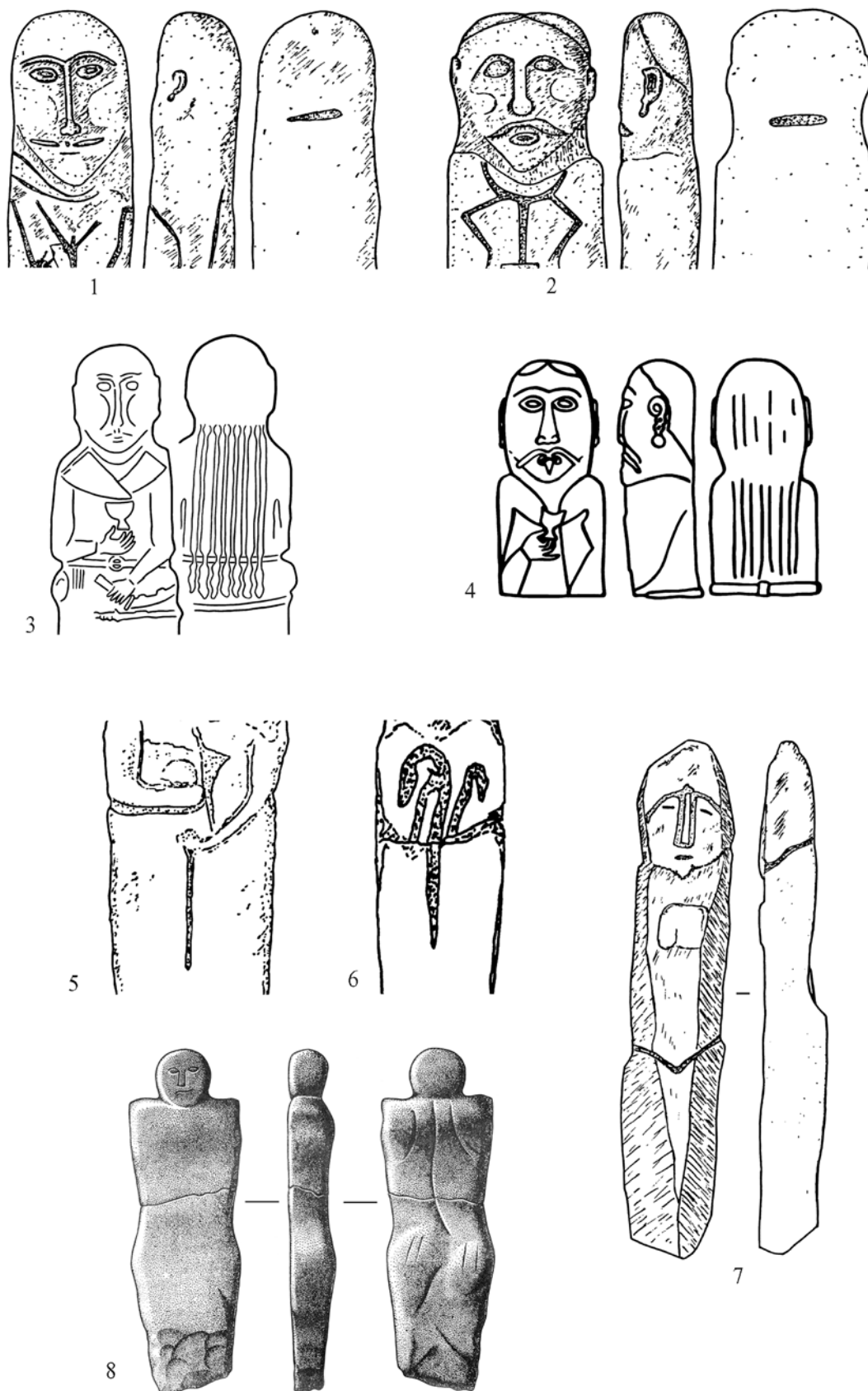

Рис. 1. Изваяния древних и средневековых кочевников.

1 – Шили узек, изв. 105; 2 – Шили узек, изв. 106; 3 – Тегеньбулак (по: Шер Я.А., 1966, табл. III-16); 4 – Кендерлык (по: Чариков А.А., 1980, рис. 1.-1); 5 – Май-Узек; 6 – Жинишке; 7 – Жинишке; 8 – Красный Подол (по: Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994, илл. 12)

Т.А. Кубанова

Государственный Русский музей, Санкт-Петербург, Россия

РОЛЬ КОМПЛЕКСА КАМЕННОЙ СКУЛЬПТУРЫ НА АМУРЕ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ НАНАЙЦЕВ

Культ гор широко распространен среди народов Приамурья. В модели мира нанайцев горы играют важное промежуточное положение между средним и верхним мирами. Высокие горы вызывают у них представление о том, что в них живет могущественный дух, под властью которого находится благополучие и жизнь не только отдельного человека, рода, но и всего человечества. Во время будничных разговоров названия почитаемых гор запрещено произносить, некоторых из называют «Даи Сэвэ», что означает «Большой, Важный Сэвэ» (Самар Е., 1990; Кубанова Т.А., 2007, с. 75).

По результатам исследований современных специалистов к числу особо почитаемых среди коренных народов Амура относятся горы Сиур, Шаман-гора, Гольдакин в районе реки Амур, Первый Бык, Второй Бык по реке Горюн, Кондонская гора по реке Девятке. Данные объекты изучены недостаточно, что и послужило причиной для организации летом 2006 г. двух экспедиции, связанных с изучением маршрута и сбором материала по некоторым из названных памятников (В составе экспедиций члены АНО Центр культуры, Комсомольск-на-Амуре). В результате первой экспедиция (19–20.07.2006) совершено восхождение на гору Гольдакина. Вторая экспедиция (26.07. – 05.08.2006) работала по маршруту: Шаман-гора – Сиур. Предварительные результаты экспедиций опубликованы (Кубанова Т.А., 2006; Никонов А.А., Показаньева Г.С, 2006). В статье рассмотрены представления современных нанайцев о некоторых священных каменных объектах и роли, которые они занимают в жизни амурского народа.

Гора Гильдакин находится примерно в 30 км от нанайского села Нижние Халбы (Комсомольский район, Хабаровский край), расположенного в среднем течении реки Амур. Жили здесь нанайцы задолго до поселения русских в своем стойбище и вели национальное хозяйство. Но первое упоминание о Халбах встречается в «Ясачной книге даурских и дучерских, и гиляцких земель за 1655–1656 годы» Онуфрия Степанова. В конце XIX в. здесь было образовано село Нижние Халбы, в котором базировался колхоз «Туземец», впоследствии рыболовецкий колхоз им. XXIII партсъезда. Несмотря на относительную близость к населенному пункту, лишь один из наших информантов был на горе Гольдакине, остальные знают о нем из рассказов старожил, а среди жителей села не нашлось провожатого для нашей экспедиции.

Среди жителей села Нижний Халбы существует предание о том, что когда-то в этом месте было стойбище эвенков. Счастливый юноша, победивший в состязании на Амуре и взявший в жены нанайскую красавицу, забыл поблагодарить бога огня – Подя. И за это был наказан он сам, и все, кто воспитывал его и жил рядом (рассказчик: писатель Гейкер В.И., с. Нижние Халбы). Интересная информация о горе Гильдикене сохранилось среди представителей рода Самар, живущих в п. Кондон (Солнечный район, Хабаровский край), о ней говорится как о священным родовым месте. Еще в XVIII в. Самар Николай Степанович и его жена Самар Анна-Тэлитэку Гавриловна посещали гору и проводили ритуал поклонения Гильдикен. По мнению Е.Д. Самар (2003, с. 136), «гора Гильдакин» являлась «своеобразным изображением Древа Жизни Рода Саманде (Самар) – Омия Мони».

Гора Гольдакин сплошь состоит из больших валунов размером в среднем от одного и более метров. На некоторых из них замечены изображения ликов и петроглифов. Венчает гору группа разрушенных изваяний высотой 4–5 м (часть наверхней лежит рядом). Они на-

поминают антропо- и зооморфные вертикальные скульптуры с отмеченными лицами и туловищами. К этой группе изваяний, сложенных из тщательно подобранных камней, примыкает другая, напоминающая фигуры, облаченные в длинные одеяния.

Перед ними, по просьбе консультанта Е.Д. Самар был проведен нанайский ритуал с приношением кушаний и водки. В обращении звучало приглашение попробовать угощение, извинение за «дерзость» и просьба поработать здесь, а также пожелания здоровья и благополучия. Это обращение было адресовано космическим Предкам. В мировоззрении рода Самар наиболее ярко отразились черты этноцентризма, высокой ответственности за судьбу не только нанайцев, но и всего человечества, что нашло наглядное отражение также в конструкции свадебного халата и его важной детали – изображение родового/мирового древа жизни, символа человечества (Кубанова Т.А., 2001). Вероятно, поэтому Е.Д. Самар, напутствуя экспедицию, сказала: «Идите, поклонитесь своим корням!».

Гора Сиур (хребет Чаятын) имеет две вершины (1272 и 1276 м), которые расположены почти симметрично напротив друг друга, между ними чашеобразное углубление. По мнению руководителя экспедиции А.А. Никонова данная гора и гора Тордоки-Янги (2090 м) хребта Сихотэ-Алинь являются вершинами большого шестиугольника, центр которого проходит по горе Элиор (1796 м хребта Джаки-Унахта-Якбыяна), представляя собой «сильный по энергетике район». Название горы Сиур нанайцы связывают со словами сиун и си (имеет несколько значений – местоимения: *ты* как подобие бога, существительного: *ручка*, глагола: *нанизать*) (Оненко С.Н., 1980, с. 369, 356). Для носителей культуры, гора Сиур является аккумулятором небесных сил, которые отсюда распространяют свою энергию на мир людей, поэтому еще в прошлом веке ее почитали нанайцы. Но современные нанайцы сохранили информацию от своих предков о том, что местонахождение этой энергетической точки может меняться, поскольку изменяется ось земли. Эти процессы, происходящие в солнечной системе, связаны с созидательной деятельностью Творца (информация Самар Е.Д.). Вполне возможно, что и гора Сиур, как место поклонения народов Амура, когда-то изменит свою географию.

Перед горой Сиур на уровне 900 м от подножия есть плато с высокими изваяниями от 20 до 40 м, наиболее величественный из них Шаман-гора (Шаман) виден с любой точки окрестности.

Образы находящихся там изваяний связаны с двумя легендами. Вариант одной из них наиболее популярен и повествует о том, что дочь шамана Адзи полюбила Охотника (иногда его называют Дед Ванда) из другого рода и, не получив благословения отца, решила убежать с ним. Но разъяренный отец послал за беглецами своих помощников – Собаку и Медведя и, не дав им уйти, превратил всех в камни. С горя и сам Шаман превратился в изваяние, поскольку дочь нарушила традицию рода, согласно которой она, будучи девственницей, должна была продолжить дела отца и стать шаманкой.

Другой вариант легенды записан после экспедиции. Согласно ей, Дед Ванда решил навестить своих Детей, которые принимали участие в каких-то земных событиях – воевали (возможно, война это была космической). Он взял с собой в космическую лодку, которая отправлялась в путь по космической реке (Амуру?) Медведя (планету Земля), Собаку (помощницу Деда Ванда), а также двух жен: Первую и Вторую, хорошую и плохую (в космическом плане двоичная сущность божества). Но от горя все герои окаменели, поскольку не нашли своих Детей, которые рождены были Землей. Как полагает рассказчица Е.Д. Самар, (родом из древнего села Бичи, из семьи шамана, которую посвятили в тайны рода) они ушли в другие галактики. По законам нанайского рода Самар, преступно воевать за землю, космос, отстаивая какие-то виртуальные территории, ведь земля, космос не имеет границ. Окаменелые изваяния – напоминание о необходимости сохранения человечеством важных законов жизни, носителями которых выступает нанайский род.

Завершим небольшой обзор почитаемых нанайцами гор материалами экспедиций 2001–2004 г. о Кондонской горе (напротив п. Кондон, Солнечный район, Хабаровский край). Под нанайским названием «Кондонгка Хурэни» скрывается имя священной горы – Дракон Кайласу. Эта гора пользуется особым почитанием не только среди местного населения. Рассказывают, что в прошлые времена при приближении к ней люди стреляли в воздух из ружей, устраивали фейерверки. Горе в жертву приносили свиней, просили удачи в больших делах, до сих пор напротив Кондонской горы проводят ритуалы встречи нового года по лунному календарю. Гора расположена на берегу священной реки Девятки (по-нанайски Хуинки), которая является единственной вытекающей из полноводной реки Горин (в Горин впадает девять речушек). По внешним очертаниям горы выделяются важные части дракона: голова – напротив поселка Кондон, живот – напротив бывшего поселения Ямикта, ноги – напротив местечка Чонки, хвост – напротив Ургули (Кубанова Т.А., 2006, с. 75). Почтительное отношение к горе связано с образом Дракона и местом рождения всего человечества, которое соотносится с северной половиной земного шара. Здесь завершается северная ось и осуществляется вход души в земное пространство и выход ее, обогащенной земной энергией, в пределы небесной Маглянди Мама (богини Вселенной, охранительница дерева душ). В этом месте синтезируется развитие всего человечества, рукотворный аналог которого можно видеть на нанайском свадебном халате. Отсюда, с горы Кайласу начинается путь в космос, к созвездию Дракона, Уйсихе Поракта и Полярной Звезде, Поракта Порони). (Информанты: Самар Е.Д., Тумали М.И., Дигор К.И.)

Горы Гольдакин, Сиур, Шаман-гора, Кондонская гора рассматривается носителями культуры как единый комплекс, фокусирующий великую память народа Амура об эволюции человечества и утверждающего божественную отдельного человека.

Е.П. Маточкин

*Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина, Горно-Алтайск,
Россия*

КАМЕННАЯ СКУЛЬПТУРА МОГИЛЬНИКА БОРТУЛДАГА (Горный Алтай)

1 марта 2006 г. нами в Кош-Агачском районе Республики Алтай был обнаружен неизвестный ранее могильник, находящийся на левом берегу реки Бортулдаг при ее впадении в Аргут. Грандиозное ущелье Аргута мы прошли, начиная от устья, за три дня на лошадях, а последнюю часть пути от Юнгура пробирались пешком по замерзшему руслу с торосами и полыньями, поскольку нижней тропы здесь не существует, а верхняя идет через высокий Каирский перевал.

Могильник располагается на речной террасе, где сосредоточено не менее 60 захоронений и древнетюркских поминальных оградок; 10 из них находятся на нижней площадке. Там, с южной стороны от круглого могильного кургана возвышается слегка наклоненный на северо-запад олений камень. Он представляет собой вертикально поставленную стелу из крупно- и мелкозернистого биотитового гнейса (породу камня, из которых изготовлены стела и изваяния определила Н.А. Кулик, за что мы приносим ей благодарность). Высота стелы (от поверхности земли) составляет 177 см, ширина – 47 см, толщина – 15 см. Широкие стороны ориентированы на север-юг, лицевая (узкая) – на восток; все они, кроме южной покрыты ли-

шайником. Поверхность камня подверглась сильной эрозии и местами отслоилась. Монолит прорезали глубокие трещины; особенно пострадала верхняя часть лицевой грани.

На высоте 88 см от земли камень опоясывает выбитый желобок. От его восточного края идет небольшая диагональная линия с закруглением. Вверху на уцелевшей от разрушения южной грани просматривается часть круга диаметром 12 см.

Вокруг стелы виднеются макушки сильно задернованных валунов, недавно дополненных небольшими гальками. С северной стороны у основания стелы сооружено подобие алтаря из плоской плиты, на которую положили округлый камень и вертикально поставленные плитки по краям.

На верхней площадке террасы, разделенной скальными выходами на несколько частей, находятся не менее 50 курганных захоронений и поминальных древнетюркских оградок. Возле некоторых из них стоят невысокие каменные стелы. На ближайшей к реке площадке, около трех оградок обнаружены древнетюркские изваяния; они установлены на отрезке длиной 20 м.

Два крайних изваяния изготовлены из светлого крупнозернистого биотитового гранита, который подвергся сильным процессам десквамации. В результате внешняя корочка, по которой производилась выбивка, на первом изваянии частично отлетела, а на третьем – исчезла почти полностью.

Первое изваяние (рис. 1.-1) стоит возле квадратной оградки с размером стороны 2,8 м. Высота изваяния 75 см, ширина 40 см, толщина около 10 см. Оно уникально своими правильными природными формами. Окатанная глыба гранита с округлым верхом и сглаженными краями удачно подошла для мемориального памятника. Древнетюркский мастер сохранил ее естественный вид, хотя, как правило, изваянию старались придать антропоморфный облик с широкими плечами.

В случае так называемых лицевых изваяний, изготовленных из прямоугольных плит, скульптурный образ уступал место гравировке: рельеф фигуры не прорабатывался, лишь резным инструментом наносились черты лица. Здесь же осуществлен некий синтез: «работает» и объемная моделировка, и изобразительная линия. Подчиняясь мягкому округлому контуру каменного монолита, выбивка вторит ему и в абрисе головы, и в дугах бровей и в изящно подработанных, совсем не монголоидных скулах. Нос и надбровье высечены по традиции одним рельефом. Его слияние с линейной обрисовкой и выпуклыми поверхностями щек придает неповторимое своеобразие бортулдагской скульптуре. Ее отличает и высокий уровень композиционного решения, и изящество линий и форм.

Третье изваяние схоже с первым, хотя оно значительно меньшего размера. Его высота и ширина 36 см, толщина 6 см. Поставлено у квадратной оградки со стороной равной 2,45 м. К сожалению, от изображения практически ничего не осталось из-за утраты поверхностного слоя.

Второе изваяние (рис. 1.-2) в корне отличается от первого и третьего. Материал его – темный кварц биотитовый, сланец. Высота 67 см, ширина 30 см, толщина 17 см. Поставлено возле оградки, размеры которой 2 м с востока на запад и 2,7 м с севера на юг. Из-за скола камня в правой части лица утратились очертания глаза, носа и губ.

Изваяние выделяется своим необычным видом. Создается впечатление, что древний мастер в рамках сложившихся приемов старался придать антропоморфной скульптуре некие индивидуальные черты. Казалось бы, ее внешний облик следует традиционной иконографии, однако формы воспроизведены в совершенно произвольных соотношениях, без соблюдения известных антропометрических пропорций. Бросается в глаза явно преувеличенный объем лба и остроугольного подбородка. Голова посажена столь низко на плечи, как это может быть у сильно сторбившегося человека. Положение рук, выбитых желобком, канонично: правая согнута в локте и держит сосуд, левая опущена на пояс. Однако обе они маленькие и тон-

кие, как у стариков. О том же свидетельствуют и большая борода, и близко сведенные глаза, смотрящие, кажется, исподлобья из-за почти слившихся линий глазниц с дугами маленьких бровей. Обрамляющий голову и плечи лишайник и большой скол на поверхности лица усиливают ощущение древности образа и преклонного возраста героя, запечатленного в камне.

В своей работе, посвященной древнетюркским изваяниям Алтая, В.Д. Кубарев (1984, с. 87) выделил аргутскую группу, которую отличает подробная детализация одежды, вооружения, своеобразие головных уборов. Действительно, большинство изваяний, находящихся от могильника Бортулдага в 30 км выше по Аргуту, обладают этими качествами. Однако среди них есть несколько примитивных по форме и исполнению, близких второму бортулдагскому изваянию.

В качестве ближайшего аналога ему можно привести изваяние из Кеме-Кечу (Кубарев В.Д., 1984, табл. XXVI.-163). В нем просматривается то же нарушение антропометрических пропорций и тот же контраст огромной головы и маленьких, неуверенно очерченных рук. Не исключено, что оба эти изваяния принадлежат руке одного мастера, хотя каменотесный образ в Кеме-Кечу и не отражает столь отчетливого стремления к индивидуализации.

Несмотря на определенные сближающие моменты, можно констатировать, что поминальные памятники могильников Бортулдага и Кеме-Кечу обладают заметным художественным своеобразием. И тут и там представлены изваяния грубого ремесленного уровня и выполненные умелыми мастерами. В просторной Карагемской долине, в верховьях Аргута каменотесы явно отдали дань тщательной обработке внешнего облика.

Каменная скульптура могильника Бортулдага, находящегося в среднем течении реки Аргут, немногочисленна. Однако в ней ясно выделяются архаичная примитивная тенденция, направленная на создание портретного облика человека, а также артистизм исполнения в гранитном валуне обобщенного образа героя.

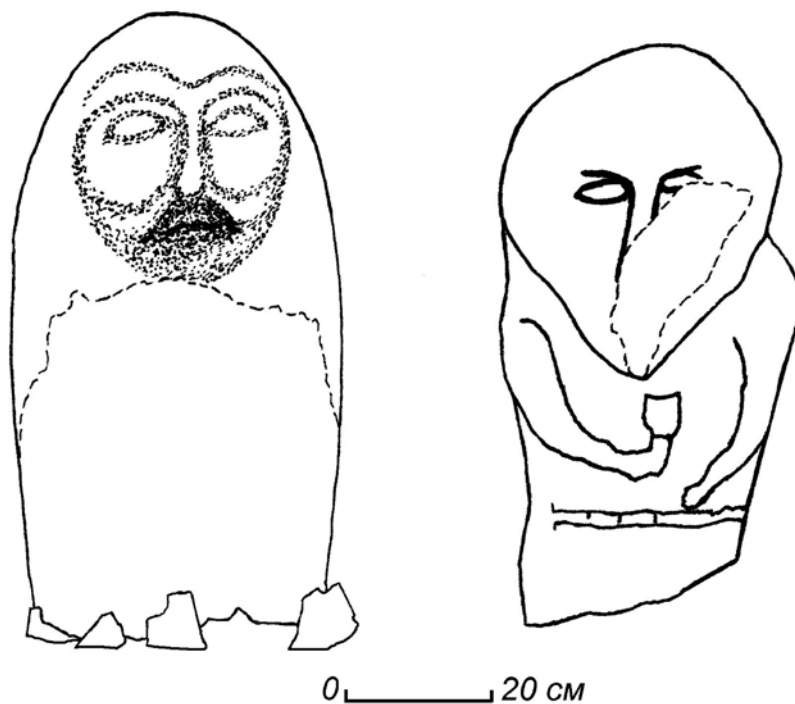

Рис. 1. Каменная скульптура могильника Бортулдага:
1 – изваяние №1; 2 – изваяние № 2

Ю.И. Ожередов

Томский государственный университет, Томск, Россия

ПОМИНАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС РАННИХ ТЮРОК В СОМОНЕ УМНЭ-ГОВЬ УБСУНУРСКОГО АЙМАКА ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ

Комплекс из четырех оградок с двумя круглыми скульптурами и антропоморфным изваянием-столбиком обследовался экспедицией Томского государственного университета в 2005 г. на высокогорном плато у северо-восточного склона горы Умнэ-Отор-Уул. Вершина горы возвышается над уровнем моря на 2916 м. Межгорная долина, на которой выявлен данный комплекс памятников, располагается на нагорье заснеженного горного хребта Хархираа-Уул в пределах высот 2100–2130 м. Вытянувшись на 5-7 км с юго-востока на северо-запад, она занимает междуречье верховьев р. Харгайн-Гол на юге и нижнего течения р. Гоожуур-Гол на севере.

На площади долины выявлено около 100 археологических объектов, в числе которых упомянутый поминальник, расположенный в южной части территории (49°20'54.8''; 91°18'46.6''). Четыре разные по величине квадратные ограды из обломочной породы красного и серого гранита выстроены в один ряд по линии ССЗ–ЮЮВ, ориентируясь своими сторонами по тому же азимуту, а углами по сторонам света (рис. 1).

Снаружи у ССВ стенок двух оградок установлены круглые каменные скульптуры, в одном случае поставлен обработанный камень-столбик, а еще в одном – бесформенный камень, в 2 м от которого на поверхности лежит гранитная плита, возможно, связанная с данной оградкой.

Оградка №1. Самая крупная из всех четырех. Правильной квадратной формы со сторонами 3х3 м. Стенки выложены местами из длинных узких камней, а местами из бесформенных обломков. Поверхность почти полностью завалена ломаными камнями. На одном участке камни, как будто, выложены в нечто близкое к кольцу диаметром около 1 м. Снаружи в 1 м от ССВ стенки и примерно в 1 м от северного угла оградки, т.е. в стороне от центра стены, сохранилась нижняя часть красногранитной скульптуры. Верхняя часть, составляющая примерно половину изваяния, обломлена наискось и лежит в 1 м к ССЗ в углублении похожем на крупную нору животного. Судя по тому, что прижатая собственной тяжестью к земле, поверхность головы покрылась плесенью, мхами и лишайниками, она находится в таком положении достаточно долго (рис. 2).

При сложении фрагментов удалось установить, что надземная часть скульптуры достигала высоты 0,68 м при ширине туловища 0,23–0,25 м и толщине 0,18 м. Высота головы 0,32 м, ширина лица – 0,23 м. Несмотря на то, что скульптура подверглась круговой обработке туловище оставлено в форме прямоугольного в сечении блока с округленными краями.

Скульптура вырублена из крупнозернистой породы, на которой не все мелкие детали прослеживаются вполне отчетливо. Насколько удалось рассмотреть, фигура детализирована такими рельефными элементами как правая рука, согнутая в локте и, видимо, держащая сосуд, а также пояс.

Голова дифференцирована от туловища плавными овальными выемками. Особо привлекает внимание оформление лица, которое выполнено в несколько гротесковом варианте. Четким рельефным валиком высотой около 0,5–0,7 см переданы высокие дуги век, смыкающиеся и переходящие в широкий уплощенный нос. Такими же валиками оконтурены крупные широко раскрытые миндалевидные глаза с высоко выступающими круглыми зрачками. Двумя валиками, сходящимися под носом, показаны длинные изогнутые усы, под которыми тем же валиком передан овальный контур рта. Клиновидный

подбородок опушен короткой бородкой, поросль которой обозначены резными линиями. Пояс шириной около 3 см изображен рельефом высотой до 0,5 см по всему периметру туловища.

Изобразительная манера автора данного произведения настолько своеобразна, что близких аналогов среди монгольских образцов найти не удалось. Но стилистически схожая личина обнаруживается среди скульптур Сары-Арке (Сона) в Казахстане. Кроме стиля, данные памятники, в какой-то мере, сближает намеренное, видимо, смещение относительно сторон света азимута линии установки поминальных оградок и поворота их стен. Казахстанские оградки вытянулись по линии ССВ–ЮЮЗ (Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К., с. 63, 64, рис. V, VIII) и, таким образом, отклонились от линии С–Ю в противоположную сторону нежели наши. Возможно, не случайны и еще две особенности в ориентации оградок: то, что они развернуты по сторонам света не сторонами, а углами, и то, что лица изваяний обращены не точно на восток, как обычно, а под углом к северу или к югу. Следует упомянуть, что понятие «угла» в тюркской системе мироздания имеет важный сакральный аспект пространственной ориентации. В рунических надписях Орхона народы, живущие вокруг тюрков, именуется как «живущие по четырем углам света» (Войтов В.Е., 1996, с. 72, 74). Поэтому не исключено, что подобные варианты ориентации поминальников несут определенный обрядово-мировоззренческий контекст.

Оградка №2. Расположена в полуметре к ССЗ от первой. Имеет квадратные очертания со сторонами 1,5х1,5 м и четко фиксируемые три стенки, обращенные к ЮЗ, СЗ и СВ. Юго-западная стена и северо-восточный угол практически не фиксируются. Стены выложены из узких длинных камней и выглядят четким ограждением, слегка возвышающимся над поверхностью почвы.

Практически вплотную к центру северо-восточной стенки с наружной стороны врыт вертикальный камень-столбик из светло-серой породы. Высота над поверхностью достигает 0,57 м, ширина в основании 0,19 м, а толщина – 0,14 м. Лицевая и тыльная плоскости к вершине сужаются на конус, а по северо-западной грани последняя треть высоты стесана на одну сторону, подобно заточке долота. Чуть ниже середины фигуры контрпрофильной полосой шириной 2–3 см обозначен пояс, углубленный примерно на 2–3 мм и охватывающий туловище по периметру. Таким образом, древний скульптор подчеркнул антропоморфность своего изваяния, фактически включив его в один ряд с круглой скульптурой.

Оградка №3. Расположена в полутора метрах от предыдущей, по генеральному направлению на ССЗ. В плане оградка квадратная, со сторонами 2х2 м. Выстроена из разно-форматных обломков серой и красной породы, стенки оформлены нечетко. В плане оградка напоминает каменную кладку, т.к. на ее поверхности много беспорядочно набросанных камней.

В одном метре к северо-востоку снаружи по центру фасада установлена круглая антропоморфная скульптура (рис. 3.). Голова обломлена и брошена перед фигурой лицом вниз. Плесень и грибок на поверхности головы свидетельствуют о том, что она довольно долго оставалась на земле.

Скульптура выполнена из мелкозернистой светло-серой породы путем круговой обработки с последующей шлифовкой. Без тщательной отделки и шлифовки оставлены только затылок и спина. Высота надземной части фигуры 0,61 м, ширина туловища 0,25–0,27 м, толщина 0,18 м. Высота головы 0,26 м, ширина лица 0,18 м.

Слегка склоненная к правому плечу голова напоминает позу персонажа на ящике из Хуль-Асхете-1 (Войтов В.Е., 1996, рис. 67). От туловища голова дифференцирована плавными выемками, выделяющими округлые плечи. Правая рука согнута в локте, а ее четырехпалая кисть держит или подпирает на уровне груди бокаловидный сосуд, оснащенный, видимо, ножкой-подставкой. Большой палец не виден, так как закрыт другими пальцами. Левая рука

слегка согнута, кистью опущена вниз и как будто опирается на пояс. Определенно отстаивать эту позицию трудно, так как рельеф весьма слабый.

Скульптура выделана с высоким мастерством. Особенно это относится к голове. Хотя рельефно выделенный снизу затылок не был подвержен столь тщательной обработке и шлифовке, голова не потеряла своего изящества. Плавной линией проработан овальный контур лица с узким лбом, расширенными скулами и плавным овалом широкого подбородка. Хорошо проработаны области височных костей, надбровий и уплощенных щек. Изогнутые надбровья плавно переходят в линию широкого уплощенного носа. Рот изображен изогнутой щелевидной выемкой, снизу оконтуренной валиком, а сверху круто изогнутым валиком усов, достигающих своей длиной почти самого края щек.

Достаточно широкие миндалевидные глаза углублены во впадины под надбровными выступами, что придает им реалистичный живой вид. Слабой линией очерчен их внутренний контур, но зрачки не выделены, за счет чего глаза кажутся прикрытыми веками. Это в свою очередь придает лицу выражение покоя и умиротворения, сближая его со скульптурными образцами буддийского искусства, передающими изображение лица Будды.

Особо следует отметить изящную детализировку ушей, показанных узкими валиками, очерчивающими ушные раковины, в мочки которых вставлены овальные серьги со стержнями-оттяжками внизу дужки (рис. 4).

В целом скульптура производит впечатление талантливо исполненного скульптурного портрета конкретного человека.

Оградка №4. Она крайняя в ряду и расположена примерно в 1 м от предыдущей. Оградка заполнена обломками породы и более похожа на выкладку. Ее контур, очерченный в пределах 1,5x1,5 м не достаточно четок из-за отсутствия жестко регламентированных линий стенок.

В 1 м к СЗ перед юго-восточным углом располагается бесформенный камень, частично погруженный в почву, а далее, в 1,5–2 м лежит гранитная плита длиной около 1,7 м. Возможно, камень и плита входят в единый ритуальный комплекс с оградкой.

Наличие в изолированной высокогорной долине означенного поминального комплекса, дает повод предполагать, что в некоторых из имеющихся здесь многочисленных насыпей могут содержаться захоронения ранних тюрков. А, учитывая особенности ориентации оградок, можно предположить, что их посредством фиксируется некая разновидность поминальной обрядности, свойственная определенной локальной группе или родственному коллективу раннесредневекового тюркского общества.

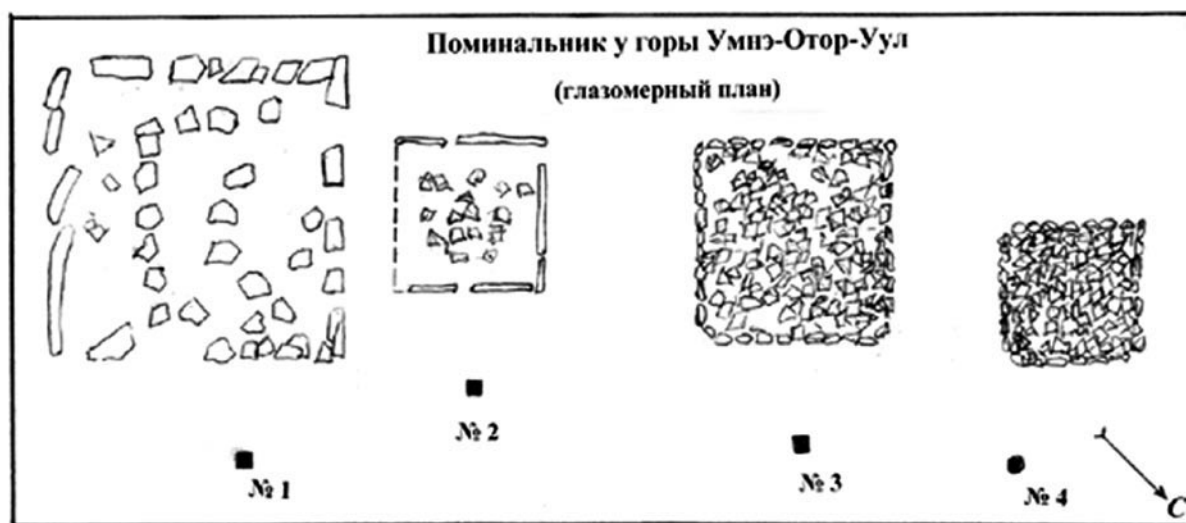

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК*

- Ажигали С. Е. Архитектура кочевников – феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). Алматы: Научно-издательский центр «Гылым», 2002. 654 с.
- Алексеев В.П., Сергеев Д.А., Фрадкин Э.Е. Некоторые полиэйконические параллели в палеолитическом искусстве и искусстве древних эскимосов // Из истории социалистического и коммунистического строительства на Дальнем Востоке СССР (1917–1975). Владивосток: Наука, 1976. С. 95–108.
- Алехин Ю.П. Рудный Алтай в древности и средневековье // Серебряный венец России (Очерки истории Змеиногорска). Барнаул: Управление архивного дела администрации Алтайского края, 1999. С. 17–65.
- Алкин С.В. Неолит Южной Маньчжурии: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Новосибирск, 2002. 18 с.
- Антонов Н. К. Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск: Якуткнигиздат, 1971. 175 с.
- Арсланова Ф.Х., Чариков А.А. Каменные изваяния Верхнего Прииртышья // Советская археология. 1974. № 3. С. 220 – 256.
- Артемьев А.Р. Памятники неолитического искусства в культурном слое буддийского храма XV века на нижнем Амуре // Мир древних образов на Дальнем Востоке. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та. 1998. С. 102–105.
- Арутюнов С.А., Сергеев Д.Л. Проблемы этнической истории Берингоморья. Эквенский могильник. М., 1975. 240 с., ил.
- Архивный отдел администрации г. Камня-на-Оби. Ф. 294. Оп. 1. Д. 1, 9, 13–15, 19.
- Астахов С.Н., Семенов Вл.А. Палеолит и неолит Тувы // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл, 1980. С. 17–35.
- Астрелина И.В. Оленные камни кочевой культуры: к постановке вопроса // Древние кочевники Центральной Азии (история, культура, население). Улан-Удэ, 2005. С. 86-87.
- Афанасьев А.Н. Древо жизни: Избранные статьи. М.: Современник, 1982. 464 с.
- Балакин Ю.В. Урало-сибирское культовое литье в мифе и ритуале. Новосибирск: Наука, 1998. 288 с.
- Балакин Ю.В. Культовое литье: Проблема смысловой интерпретации // Культуры и народы Западной Сибири в контексте междисциплинарного изучения. Томск, 2005. Вып. 1. С. 53–59.
- Балонов Ф.Р. Семантика *κεραυνοί* и *φάρμαχον* в греческой иконографии и мифологии // Жизнь мифа в античности. М.: Советский художник, 1988. Вып. XVIII, ч. 1. С. 173–199.
- Беговатов Е.А., Марков В.Н. Мурзихинский II могильник // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада. Казань, 1992. С. 57–72.
- Березанская С.С. Северная Украина в эпоху бронзы. Киев: Наукова думка, 1982. 212 с.
- Березанская С.С., Титенко Г.Т. Поселение предскифского времени в с. Собковка // Краткие сообщения института археологии АН УССР. 1952. Вып. 1. С. 78–84.
- Бессонова С.С., Скорый С.А. Мотронинское городище скифской эпохи (по материалам раскопок 1988–1996 гг.). Киев; Краков: ФПУ, 2001. 156 с.
- Бичурин Н.Я. [Иакинф]. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Изд. 2-е. М.; Л., 1950. Т. 1. 384 с.
- Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4. Новосибирск: Наука, 1993. 157 с.
- Боброва А.И. Поселение Самусь-IV (материалы к каталогу археологических коллекций Томского областного краеведческого музея) // Труды музея г. Северска. Музей и город. Северск: Изд. Томского ун-та, 2000. Вып. 1. С. 19-30.
- Богданов С.В. Эпоха меди степного Приуралья. Екатеринбург: УрО РАН, 2004.
- Богданова Н.А. Могильник первых веков нашей эры у с. Заветное // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1989. С. 17–79. (Труды ГИМ. Вып. 70).
- Борисенко А.Ю., Бямбадорж Ц., Худяков Ю.С. Исследования в Убсу-Нурском аймаке Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. Т. VI. С. 245–250.

* Составлен на основе указанной литературы, которую прислали авторы публикаций.

- Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Изучение средневековых бронзовых бляшек с изображением всадников в Южной Сибири // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 102–115.
- Бородкин Ю.М. Материалы неолитического погребения у с. Васьково // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово, 1967. Вып. 7. С. 99–109.
- Бродянский Д.Л. Приамурско-маньчжурская археологическая провинция в IV–I тыс. до н.э. // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975. С. 179–185.
- Бродянский Д.Л. Еще одна область неолитического искусства на Дальнем востоке // У истоков творчества. Новосибирск: Искусство, 1978. С. 133–141.
- Бродянский Д.Л. Произведения искусства в синегайской культуре // Пластика и рисунки древних культур. Новосибирск, 1983. С. 133–141.
- Бродянский Д.Л. Антропоморфные мифологические образы в системе неолита и палеометалла Дальнего Востока // Антропоморфные образы. Первобытное искусство. Новосибирск: Наука, 1987. С. 11–13.
- Бродянский Д.Л. Антропоморфные мифологические образы в системе артефактов неолита и палеометалла // Антропоморфные изображения. Новосибирск: Искусство, 1987. С. 58–72.
- Бродянский Д.Л. Бойсманские фигурки // Мир древних образов на Дальнем Востоке. Владивосток, 1998. С. 92–101.
- Бродянский Д.Л. Искусство древнего Приморья (каменный век – палеометалл). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та. 2002. 220 с.
- Бродянский Д.Л. Ископаемое искусство Приморья // Современные проблемы археологии России. Т. II. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2006. С. 278–280.
- Бродянский Д.Л., Гарковик А.В., Крупяно А.А. Древнейшие произведения искусства в Приморье и Приамурье // Мир древних образов на Дальнем Востоке. Владивосток, 1998. С. 5–18.
- Буряков Ю.Ф., Филанович М.И. Чач и Илак // Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье. М.: Наука, 1999. С. 78–92.
- Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. Л.: Наука, 1980. 147 с.
- Варенов А.В. Древнейшее изображение в скифо-сибирском зверином стиле? // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). Кемерово: Кемеровский гос. университет, 1989. Ч. II. С. 115–117.
- Варенов А.В. Южно-сибирские культуры эпохи ранней и поздней бронзы в Восточном Туркестане // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. №3. С. 60–72.
- Василевский А.А. Периодизация верхнего палеолита Сахалина и Хоккайдо в свете исследований поселения Огоньки-5 // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. №3 (15). С. 51–69.
- Васильевский Р.С., Окладников А.П. Изображения медведей в неолитическом искусстве Северной Азии // Звери в камне: Первобытное искусство. Новосибирск, 1979. С. 230–238.
- Войтов В.Е., Волков В.В., Корневский С.Н., Новгородова Э.А. Археологические исследования в Монголии // АО 1976 г. М., 1977. С. 586–588.
- Войтов В.Е. Каменные изваяния из Унгету // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., 1987. С. 92–109.
- Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М.: Изд-во ГМВ, 1996. 152 с.
- Волков В.В. Из истории изучения памятников бронзового века МНР // *Studia Archeologica*. Улаан-Баатар, 1964. Т. III. Fasc. 9. С. 25–100.
- Волков В.В. Оленные камни Монголии. Улаан-Баатар: Изд-во АН МНР, 1981. 253 с.: ил.
- Волков В.В. Ранние кочевники Северной Монголии // Мировоззрение древнего населения Евразии. М.: ИА РАН, 2001. С. 330–354.
- Волков В.В. Оленные камни Монголии. М.: Научный мир, 2002. 248 с.: ил.
- Волков В.В. Оленные камни Монгольского Алтая // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М.: ИА РАН, 2004. С. 9–21.
- Волков П.В. Трасологические исследования в археологии Северной Азии. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999.

Волков П.В., Кирюшин К.Ю., Фролов Я.В. Реконструкция некоторых аспектов хозяйственной деятельности населения Барнаульского Приобья в эпоху неолита-энеолита // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. Том XI, ч. I. С. 32–37.

Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев; Наукова думка, 1994. 208 с.: ил.

Гаврилова Е.А., Табарев А.В. Лосось в промыслах, мифах и ритуалах древних и традиционных культур тихоокеанского Севера // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2004. Т. X, ч. 1. С. 57–60.

Гаврилова Е.А., Табарев А.В. Молнии, плывущие друг за другом (Тихоокеанский лосось в промыслах и ритуалах индейцев Северо-Западного побережья Америки): Учебное пособие. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2006. 126 с.

Гарковик А.В. Поселение в долине р. Зеркальной // Материалы по археологии Дальнего Востока. Владивосток: Наука, 1981. С. 12–19.

Голан А. Миф и символ. М.: РУССЛИТ, 1994. 375 с.: ил.

Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М.: Наука, 1961. 94 с.

Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии, М.: Наук. 1980. 256 с.

Грач В.А. О погребальных памятниках монгольского времени в Туве // Ученые записки Тув. науч.-исслед. ин-та языка, лит. истории. Кызыл. 1975. Вып. 17. С. 219–226.

Гречко Д.С. Отчет об исследовании памятников скифского времени у сел Протопоповка и Циркуны на Харьковщине в 2005 году // Научный архив ИА НАНУ. 2005/5. 20 с.

Гришин Ю.С. Каменное навершие жезла из города Канска (Красноярский край) // СА. М., 1984. №2. С. 230–231.

Грушин С.П. Основные элементы погребального обряда населения Верхнего Приобья в эпоху ранней бронзы // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 50–55.

Грушин С.П., Кокшенев В.В. Захоронение с антропоморфной скульптурой в Среднем Причумышье // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 35–48.

Грушин С.П., Тишкин А.А. Археологическое изучение памятников Верхнего Приобья // АО 2002 года. М: Наука, 2003. С. 353–355.

Грязнов М.П. Древнейшие памятники героического эпоса Южной Сибири // Археологический сборник ГЭ. Л., 1961. Вып. 3. С. 7–31.

Грязнов М.П. О так называемых женских статуэтках трипольской культуры // Археологический сборник ГЭ. Л.: Искусство, 1964. Вып. 6. С. 72–78.

Грязнов М.П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. 59 с.

Гундогдыев О.А. Орел и змея в символике туркмен // У истоков цивилизации. М: ТО «Старый Сад», 2004. С. 225–226.

Гуркин С.В. Святилища половецкого времени с деревянными изваяниями из раскопок Волго-Донской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР // Донская археология. 1998. №1. С. 29 – 37.

Данилов С. В. Жертвоприношения животных в погребальных обрядах монгольских племен Забайкалья // Древнее Забайкалье и его культурные связи. Новосибирск: Наука, 1985. С. 86–90.

Даржа В. Лошадь в традиционной практике тувинцев кочевников Кызыл: ТувИКОПР СО РАН, 2003. 184 с.

Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму. М.: Наука, 1991. 141 с.: ил. (САИ. Вып. Д1-7).

Дашибалов Б. Б. Кыпчаки в Восточной Сибири // Средневековые древности евразийских степей. Воронеж, 2001. Вып. 15. С. 167–174.

Дашковский П.К., Тишкин А.А., Тур С.С. Исследования объектов раннего железного века и средневековья на Чинетском археологическом комплексе (Северо-Западный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2006. Т. XII, ч. 1. С. 315–319.

Демещенко С.А. Относительная хронология палеолитического искусства малых форм и художественно-стилистические традиции // Международная конференция по первобытному искусству. Кемерово: «НИКАЛС», 1999. Т. 1. С. 96–110.

- Деревянко А.П., Рыбин Е.П. Древнейшее проявление символической деятельности палеолитического человека на Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. №3 (15). С. 27–50
- Деревянко А.П., Чо Ю Чжон, Медведев В.Е., Шин Чан Су, Хон Хён У, Краминцев В.А., Медведева О.С., Филатова И.В. Неолитические поселения в низовьях Амура (Отчет о полевых исследованиях на о-ве Сучу в 1999 и 2002 гг.): в 3 т. Сеул: ИАЭт СО РАН, Ин-т культурного наследия Республики Корея. 2003. 1117 с. (на рус. и кор. яз).
- Диков Н.Н. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ: Буряток, книжн. изд-во, 1958. 108 с.
- Добжанский В.Н. К вопросу о хронологии и культурной принадлежности оленных камней Монголии // Скифо-сибирский мир. Новосибирск: Наука, 1987. С. 99–103.
- Древние курганы Алтая. Фотоальбом на русск., алтайск. и англ. яз. / Составитель В.Э. Кыдыев, автор текста В.И. Соенов. Горно-Алтайск, 1998. 128 с.
- Древности: Труды Императорского Московского археологического общества. М., 1883. Т. XI. Вып. II. Табл. I–VII.
- Дубровский Д.В. О «вторичном» использовании оленных камней (постановка проблемы) // Курган: историко-культурные исследования и реконструкции. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. С. 38–39.
- Дударев С.Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху (IX – первая половина VII в. до н.э.). Армавир, 1999. 401 с.
- Дэвлет М.А. О загадочных изображениях на оленных камнях // СА. 1976. №2. С. 232–236.
- Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А. Об изображении оленей с солярными знаками на корпусе // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 418–422.
- Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А. Мифы в камне: Мир наскального искусства России. М.: Алетейа, 2005. 472 с.: ил.
- Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология (под редакцией Г.И. Зайцевой, Н.А. Боковенко, А.Ю. Алексеева, К.В. Чугунова, Е.М. Скотт). СПб.: Теза, 2005. 290 с.
- Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. М., 1952. №24. С. 72–120.
- Ермоленко Л.Н. Представления древних тюрков о войне // Altaica. Новосибирск, 1998. №2. С. 46–66.
- Ермоленко Л.Н. Могли ли раскрашиваться древнетюркские изваяния? // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. Кн. II. С. 236–239.
- Ермоленко Л.Н. Батальная символика телесных эпических атрибутов в связи с изобразительными приемами искусства ранних кочевников // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 445–449.
- Ермоленко Л.Н. Средневековые каменные изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2004. 132 с.: ил.
- Ермоленко Л.Н. Изобразительные памятники и эпическая традиция (по материалам культуры древних и средневековых кочевников Евразии): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Кемерово, 2006. 36 с.
- Ермоленко Л.Н. Изобразительные памятники и эпическая традиция (по материалам культуры древних и средневековых кочевников Евразии): Дис. ... докт. ист. наук. Кемерово, 2006. 432 с.: ил.
- Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К. Святилище на реке Жинишке и проблема первоначального вида кыпчакских изваяний // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № (11). С. 78–87.
- Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К. Новые находки средневековых изваяний в Сыры-Арке // Археология Южной Сибири. Кемерово: Летопись. 2006. Вып. 24. С. 63–71.
- Ермоленко, Л.Н., Курманкулов Ж.К., Баяр Д. Изображения древних тюрков с посохом // Археология Южной Сибири. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. Вып. 23. С. 76–81.
- Есин Ю.Н. Некоторые проблемы изучения древнего искусства как изобразительного языка // Культуры и народы Западной Сибири в контексте междисциплинарного изучения. Томск, 2005. Вып. 1. С. 95–103.
- Завитухина М.П. Древнее искусство на Енисее (Скифское время): Публикация одной коллекции. Л.: Искусство, 1983. 191 с.: ил.

- Заднепровский Ю. А. Кочевническое погребение XIII–XIV вв. в Фергане // Советская археология. 1975. №4. С. 276–280.
- Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. Петропавловск, 1993.
- Зайцева Г., Чугунов К.В., Алексеев А.Ю., Дергачев В.А., Васильев С.С., Семенцов А.А., Кук Г.Т., Скотт Е.М., Ван дер Плихт Х., Боковенко Н.А., Кулькова М.А., Бурова Н.Д., Лебедева Л.М., Юнгер Х., Соннинен Э. История и результаты радиоуглеродного датирования кургана Аржан // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. СПб, 2007. С. 251–262.
- Здор М.Ю. Татуров С.Ф., Тихомиров К.Н. Археологическая карта Муромцевского района Омской области. Омск, 2000. 136 с.
- Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н. э. Киев: Наукова думка, 1982. 144 с.: ил.
- Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX– начала XX в. (сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости). М., Л.: Изд-во АН СССР, 1954.
- Иванов С.В. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар. Новосибирск: Наука, 1979. 196 с.
- Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Сулейменов М.Г. Аварийные раскопки курганов близ с. Сапогово. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1996. 206 с.
- Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Раскопки археологических памятников в долине реки Улаган в 1987–1988 гг. // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997. №2. С. 93–103.
- Именохоев Н. В. Раннемонгольская археологическая культура // Археологические памятники средневековья в Бурятии и Монголии. Новосибирск: Наука, 1992. С. 23–48.
- Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М.: Росспэн, 1997, 186 с.: ил.
- Казаков Е.П. Этнокультурная ситуация в Урало-Поволжье времени тюркских каганатов // Город и степь в контактной Евро-Азиатской зоне. М., 2006. С. 71–74.
- Калиева С.С. О роли «местного» компонента в формировании петровско-синташтинских древностей // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 173–177.
- Каменский краеведческий музей: Общий фонд №9392/4462. Л. 1
- Килуновская М.Е. Интерпретация образа оленя в скифо-сибирском искусстве (по материалам петроглифов и оленных камней) // Скифо-сибирский мир. Новосибирск: Наука, 1987. С. 103–107.
- Килуновская М.Е., Семенов Вл. Оленный камень – изобразительная и мифологическая структура // Современные проблемы изучения петроглифов. Кемерово, 1993. С. 88–103.
- Килуновская М.Е., Семенов Вл.А. Оленные камни Тувы. (Ч. I — новые находки, типология и вопросы культурной принадлежности) // Археологические вести. СПб., 1998. № 5. С. 143–154.
- Ким С.А., Кубарев В.Д., Молодин В.И., Худяков Ю.С. Работа Североазиатской экспедиции // Археологические открытия 1986 года. М., 1988. С. 235–238.
- Киреев С.М., Кудрявцев П.И. Новые находки эпохи бронзы из Горного Алтая // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1988. С. 164–166.
- Кирьяк (Дикова) М.А. Древнее искусство Севера Дальнего Востока (каменный век). Магадан, 2003. 278 с.
- Кирюшин Ю.Ф. Каменная скульптура эпохи бронзы с Алтая // История, филология и философия. Новосибирск: Наука, 1991. Вып. 2. 1991. С. 66–71.
- Кирюшин Ю.Ф., Иванов И.Г. Новый сейминско-турбинский могильник Шипуново-V на Алтае // Историко-культурное наследие Северной Азии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 43–52.
- Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Тишкин А.А. Искусство населения лесостепного Алтая в эпоху ранней бронзы // Гуманитарные науки в Сибири. №3. 2002. С. 16–20.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. 232 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Корчажнинская культура лесостепного Алтайского Приобья // Археологические исследования на Алтае. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1987. С. 137–158.
- Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Елунинское культовое место // Культура народов евразийских степей в древности. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. С. 161–180
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Святилище Нарийн Хурумта: древние европеоиды в центре Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. №3. С. 88–97.

- Ковалев А.А. О датировке оленного камня из кургана Аржан // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск: Наука, 1987. С. 93 – 98.
- Ковалев А.А. О происхождении оленных камней западного региона // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М., 2000. С.138–180.
- Ковалев А.А. О происхождении культуры оленных камней // Евразия сквозь века. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского ун-та, 2001. С. 160–166.
- Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Монгольский Алтай в бронзовом и раннем железном веках (по результатам работ Международной Центральноазиатской археологической экспедиции Санкт-Петербургского государственного университета, Института истории АН Монголии и Улан-Баторского государственного университета) // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007.
- Ковалевская В.Б. Антропоморфные амулеты VI–IX вв. на Северном Кавказе // КСИА. 1983. Вып. 176. С. 43–50.
- Ковалевский С.А. О взаимосвязи орнаментальных зон ирменской погребальной посуды с половозрастными характеристиками погребенных (по материалам детских погребений из ирменских курганных могильников в Кузнецкой котловине) // Четвертые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск: Омск. гос. ун-т, 1997. С. 66–67.
- Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья. Киев: Наукова думка, 1989. 336 с.
- Ковычев Е. В. История Забайкалья (I – сер. II тыс. н. э.). Иркутск, 1984. 81 с.
- Колобова Т.А. Зооморфная глиняная пластика археологических памятников Прикамья // Взаимодействие народов Евразии в эпоху великого переселения народов. Ижевск, 2006. С. 403–407.
- Коновалов П.Б. Плиточные могилы и курганы-керексуры Монголии и Бурятии (проблем синтеза культур) // Международный конгресс монголоведов. М., 1992. С. 112–118.
- Коновалов П.Б., Наваан Д., Волков В.В., Санджмятав Г. Керексуры в Тосонцэнгэле (р. Идэр, Монголия) // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. Улан-Удэ. 1995. С. 47–58.
- Кононенко Н.А. и др. Охотники-собиратели бассейна Японского моря на рубеже плейстоцена-голоцена. Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 2003. 176 с.
- Конопацкий А.К. Неолитическое искусство нижнего Амура в свете новых находок // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Археология и этнография. 1996. № 3. С. 72–79.
- Коробкова Г.Ф. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. Л., 1969.
- Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 272 с.
- Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М.: Наука, 1974. 168 с.
- Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 278 с.
- Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. М.: Наука, 1984. 246 с.
- Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. М.: Наука, 1991. 302 с.
- Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания: По сибирским археолого-этнографическим материалам. М.: Ладога-100, 2003. 352 с.
- Косинцев П.А., Папин Д.В. Особенности функционирования поселения финальной бронзы – Малый Гоньбинский Кордон-1/3 // Пятые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск, 2000. С. 67–69.
- Кочеев В.А. Воины пазырыкского общества // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990.
- Кругликова И.Т. Погребение IV–V вв. н. э. в дер. Айвазовское // СА. 1957. №2. С. 253–257.
- Крупянко А.А., Табарев А.В. Древности Сихотэ-Алиня. Археология Кавалеровского района. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2004. 76 с.
- Кубанова Т.А. Концепция эволюции мира у нанайского рода Самар // Культурное наследие народов Сибири и Севера. СПб.: МАЭ РАН, 2004. Ч. 2. С. 64–71.
- Кубанова Т.А. Мудрый Мир НаНай. СПб.: Турусел, 2006. 196 с.: ил.
- Кубанова Т.А. Экспедиция на гору Гольдакина: предварительные итоги // Врубелевские чтения. Омск, 2007.

- Кубарев В.Д. Первые работы в долине р. Юстыд // АО 1976 г. М., 1977. С. 209–211.
- Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая (оленные камни). Новосибирск: Наука, 1979. 120 с.
- Кубарев В.Д. Археологические памятники Кош-Агачского района (Горный Алтай) // Археологический поиск (Северная Азия). Новосибирск: Наука, 1980. С. 69–91.
- Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. 230 с.
- Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. 302 с.
- Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. Новосибирск: Наука, 1988. 173 с.
- Кубарев В.Д. Олений камень с р. Катунь // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: АГУ, 1993. Ч. 1. С. 146–149.
- Кубарев В.Д. Изваяние, оградка, балбалы (о проблемах типологии, хронологии и семантики древнетюркских поминальных сооружений Алтая и сопредельных территорий) // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 24–54.
- Кубарев В.Д. Каменные изваяния: возрождение древней традиции или фальсификация? // Наука в Сибири. Август 2003. №30. С. 6.
- Кубарев В.Д. Олений камень из урочища Кызыл-Джар (Алтай) // Изобразительные памятники: стиль эпоха, композиции. СПб., 2004а. С. 279–283.
- Кубарев В.Д. Древние стелы и изваяния в обрядах и суевериях народов Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004б. №1. С. 28–38.
- Кубарев В.Д., Кочеев В.А. Новая серия каменных изваяний Алтая // Археология Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1988. С. 202–222.
- Кубарев В.Д., Цзвэндорж Д., Якобсон Е. Предварительные результаты полевых работ в Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1998. С. 258–265.
- Кузьмин Н.Ю. Курган у деревни Новомихайловка. СПб., 1994. 38 с.: ил. (Археологические изыскания. Вып. 15).
- Кузьмина Е.Е. Древнеиранские и переднеазиатские элементы в искусстве ираноязычных народов первой половины I тыс. до н. э. // Тезисы докладов III Всесоюзной конференции «Искусство и археология Ирана и его связь с искусством народов СССР с древнейших времен». М.: Советский художник, 1979. С. 42–45.
- Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. М.: Наука, 1983. 257 с.
- Кунгуров А.Л., Горбунов В.В. Случайные археологические находки с Верхнего Чумыша (по материалам музея с. Победы). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 111–126.
- Кунгуров А.Л., Папин Д.В. Могильник-5 археологического комплекса Малый Гоньбинский Кордон-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 56–69.
- Кызласов Л. Р. Памятники поздних кочевников Центрального Казахстана // Известия АН КазССР. 1951. Вып. 3. С. 53–63.
- Кызласов Л. Р. О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображавших людей // Советская археология. 1964. №2. С. 27–39.
- Кызласов Л.Р. Древняя Тува. М.: Изд-во МГУ, 1979. 208 с.
- Кызласов Л. Р. Древнейшая Хакасия. М.: Издательство МГУ, 1986. 295 с.
- Ларичев В.Е. Скульптура черепахи с поселения Малая Сья и проблема космогонических представлений верхнепалеолитического человека (описание находки и опыт предварительной интерпретации) // У истоков творчества. Новосибирск: Наука. 1978. С. 32–69.
- Ларичев В.Е. Мамонт в искусстве поселения Малая Сья и опыт реконструкции представлений верхнепалеолитического человека Сибири о возникновении Вселенной // Звери в камне. Новосибирск: Наука, 1980.
- Ларичев В.Е. Двуконечная зооантропоморфная скульптура из камня поселения Малая Сья (явление полиобразности в мобильном искусстве раннего этапа верхнего палеолита Сибири и проблема семантики первобытного художественного творчества) // Древности Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1987. С. 44–63.
- Ларичев В.Е. Мудрость Змеи: Первобытный человек, Луна и Солнце. Новосибирск: Наука, 1989. 271 с.

Ларичев В.Е. Первые образцы искусства малых форм древнекаменного века Центральной Азии (принципы выделения нестандартных объектов художественного творчества и семантика образов) // Деревянко А.П. и др. Палеолит Восточных предгорий Арц-Богдо. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2001. С. 69–82.

Ларичев В.Е., Аннинский Е.С. Древнее искусство: знаки, образы и время. Медведь, мамонт и змеи в художественном творчестве палеолита Сибири (семантические реконструкции). Новосибирск: Издательство СО РАН. Филиал «Гео», 2005. 114 с.: илл.

Лбова Л.В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. 240 с.

Лбова Л.В., Волков П.В., Базаров Б.А. Семантический аспект находок 3-го уровня памятника Хотык (Западное Забайкалье) // История и культура Востока Азии. Новосибирск: Изд. ИАЭТ СО РАН, 2002. Т. 2. С. 101–103.

Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н. э. – I тысячелетие н.э. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. 396 с.: ил.

Леви-Строс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1999. 392 с.

Леонтьев Н.В. Стела с реки Аскиз (образ мужского божества в окуневском искусстве) // Окуневский сборник. СПб., 1997. С. 222–236.

Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2006. 236 с.

Леонтьев Н.Л. Каменные фигурные жезлы Сибири // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975. С. 63–67.

Леонтьев С.Н. К вопросу о сейминско-турбинской традиции на Среднем Енисее // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2002. Кн. 1. С. 181–183.

Леонтьев С.Н. Гравированные гальки Торгажака (к семантике некоторых изображений) // Евразия сквозь века. СПб: Изд-во СПб. ун-та, 2001. С. 111–116.

Малявин А.В. Новая находка каменной скульптуры на Нижнем Амуре // Древнее искусство тихоокеанских культур. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та. 1996. С. 105–108.

Маргулан А.Х. Каменные изваяния Улытау // Сочинения в 14 томах. Т. 3. Алматы: «Дайн-Пресс», 2003. 50 с.: ил.

Марков В.Н. Ананьинская проблема (некоторые итоги и задачи ее решения) // Памятники древней истории Волго-Камья. Казань, 1994. С. 48–88.

Марсадалов Л.С. Археологическая разведка в Улаганском районе Горного Алтая в 1980 г. // Древние памятники культуры на территории СССР. СПб., 1991. С. 49–59.

Марсадалов Л.С. Исследования на Западном Алтае (около поселка Кольвань). Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. Вып. 2. СПб.: Эльбрус, 1998. 18 с.: 29 ил.

Марсадалов Л.С. Комплекс памятников в Семисарте на Алтае. Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. Вып. 4. СПб.: «Копи Р», 2001. 65 с.: 118 ил.

Марсадалов Л.С. Древние каменоломни в Центральной Азии // Производственные центры: источники, «дороги», ареал распространения. СПб.: Элексис Принт, 2006. С. 179–185.

Матвеев А.В. Ирменская культура Верхнего Приобья. Новосибирск, 1993.

Матвеева Г.И. Среднее Поволжье в IV–VII вв.: именьковская культура. Самара, 2003. 160 с.

Матренин С.С., Шелепова Е.В. Материалы по изучению ритуальных сооружений кочевников Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. (булан-кобинская культура) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН, 2007. С. 84–90.

Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. 4: Еловско-ирменская культура. Приложения. Томск: Изд-во ТГУ, 1974. 42 с.: илл. (Из истории Сибири. Вып. 12).

Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Часть вторая: Еловский II могильник. Доирменские комплексы. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. 468 с.

Матющенко В.И., Шерстобитова О.С. О месте самусьской мелкой пластики в системе районов изобразительного творчества эпохи неолита и ранней бронзы Евразии // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. СПб., 2004. С. 223–226.

Мачинский Д.А., Чугунов К.В. Атрибуты женского культа в древних культурах Саяно-Алтая (пути генезиса, археологический и семантический аспекты) // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб, 1998. С. 183–133.

Медведев В.Е. Проблема истоков некоторых скульптурных и наскальных образов в первобытном искусстве юга Дальнего Востока и находки, относящиеся к осиповской культуре на Амуре // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 4 (8). С. 77–94.

Медведев В.Е. Неолитические культовые центры в долине Амуре // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. №4 (24). С. 40–69.

Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 1976. 408 с.

Миклашевич Е.А. Окуневские лошади: к проблеме появления одомашненной лошади в Южной Сибири // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб., 2006. С. 191–211.

Михайлов Ю.И. Орнамент андроновского керамического комплекса (проблемы анализа и интерпретации): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Кемерово, 1990. 18 с.

Михайлов Ю.И. Особенности семантики образа змеи в культурных традициях древнего населения западной Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1997. С. 226–229.

Михайлов Ю.И. Мировоззрение древних обществ юга Западной Сибири (эпоха бронзы). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. 363 с.

Могильников В. А. Кимаки // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 43–44.

Могильников В.А. Два оленных камня с Алтая // КСИА. М., 1980. №162. С. 68–72.

Могильников В.А. Древнетюркские оградки Кара-Коба-I // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1992. С. 175–212.

Могильников В.А. К проблеме происхождения древних тюрков Алтая // Алтай и тюрко-монгольский мир. Горно-Алтайск, 1995. С. 142–145.

Могильников В.А., Елин В.Н. Курганы Талдура // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 гг. Горно-Алтайск, 1983. С. 127–153.

Могильников В.А., Куйбышев А.В., Суразаков А.С. Раскопки в Кызыл-Джаре // Археологические открытия 1977 года. М.: Наука, 1978. С. 261–262.

Могильников В.А., Суразаков А.С. Исследование курганов Кызык-Телань // Древности Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2003. №11. С. 35–36.

Молодин В.И. Косторезное искусство кротовской культуры // Проблемы археологии и этнографии Сибири. Иркутск, 1982. С. 88–90.

Молодин В.И. Погребение литейщика из могильника Сопка-2 // Древние горняки и металлургия Сибири. Барнаул: Изд-во АГУ, 1983. С. 96–108.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 126 с.

Молодин В.И. Социально значимые захоронения кротовской культуры // Религиозные представления в первобытном обществе. М.: Наука, 1987. С. 140–144.

Молодин В.И. Древнее искусство Западной Сибири. Новосибирск, 1992.

Молодин В.И. Оригинальные поясные пряжки эпохи развитой бронзы из горного Алтая и Западно-Сибирской лесостепи // Древние культуры Южной Сибири и Северо-Восточного Китая. Новосибирск, 1994. С. 82–86.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайсс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Чемякина М.А., Ефремова Н.С., Марченко Ж.В., Овчаренко А.П., Рыбина Е.В., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Бенекс Н. Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Кулик Н.А. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи // Материалы по археологии Сибири. Новосибирск, 2001. Вып. 4. Т. 2. 336 с.

Молодин В.И., Парцингер Г., Цэвээндорж Д. и др. Мультидисциплинарные исследования Российско-Германско-Монгольской экспедиции в Монгольском Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2006. Т. XII, ч. 1. С. 428–433.

Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Новиков А.В., Богданов Е.С., Слюсаренко И.Ю., Черемисин Д.В. Археологические памятники плоскогорья Укок (Горный Алтай). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. 256 с. (Мат-лы по археологии Сибири; Вып. 3).

- Молодин В.И., Чемякина М.А., Парцингер Г., Новикова О.И., Ефремова Н.С., Гришин А.Е., Марченко Ж.В. Глиняные скульптурки городища Чича I // Исторический опыт культурного и хозяйственного освоения Западной Сибири. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2003. Кн. I. С. 333–340.
- Молодин В.И., Черемисин Д.В., Новиков А.В. Археологические памятники долины Мойнак и ближайших окрестностей (Горный Алтай плоскогорье Укок) // Археология вчера, сегодня, завтра. Новосибирск. 1995. С. 121–149.
- Молодин В.И., Черемисин Д.В., Новиков А.В. Оленные камни Аргамджи // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. №4. С. 57–63.
- Молодин В.И., Соболев В.И. Предметы мелкой глиняной пластики с Абрашинского городища (эпоха поздней бронзы) // Пластика и рисунки древних культур. Новосибирск: Наука, 1983. С. 105–108
- Мошинская В.И. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М.: Наука, 1976.
- Мыльников В.П. Обработка дерева носителями пазырыкской культуры. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 1999. 232 с.
- Никонов А.А., Показаньева Г.С. «В священном пределе шамана...» // Комсомольск, сентябрь 2006г. С. 14–16.
- Новгородова Э.А. Памятники изобразительного искусства древнетюркского времени на территории МНР // ТС-1977 г. М., 1981. С. 203–218.
- Новгородова Э.А. Древняя Монголия (Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). М.: Наука, 1989. 384 с.
- Новичихин А.М. Памятники христианства V–VI вв. из Анапы // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2005. С. 191–193.
- Обельченко О.В. Культура античного Согда: По археологическим данным VII в. до н. э. – VII в. н.э. М.: Наука, 1992. 256 с.
- Ожередов Ю.И. Комбинированное изваяние с реки Цалуу в Западной Монголии // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. С. 144–152.
- Окладников А.П. Культ медведя у неолитических племен Восточной Сибири // СА. 1950. XIV. С. 7–19.
- Окладников А.П. Неолит – бронзовый век Прибайкалья // МИА. 1950. Вып. 18. 211 с.
- Окладников А.П. Из истории этнических и культурных связей у неолитических племен Среднего Енисея (к вопросу о происхождении самодийских племен) // СА. 1957. №1. С. 26–56.
- Окладников А.П. Петроглифы Ангары. М.: Наука, 1966. 322 с.
- Окладников А.П. Петроглифы Нижнего Амура. Л.: Наука, 1971. 336 с.
- Окладников А.П. Неолитические памятники Нижней Ангары. Новосибирск: Наука, 1976. 327 с.
- Окладников А.П., Кириллов И.А. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск: Наука, 1980.
- Окладникова Е.А. Ритуальные скульптурки животных из сыра кумандинских алтай-кижи // Пластика и рисунки древних культур. Новосибирск: Наука, 1983. С. 161–175.
- Ольховский В.С. Оленные камни (к семантике образа) // СА. 1989. №1. С. 48–62.
- Ольховский В.С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М.: Наука, 2005. 300 с.: 156 ил.
- Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния VII–III вв. до н. э. М., 1994. 188 с.
- Онайко Н.А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–II вв. до н. э. М.: Наука, 1970. 215 с.: ил. (Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Д1–27).
- Оненко С.Н. Нанайско-русский словарь. М.: Москва, 1980.
- Памятники истории и культуры Северо-Западного Алтая. Барнаул, 1990. 132 с.
- Папин Д.В. Предварительные итоги изучения поселения Малый Гоньбинский Кордон-1/3 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2000. Т. VI. С. 380–384.
- Папин Д.В. Зооморфная глиняная пластика поселения МГК- 1/3 // Исследования молодых ученых в области археологии и этнографии. Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2001. С. 148–150
- Пашкевич Г.А. Палеоботаническое исследование материалов из раскопок Бельского городища // Черненко Е.В., Ролле-Герц Р.А. и др. Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 2004 г. Киев, 2005. С. 90–96.

- Переводчикова Е.В. Язык звериных образов: Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. 206 с.: ил.
- Плетнева С. А. Древности черных клобуков. М.: Наука, 1973. 96 с.
- Плетнева С. А. Печенеги и гузы на Нижнем Дону (по материалам кочевнического могильника у Саркела – Белой Вежи). М: Институт археологии АН СССР, 1990. 102 с.
- Плотников Ю.А., Худяков Ю.С. Древнетюркские каменные изваяния в долине р. Торгалыг // Археологические исследования на Алтае. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1987а. С. 188–197.
- Плотников Ю.А., Худяков Ю.С. Оленные камни Южной Тувы // Скифо-Сибирский мир. Новосибирск, 1987б. С. 108–112.
- По реке времени. Путеводитель к экспозиции. Северск: Ветер, 2004.
- Подольский М.Л. О мировоззренческих особенностях сибирского изобразительного искусства эпохи бронзы (окуневские личины) // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. С. 111–115.
- Подольский М.Л. Окуневские изваяния и оленные камни // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск: Наука, 1987. С. 127–132.
- Подольский М.Л. Овладение бесконечностью (опыт типологического подхода к окуневскому искусству) // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб, 1997. С. 168–201.
- Позднеев А.В. Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892–1893 гг. СПб., 1896. Т. I. с.
- Поздняков Д.В. Формирование древнетюркского населения Горного Алтая по данным антропологии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. С. 142–153.
- Полосьмак Н.В. Деревянные щиты из пазырыкских курганов // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992.
- Полосьмак Н.В. Исследование памятников скифского времени на Укоке // Altaica. Новосибирск, 1993. №2. С. 21–31.
- Полосьмак Н.В. «Стережущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск: Наука, 1994. 125 с.
- Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.
- Потанин Г.Н. Памятники древности в северо-западной Монголии, замеченные во время поездки в 1879 году // Древности Т. 10. СПб., 1885.
- Приклонский В. Л. Похороны якутов в северной части Якутской области // Сиб. сб. Иркутск, 1890. Вып. 1. С. 162–169.
- Прокофьева Е.Д. Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 106–128.
- Пшеничнюк А.Х. Раскопки «царского» кургана на Южном Урале. Препринт доклада. Уфа, 1989. 17 с.: ил.
- Раевский Д.С. Скифские каменные изваяния в системе религиозно-мифологических представлений ираноязычных народов евразийских степей // Средняя Азия, Кавказ и Зарубежный Восток в древности. М., 1983. С. 41–60.
- Распопова В.И., Шишкина Г.В. Согд // Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье. М.: Наука, 1999. С. 50–77.
- Ритуальная скульптура нанайцев (из собрания музея). Каталог. Комсомольск-на-Амуре, 1992. 176 с.
- Руденко К.А. Малополянское V селище // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии). Самара, 1998. С. 185–197.
- Руденко К.А. Булгарские святилища эпохи средневековья XI–XIV вв. (по археологическим материалам) // Культурные памятники Камско-Вятского региона. Материалы и исследования. Ижевск, 2004. С. 36–66.
- Руденко К.А. Новые находки эпохи Великого переселения народов в низовьях Камы // Взаимодействие народов Евразии в эпоху великого переселения народов. Ижевск, 2006. С. 252–261.
- Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953. 401 с.
- Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960. 351 с.
- Русяева М.В. Образ Геракла на памятниках ювелирного мистецтва IV ст. до н.э. з Північного Причорномор'я // Музейні читання. Київ, 2001. С. 53–62.
- Рыболовство в Западной Сибири // Памятная книга Западной Сибири. СПб., 1882. С. 339–369.

- Савинов Д.Г. Археологические памятники в районе хребта Чихачева // Археологические открытия 1971 г. Москва: Наука, 1972. С. 286–287.
- Савинов Д.Г. О культурной принадлежности северокавказских камней-обелисков // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977. С. 123–129.
- Савинов Д.Г. Антропоморфные изваяния и вопрос о ранних тюрко-кыргызских связях // ТС-1977 г. М., 1981. С. 233–248.
- Савинов Д.Г. Формирование и развитие раннесредневековых археологических культур Южной Сибири: Дис. ... докт. ист. наук. Л., 1987.
- Савинов Д.Г. Спорные вопросы изучения оленных камней // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1988.
- Савинов Д.Г. Проблема оленных камней (в историографическом аспекте) // История археологических исследований Сибири. Омск: ОмГУ, 1990. С. 106–133.
- Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. Л.: Изд. СПбГУ, 1994. 208 с.
- Савинов Д.Г. Антропоморфные изображения на гальках из Торгажак (новые материалы о южных истоках культуры нганасан) // «Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить...». Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. С. 107–120.
- Савинов Д.Г. Древние поселения Хакасии. Торгажак. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1996. 105 с.
- Савинов Д.Г. К вопросу о формировании окуневской изобразительной традиции // Окуневский сборник. СПб., 1997. С. 202–212.
- Савинов Д.Г. «Идея» ряда в древних и средневековых памятниках Центральной Азии и Южной Сибири // Четвертые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1997. С. 126–128.
- Савинов Д.Г. Изобразительные памятники и ритуал (по материалам эпохи бронзы Южной Сибири) // Междунар. конф. по первобытному искусству. Труды. Т.2. Кемерово, 2000. С. 197–206.
- Савинов Д.Г. Торгажакские гальки (основные аспекты изучения, интерпретация) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 2 (14). С. 48–70.
- Сагалаев А.М. Урало-алтайская мифология. Символ и архетип. Новосибирск: Наука, 1991. 154 с.
- Самар Е. Род Саманде-Самар-Моха, Монгол // «Дальневосточный Комсомольск», 1990, 16 ноября.
- Самар Е.Д. «Под сенью родового древа» Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 2003.
- Самар Е.Д. Саманде-Самар-Моха-Монгол // Дальневосточный Комсомольск. 1990. 10 ноября.
- Самашев З., Григорьев Ф., Жумабекова Г. Древности Алматы. Алматы, 2005, 184 с.
- Самашев З.С. Наскальные изображения Верхнего Пииртышья. Алма-Ата: Гылым, 1992. 288 с.
- Самашев З.С., Жумабекова Г. К вопросу о культурной атрибуции некоторых случайных находок из Казахстана // Известия Нац. АН Респ. Казахстан. Серия обществ. наук. 1993. № 5. С. 23–33.
- Сарианиди В.И. Социальный и политический строй древневосточного царства Маргуш // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М: Изд-во Института археологии РАН, 2004. С. 318–334.
- Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Бельгибаев Е.А. Мир таежных культур Юга Сибири (традиционное хозяйство и сопутствующие компоненты жизнедеятельности). Омск: Издательский дом «Наука», 2006. – 260 с.
- Семенов Вл.А. Неолит и бронзовый век Тувы. СПб.: ЛНИАО, 1992. 152 с.
- Семенов Вл.А. Монгун-Тайга. СПб, 1997. 48 с., илл. (Археологические изыскания; Вып. 54).
- Семенов В.А. Фатьяновская культура – карасукская культура и «миграция тохаров в свете археологии» // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 2002. С. 114–116.
- Семенов С.А. Первобытная техника. М.; Л.: Наука, 1957.
- Семенов С.А., Коробкова Г.Ф. Технология древнейших производств. Л.: Наука, Ленингр. отд-е, 1983.
- Сергеев Д.А. Мотивы эскимосского фольклора в древнеберингоморской скульптуре (1-е вв. н.э.) // Фольклор и этнография. Л.: Наука, 1970. С. 105–112.
- Сергеев Д.А. Фрадкин Э.Е. Зооморфные, антропоморфные и полиэйконические композиции на «крылатых предметах» Древнего Берингоморья (по материалам полевых исследований на Чукотке в 1973 г. и коллекциям МАЭ). НОСА: ТД, 1975. Ч. 1.

- Сергеев Д.А. Фрадкин Э.Е. Полиэikonия на северо-востоке Чукотки // Краткое содержание докладов годичных научной сессии Института этнографии АН СССР 1970. Л., 1971. С. 115–116.
- Сергеев Д.А., Фрадкин Э.Е. Полиэikonия как один из источников реконструкции идеологических представлений в первобытном обществе // Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР 1974–1976. Л., Наука, 1977. С. 155–156.
- Сериков Ю.Б. Атрибуты шаманского культа // Международная конференция по первобытному искусству 3–8 августа 1998. Труды. Т. 2. Кемерово, 2000. С. 214–215.
- Сериков Ю.Б. Произведения первобытного искусства с Восточного склона Урала // ВАУ. Екатеринбург, 2002. Вып. 24. С. 127–150.
- Сериков Ю.Б. Новые находки произведений мобильного искусства в Среднем Зауралье // Памятники археологии и художественное творчество. Омск: Наука, 2005. Вып. 3. С. 75–79.
- Симонова И.Л. Многофигурные полиэikonические композиции в мобильной скульптуре (к вопросу изучения) // Памятники археологии и художественное творчество. Материалы осеннего colloquium. Вып. 3. Омск: Наука, 2005. С. 79–83.
- Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. 380 с.: ил.
- Смирнов А.М. Изображения посохов на антропоморфных изваяниях эпохи энеолита в Северном Причерноморье и Средиземноморье. Аналогии, интерпретации // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М: Изд-во Института археологии РАН, 2004. С. 65–92.
- Советова О.С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее: (Сюжеты и образы). Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2005. 140 с.: ил.
- Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири: Эпоха средневековья. Новосибирск: Наука, 1987. 193 с.
- Соловьев А.И. Оружие и доспехи: Сибирское вооружение от каменного века до средневековья. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2003. 223 с.
- Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры. М.: «Наука», 1967. 97 с. (Свод археологических источников. Вып. Д1–32).
- Столяр А.Д. Происхождение изобразительного искусства. М., Искусство, 1985. 298 с.: ил.
- Студзицкая С.В. Образ зверя в мелкой пластике сибирских племен в эпоху неолита и ранней бронзы // Экспедиции ГИМ. Доклады на сессии Ученого Совета ГИМ 5–7 февраля 1969 года. М., 1969. С. 39–63.
- Студзицкая С.В. Образ зверя в мелкой пластике сибирских племен в эпоху неолита и ранней бронзы // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973. С. 183 – 190.
- Студзицкая С.В. Скульптура эпохи ранней бронзы на Верхней Ангаре: По материалам могильника Шумилиха // Бронзовый век Приангарья: Могильник Шумилиха. Иркутск, 1981. С. 38–45.
- Студзицкая С.В. Семантика культовых предметов из погребения шамана в могильнике Шумилиха // Первобытная археология. Человек и искусство. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2002. С. 141–146.
- Сунгатов Ф.А., Юсупов Р.М. Бронзовая фигурка всадника с Южного Урала // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Уфа: Гилем, 2006. С. 246–256.
- Табалдиев К.Ш. Средневековые памятники Центрального Тянь-Шаня // Источники по средневековой истории Кыргызстана и сопредельных областей Средней и Центральной Азии. Бишкек, 1991. С. 103–105.
- Табарев А.В. Декоративные элементы в раннеголоценовых индустриях Дальнего Востока: проблема интерпретации // Поздний палеолит – ранний неолит Восточной Азии и Северной Америки. Владивосток, 1996. С. 213–218.
- Табарев А.В. По следу халцедонового тигра // Древнее искусство тихоокеанских культур. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та. 1996. С. 51–72.
- Табарев А.В. О происхождении древнейших промысловых культов Северной Пасифики // Интеграция археологических и этнографических исследований. Владивосток; Омск, 2000. С. 201–202.
- Табарев А.В. Ритуальная атрибутика финального палеолита Приморья // Широкогоровские чтения (проблемы антропологии и этнологии). Владивосток, 2001. С. 63–65.
- Татауров С.Ф., Тихонов С.С., Чудаков Д.В. Могильник Алексеевка-I // Материалы по археологии Обь-Иртышья. Сургут. 2001. С. 114–127

- Ташак В.И. Обработка скорлупы яиц страусов в верхнем палеолите Забайкалья // История и культура востока Азии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. Т. 2. С. 159–164
- Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев: Наукова думка, 1976. 224 с.
- Тихонов С.С. Возможные миграции с бассейна Оби на Тару // Средневековые древности Западной Сибири. Омск, 1995. С. 16–23.
- Тишкин А.А. Каменные стелы из курганного могильника Бийке на р. Катунь // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 46–49.
- Тишкин А.А. Погребальные сооружения курганного могильника Бийке в Горном Алтае и культура населения, оставившего их // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 20–52
- Тишкин А.А. Новые и известные находки каменных стел и изваяний скифского времени на Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. Вып. XIV. С. 171–179.
- Тишкин А.А. Историко-культурное наследие Алтая: Древности Онгудайского района. Барнаул: Азбука, 2006. Вып. 1. 12 с.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. Т. IX, ч. 1. С. 488–493.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 200 с. + вкл.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В., Матренин С.С. Яломанский археологический микрорайон в Горном Алтае // Археологические микрорайоны Северной Евразии. Омск: ОмГУ, 2004. С. 93–97.
- Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. 430 с.
- Тишкин А.А., Нямдорж Б., Дашковский П.К., Нямсүрэн Л., Мунхбаяр Ч. Археологические изыскания в Ховдском аймаке (предварительные изыскания) // Эколого-географические, археологические и социоэтнографические исследования в Южной Сибири и Западной Монголии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. 2006. С. 107–114.
- Токтабай А.У. Культ коня у казахов. Алматы: КазИздат-КТ, 2004. 124 с.
- Топорков А.Л. Символика и ритуальные функции предметов материальной культуры // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989. С. 89–100.
- Трейстер М.Ю. Кельти у Північному Причорномор'ї // Археологія. 1992. №2. С. 37–50.
- Тянь Гуанцзин, Го Сусинь. Золотые и серебряные вещи, найденные в Алучжайдэн. // Ордосские бронзы. Пекин, 1986. С. 342–350. (кит. яз.).
- Фрадкин Э.Е. Полиэконическая скульптура из верхнепалеолитической стоянки Костенки I // Советская этнография. 1969. №1. С. 135–142.
- Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М., 1998. 800 с.
- Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. Л.: Худ. лит., 1936. 454 с.
- Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. 448 с.
- Фролова Н.А. Вторжение варварских племен в города Северного Причерноморья по нумизматическим данным // СА. 1989. № 4. С. 196–206.
- Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь. М.: Издательство политической литературы, 1984. 703 с.
- Халиков А.Х. Стелы с изображением оружия раннего железного века // СА. 1963. №3. С.180–190.
- Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа VIII–VI вв. до н.э. М.: Наука, 1977. 262 с.
- Харалдина З.Е., Новичихин А.М. Античные коллекции Анапского музея // ВДИ. 1994. №2. С. 200–212.
- Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.
- Худяков Ю. С. Традиционные элементы в погребальной обрядности коренного населения южной части Минусинской котловины в XVII–XIX вв. // Проблемы культурогенеза и культурное наследие. СПб., 1993. Ч. 2. С. 157–162.
- Худяков Ю.С. Роль военного дела в социальной стратификации кочевого общества // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997. С. 9–11.

- Худяков Ю.С. Искусство средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1998. 120 с.
- Худяков Ю.С. Дискуссионные вопросы изучения поминальных памятников древних тюрок в Горном Алтае // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2002. №9. С. 137–153.
- Цыбиктаров А.Д. Оленные камни монголо-забайкальского типа как источник по изучению взаимоотношений древних скотоводов Центральной Азии эпохи поздней бронзы и раннего железа // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. С. 98–102.
- Цыбиктаров А.Д. Центральная Азия в эпоху бронзы и раннего железа (Проблемы этнокультурной истории Монголии и Южного Забайкалья середины II – первой половины I тыс. до н.э. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. №1. С. 80–97.
- Цыбиктаров А.Д., Данилов С.В. К вопросу о культурной принадлежности оленных камней монголо-забайкальского типа // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. С. 102–105.
- Чариков А. А. Новая серия каменных статуй из Семиречья // Средневековые древности евразийских степей. М.: Наука, 1980. С. 213–234.
- Чариков А.А. Каменные скульптуры средневековых кочевников Прииртышья // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1980. С. 130–140.
- Чевалков Л.М. Результаты научных исследований по проектам: «Памятники историко-культурного наследия Алтая» и «Палеоэкология и культура древнего человека эпохи камня в Горном Алтае» // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: 2004. Т. X. Ч. I. С. 174–178.
- Ченченкова О.П. Каменная скульптура лесостепной Азии эпохи палеометалла III–I тыс. до н.э. Екатеринбург: Тезис, 2004.
- Ченченкова О.П. Антропоморфные каменные скульптуры из Северного Казахстана // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып.5. Екатеринбург, в печати.
- Черненко Е.В., Скифский доспех. Киев: Наукова думка, 1968. 191 с.
- Черных Е.М., Колобова Т.А. Глиняные фигурки Зуевключевского I городища и некоторые вопросы их назначения и семантики // Российская археология. 2006. №4. С. 145–151.
- Чжу Яньпин. Анализ сосуда типа цзунь из Сяошань с «узором птицы и зверей» // Каогу. 1990. № 4. С. 360–365. (на кит. яз.).
- Чигаева В.Ю. К вопросу об образе птицы в петроглифах Хакассии (стилистические особенности и культурная принадлежность) // Традиционные культуры и общества Северной Азии с древнейших времен до современности. Материалы XLIV РАЭСК. Кемерово: Изд-во Кем. ун-та, 2004. С. 402–403.
- Чижевский А.А. Ананьинские (постмаклашеевские) стелы IX–VI вв. до н.э. // Древности Евразии от ранней бронзы до раннего средневековья. М., 2005. С. 268–300.
- Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно исторические области): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. 26 с.
- Чижевский А.А., Марков В.Н. Стелы ананьинского типа (классификация и назначение) // Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья. Болгар, 1999. С. 14–16.
- Членова Н.Л. Андроновские и ирменские погребения могильника Змеевка (Северный Алтай) // Археология Средней Азии и Сибири. КСИА. № 147. М.: Наука, 1976. С. 76–83.
- Членова Н.Л. Новые данные о связях Монголии и Северного Кавказа в скифскую эпоху // Евразийские древности. К 100-летию со дня рождения Б.Н. Гракова: архивные материалы, публикации, статьи. М.: ИА РАН. 1999. С. 310–318.
- Членова Н.Л. О культурной принадлежности Старшего Ахмыловского могильника, новомордовских стелах и “отделившихся скифах” // КСИА. 1988. №194. С. 3–11.
- Членова Н.Л. Олени, кони и копыта (О связях Монголии, Казахстана и Средней Азии в скифскую эпоху) // Российская археология. 2000. № 1. С. 90–106.
- Членова Н.Л. Оленные камни как исторический источник (на примере оленных камней Северного Кавказа). Новосибирск: Наука, 1984. 100 с.
- Членова Н.Л. Северный Кавказ – Синьцзян – Монголия («Общевразийские» оленные камни) // Археологические памятники раннего железного века юга России. М.: ИА РАН, 2004. С. 220–244.

- Чугунов К.В. Аржан – источник // Аржан. Источник в Долине царей. Археологические открытия в Туве. СПб, 2004. С. 10–39.
- Чугунов К., Наглер А., Парцингер Г. Аржан-2 – материалы эпохи бронзы // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб. 2006. С. 303–311.
- Чугунов К.В., Парцингер Г., Наглер А. Элитное погребение эпохи ранних кочевников в Туве (предварительная публикация полевых исследований Российско-Германской экспедиции в 2001 году) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. №2. С. 115–124.
- Шамшин А.Б. Фирсовский археологический микрорайон: некоторые итоги и перспективы исследования // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1997. С. 326–331.
- Шао Готянь. Разведка стоянки Наньтайди культуры Чжаобаоугоу в аймаке Аохань // Нэймэнгу вэньу каогу. 1991. №1 (5). С. 2–10. (на кит. яз.).
- Шевкомуд И.Я. Об открытии древнейших погребений и некоторых проблемах осиповской культуры (Приамурье) // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН. 1996. С. 253–256.
- Шевкомуд И.Я. Поздний неолит Нижнего Амура. Владивосток: ДВО РАН, 2004. 156 с.
- Шевкомуд И.Я. Стоянка Гончарка 1 и некоторые проблемы мезо-неолитических комплексов на Нижнем Амуре // Поздний палеолит – ранний неолит Восточной Азии и Северной Америки. Владивосток, 1996. С. 237–248.
- Шелепова Е.В. Использование изваяний скифского времени в тюркских поминальных памятниках // Материалы XLII МНСК «Студент и научно-технический прогресс». Новосибирск, 2004. С. 65–67.
- Шелов Д.Б. Антропоморфный амулет из Танаиса // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984. С. 241–246.
- Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. М.; Л.: Наука, 1966. 138 с.: ил.
- Шер Я.А. Первобытное искусство: Проблема происхождения. Кемерово, 1998.
- Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). К.: Наукова думка, 1987. 182 с.
- Шрамко Б.А. Комплекс глиняных скульптур Бельского городища // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. Полтава: «Археологія», 1996. С. 67–87.
- Шрамко Б.А. Следы земледельческого культа у лесостепных племен Северного Причерноморья в раннем железном веке // Советская археология. 1957. №1. С. 188–197.
- Шрамко И.Б., Задников С.А., Зоря А.О. Селище скифского времени у с. Червоносого // Древности 2004. Харьков: НМЦ “МД”, 2004. С. 27–32.
- Эверстов С.И. Рыболовство в Сибири. Каменный век. Новосибирск, 1988. 143 с.
- Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск. 1985.
- Энеолит СССР. М.: Наука, 1982. (Археология СССР).
- Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. 471 с. (Археология СССР).
- Эрдэйи И. Некоторые итоги работ монгольско-венгерской экспедиции // Археология и этнография Монголии. Новосибирск: Наука, 1978. С. 136–152.
- Эрдэнэбаатар Д., Ковалев А. ХиригсҮҮр, буган чулун хӨшӨӨг холбон Үзэх нь // Угсаатан судлал (Studia ethnologica). Т. XV. Fasc. 1–16. Улаанбаатар. 2003. Р. 150–157.
- Эрдэнэбаатар Д., Ковалев А. Хиригсуур, буган чулуун хөшөөг холбон узэх нь // Угсаатан судлал. Улаанбаатар, 2003. Т. XV. С. 150–157. (на монгольском яз.)
- Ядринцев Н.М. Описание сибирских курганов и древностей. Путешествие по Западной Сибири и Алтаю в 1878 и 1880 г. // Древности: Труды Императорского Московского археологического общества. М., 1883. Т. IX. Вып. II–III. С. 181–205.
- Ядринцев Н.М. Описание сибирских курганов и древностей. Путешествие по западной Сибири и Алтаю в 1878 и 1880 гг. // Древности. СПб., 1883. Т. 11.
- Якунина Л. И. Женский образ в искусстве якутов и «каменная баба» ГИМа // Сб. науч. ст. Якут. республ. краев. музея. Якутск, 1960. Вып. 3. С. 88–91.
- Ян Ху, Чжу Яньпин. Стоянка Сяошань из аймака Аохань во Внутренней Монголии // Каогу. 1987. №6. С. 481–506. (на кит. яз.).
- Аохань Чжаобаоугоу – синьшици шидай цзюйлоу [Неолитическое поселение Чжаобаоугоу в аймаке Аохань]. Пекин: Изд-во Чжунго дабайкэцзоаньшу, 1997. 248 с., ХСVI л. илл. (на кит. яз.).

- Anati E. *Evoluzione e Stile nell'Arte Rupestre Camuna*. Capo di Ponte, 1975.
- Anati E. *Evolution and Style in Camunian Rock Art*. Capo di Ponte, 1976. 182 p.
- Boucher de Pertes. *Antiquités Celtiques et Antédiluviennes*. V. 2. Paris, 1857.
- Costin C.L. *Craft Specialization: Issues in Defining Documenting, and Explaining the Organization of Production* // *Journal of Archaeological Method and Theory*. 1991. Vol. 3. N. 1. P. 1–56.
- Erdenebaatar D. *Funeral and Sacrifice Ritual of the Horse in the Bronze Age of Mongolia* // *Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования*. Иркутск. 2007. С. 201–209
- Fitzhugh W. *The Deer Stone Project: Exploring Northern Mongolia and its Arctic Connections* // *The Deer Stone Project. Anthropological Studies in Mongolia 2002–2004*. Ulaanbatar, 2005. 254 p.
- Gimbutas M. *The language of the Goddess*. London: Thames and Hudson, 2001. 388 p.
- Hayden B. *Practical and Prestige Technologies: The Evolution of Material Systems* // *Journal of Archaeological Method and Theory*. 1998. Vol. 5. N. 1. P. 1–55.
- Keeley L.H. *Experimental determination of stone tool uses. A microwear analysis*. Chicago, London: Univ. of Chicago Press, 1980.
- Korobkova G.F. *Narzedzia w pradziejach*. Torin, 1999.
- Leont'ev N. V. & Kapel'ko V. F. *Steinstelen der Okunev-Kultur. Archäologie in Eurasien*. Band 13. Mainz: Deutsches Archäologisches Institut, Eurasien-Abteilung, 2002. 110 s. Ill.
- Okladnikov A. *Ancient Art of the Amur Region*. Leningrad: Aurora Art Publishers, 1981. 160 p.
- Preliminary Report on the Archaeological Investigations in Mongolia 2003 (by Permanent Archaeological Joint Mongolian and Japanese Mission)*. 2006.
- Preliminary Report on the Archaeological Investigations in Mongolia 2004 (by Permanent Archaeological Joint Mongolian and Japanese Mission)*. 2006.
- Preliminary Report on the Archaeological Investigations in Mongolia 2005 (by Permanent Archaeological Joint Mongolian and Japanese Mission)*. 2006.
- Shuster K., Carpenter E. *Pattern that connect. Social symbolism in Ancient and Tribal art*. New-York. 1996. 317 p.
- Tabarev A.V. *People of Salmon: Technology, Art and Ritual of the Stone Age Cultures, Russia Far East* // *Archaeological Education of the Japanese Fundamental Culture in East Asia*. 21 COE Program Archaeology Series. 2006 Vol. 7. P. 111–124.
- The Golden Deer of Eurasia. Scythian and Sarmatian Treasures from the Russian Steppes*. Нью-Йорк, 2000.
- Vaughan P. *Use-wear analysis of flaked stone tools*. Tucson: Univ. of Arizona Press, 1985.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**КАМЕННАЯ СКУЛЬПТУРА И МЕЛКАЯ ПЛАСТИКА
ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ**

Сборник научных трудов

Труды САИПИ
Выпуск 3

Статьи публикуются в авторской редакции

Технический редактор: А.А. Тишкин

Подготовка оригинал-макета: Е.В. Агафонова

Разработка и дизайн обложки: Е.А. Миклашевич

Подписано в печать 21.06.2007. Формат 60x84 1/16

Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,48.

Тираж 400 экз. Заказ №678.

Отпечатано в типографии ООО «Азбука»
656099, г. Барнаул, пр. Красноармейский, 98а
тел. 62-77-25, 62-91-03
E-mail: azbuka@dsmail.ru